

Михаил Вячеславович Копотев

ПРИНЦИПЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ
ИДИОМАТИЗАЦИИ

С согласия гуманитарного факультета Хельсинкского университета
публичная защита диссертации на соискание ученой степени доктора философии
состоится в субботу, 10 января 2009 года, в 10 часов в аудитории XV (Unioninkatu 34)

ХЕЛЬСИНКИ
2008

ISBN 978-952-10-5189-0 (paperback)
ISBN 978-952-10-5190-6 (PDF)

Copyright: © Mikhail Kopotev, 2008

Cover design: Maria Baturina

Printed by: Helsinki University Press

Orders: Slavonic and Baltic Department
 P.O. Box 24 (Unioninkatu 40 B)
 FI-00014 University of Helsinki
 Finland

ПРЕДИСЛОВИЕ / PREFACE

За все возможные ошибки и неточности в этой книге, безусловно, отвечает автор. Однако этих недостатков было бы больше, если бы не дружеское внимание и к теме, и к автору множества людей.

Прежде всего, я благодарен за душевную поддержку и неоценимую профессиональную помощь моему руководителю – профессору Арто Мустайоки, который не просто поддержал тему моего исследования и выделил рабочий стол, но создал прекрасные условия для обсуждения моей работы на семинарах и много сделал для моей адаптации в новой стране и новом коллективе.

Кроме того, я от всего сердца благодарю профессора Уппсальского университета Юхани Нуорлуото за приглашение участвовать в проекте «Этническое, языковое и культурное формирование Северной России», в рамках которого я получил возможность плодотворно общаться со многими специалистами. Всем участникам этих встреч я также выражаю искреннюю признательность.

Множество людей обсуждали и комментировали мою работу на разных этапах ее подготовки. Я особо признателен за консультации и поддержку Л. Балоде, Л. А. Бирюлину, Й. и Х. Виймаранта, Й. Вирккула, Г. Б. Гурину, Д. О. Добровольскому, М. Израэлю, Л. Л. Иомдину, А. Кашкелевичиене, А. Кермут, А. Кирвесмяки, С. А. Крылову, А. Б. Летучему, Х. Лехечковой, И. Майер, И. А. Мельчуку, М. Б. Михайловой, Х. Ниеменсику, Е. Никкиля, Б. Ю. Норману, Ю. Папинниеми, В. А. Плунгяну, М. Пост, Дж. Рубинштейну, Б. Санроман-Вилас, П. Саурио, Т. И. Стексовой, Х. Томмоле, Т. И. Резниковой, У. Хаканен, Е. А. Хелимскому (†), С. А. Шарову, О. Ю. Шеманаевой, А. В. Файнвейц, Л. Янде, а также подписчикам электронных листов рассылки *Nordslav* и *Slavling*.

Я искренне благодарен рецензентам моей диссертации профессору М. Лейнонен и профессору Е. В. Рахилиной за их внимательное и доброжелательное отношение к моей работе не только на заключительной стадии, но и все эти годы.

И наконец, огромное спасибо я говорю Анне Брайткопф, Ахти Никунласси и Екатерине Протасовой за их постоянную и дружескую поддержку во всех обстоятельствах.

МК

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTON	6
Объект исследования	8
Исчисление типов	9
Синтаксис <i>vs</i> лексика	12
Проблемы выделения.....	14
Теоретические предпосылки.....	17
Грамматика конструкций (CxG).....	17
Грамматикализация <i>vs</i> деграмматикализация	20
Грамматикализация (в узком смысле).....	21
Деграмматикализация	22
Синтаксическая реинтерпретация (syntactic reanalysis).....	22
Синхрония <i>vs</i> диахрония.....	24
Модель языка, основанная на употреблении.....	24
Теория невидимой руки	26
Методы	27
Корпусная лингвистика	27
Case study	30
Интерференция <i>vs</i> типология	31
Заключение.....	32
Литература	34
СТАТЬИ / ARTICLES	
What a difference a verb makes!	
Russian and Finnish verbless sentences	47
Where Russian syntactic zeros start: approaching Finnish.....	65
ГУЛЯТЬ ТАК ГУЛЯТЬ: between Grammar and Dictionary	89
Изучать так изучать: синхрония и диахрония.....	103
ВЫВОДЫ / SUMMARY	
Частные выводы	119
Общие выводы:	
принципы синтаксической идиоматизации.....	121
ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX	
Список русских синтаксических фразем	124

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTON

Представленные в настоящем сборнике статьи посвящены описанию русских и финских синтаксических фразем в типологической и диахронической перспективе. Основным объектом анализа стали идиоматизированные единицы, которые, с одной стороны, являются синтаксически самостоятельными, а с другой, – накладывают более или менее жесткие ограничение на семантические или формальные свойства входящих в конструкции лексических единиц.

Каждая статья сама по себе представляет собой частное исследование (case study), вместе с тем единство методов анализа и теоретических подходов позволяют обобщить частные выводы и поставить вопросы, связанные с принципами синтаксической идиоматизации, общими для разноструктурных языков.

На защиту выносятся 4 статьи, опубликованные в реферируемых журналах и сборниках конференций как в Финляндии, так и за рубежом. Три статьи опубликованы на английском языке, одна – на русском в соавторстве с моей московской коллегой А. Файнвейц. Ей, а также А. Мустайоки я выражаю искреннюю благодарность за разрешение включить материалы совместной работы в мою диссертацию. Ниже приведены данные о месте публикации статей, вынесенных на защиту.

- ‘Where Russian syntactic zeros start: approaching Finnish’, *Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North*, (=Slavica Helsingiensia, 32), Helsinki: Yliopistopaino, 2007, 116-137.
- ‘Изучать так изучать: синхрония и диахрония’, *Научно-техническая информация, Сер. 2: Информационные процессы и системы*, № 9, Москва: ВИНИТИ, 2007, 29-37. (соавтор А. Файнвейц).
- ‘What a difference a verb makes! Russian and Finnish verbless sentences’, *Collocations and Idioms 1: Papers from the First Nordic Conference on Syntactic Freezes, Joensuu, May 19-20, 2006*, Marja Nenonen and Sinikka Niemi (eds). (=Studies in Languages, University of Joensuu, 41), Joensuu: Joensuu University Press, 2007, pp. 177-192.
- ‘ГУЛЯТЬ ТАК ГУЛЯТЬ: between Grammar and Dictionary’, *East West Encounter. Second International Conference on Meaning-Text Theory*, Moscow: SCL Publishing House, 2005, pp. 225-236.

Кроме работ, вынесенных на защиту, по теме исследования опубликованы следующие статьи и рецензии.

- ‘Finnish and Russian syntactic idioms’, *Papers of the Cognitive and Functional Perspectives on Dynamic Tendencies in Languages Conference*, pp. 149-154.
- ‘Разметка синтаксической неполноты в корпусе’, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог–2007*, Москва: изд-во РГГУ, 2007, с. 307-309 (совместно с Г. Б. Гуриным).

- ‘Принеси то, не знаю что: представление и поиск синтаксических нулевых знаков и смежных явлений в аннотированном корпусе’, *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2006»*, Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006, с. 166-173. (совместно с Г. Б. Гуриным).
- ‘The Case of X TAK X: Typological and Historical Context’, *Mechanisms and Chronology of the Slavicization of Northern Rus’ / Russia* (=Slavica Helsingiensia, 27), Helsinki: Yliopistopaino, 2005, pp. 197-209.
- ‘Лодку унесло ветром: условия и контексты употребления русской «стихийной» конструкции’, *Russian Linguistics*, 1, 2005, pp. 1-38. (совместно с А. Мустайоки).
- ‘К вопросу о статусе эквивалентов слов типа *потому что*, в зависимости от *сожалению*’, *Вопросы языкоznания*, 3, 2004, с. 88-107. (совместно с А. Мустайоки)
- ‘Несмотря на «потому что», или Многокомпонентные единицы в аннотированном корпусе русских текстов’, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2004*, Москва: Наука, 2004. с. 335-339.

Рецензии и обзоры.

- ‘Review (Maier, I.: Verbalrektion in den “Vesti-Kuranty” (1600-1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittelrussischen Syntax. Uppsala, 1997. Maier, I.: Verbalrektion in den “Vesti-Kuranty” (1600–1660). Teil 2: Die präpositionale Rektion. Uppsala, 2006)’, *Russian linguistics*, 2007, №31/1, pp. 107-112. (совместно с Х. Томмой).
- ‘Review (Дубровина, Л.: 2002, Вариативное глагольное управление в русском языке первой трети XIX века, Uppsala, 232 pp. Ферм, Л.: 2005, Вариативное беспредложное глагольное управление в русском языке XVIII века. Södertörn-Huddinge, 371 pp.)’ *Russian linguistics*, 2007, №31/1, pp. 97-106.
- ‘Review (Национальный корпус русского языка)’, *Вопросы языкоznания*, 2006, № 5, с. 149-155. (совместно с Л. Яндой).
- ‘Лингвистически аннотированные корпуса русского языка (обзор общедоступных ресурсов)’ (Linguistically annotated Russian corpora (a review of the publicly available recourses), *Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы*. Москва: Индрик, 2005, с. 31-61. (совместно с Т. И. Резниковой).
- ‘Review (Tronenko, N.: Regularities in the Behavior of Russian Phrasal Idioms, Bern: Peter Lang, 2003, 298 pp.)’, *Russian Linguistics*. Vol. 29, No. 3. (December 2005), pp. 409-415. (совместно с А. Мустайоки).
- ‘Corpus linguistics in Finland: a Resource Survey’, *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, 2003, 37/3, pp. 35-42.

В нижеследующем Предисловии развернуто определяются теоретические и методологические установки исследования, которые в силу понят-

ных причин остались в опубликованных статьях без достаточного объяснения.

Исследования, представленные в основной части работы, посвящены описанию конкретных синтаксических фразем в русском и финском языках. Каждая фразема тщательно описывается не только с точки зрения ее современного функционирования, но и в более широкой перспективе – в историческом развитии и в зеркале другого языка.

Работа включается в широкий круг функционально и когнитивно ориентированных работ (Lakoff 1987; Langacker 1987; Dik 1989-1997; Бондарко 1987-1996; Мустайоки 2006 и др.), что позволяет сформулировать в выводах конкретных статей и в общем Заключении те *принципы синтаксической идиоматизации*, которые определяют появление и функционирование в языке связанных синтаксических единиц.

Наконец, в Приложении приводится составленный по литературе список русских фразеологизированных предложений, сходных с теми, что изучаются в данной работе. Он включает около 80 конструкций. Их тщательное описание, систематизация и обобщение причин идиоматизации – задача будущих исследований.

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

– Профессор, я готовился к экзамену день и ночь!

– Дорогой мой, что же можно выучить за одни сутки!?

Приведенный анекдот существует потому, что в нем сталкиваются связанное и свободное прочтение ключевой фразы. Первичная интерпретация сочетания *день и ночь* требует идиоматического прочтения, поскольку является обычным клише со значением ‘постоянно, все время’. Однако вторичная интерпретация, предлагаемая профессором-педантом, разрушает идиоматичность, обращаясь к буквальному, не идиоматичному прочтению этой фразы – ‘сутки’. Другими словами, слушатель анекдота сначала определяет значение целого выражения, но поскольку это прочтение отмечается во второй фразе, – обращается к грамматике, конструируя композициональное значение выражения из входящих в него элементов. На этом и построен механизм шутки: конфликт идиоматического и прямого прочтений. На этом основана и когнитивная приоритетизация словаря и грамматики: говоря грубо, по умолчанию выражение интерпретируется как идиоматическое, а в случае неудачи значение конструируется по законам грамматического согласование смыслов.

В современной лингвистике, особенно в ее когнитивном и функциональном направлениях, получил развитие подход, основанный на том, что конкретное речевое высказывание является не результатом порождения поверхностной структуры из абстрактной глубинной модели, при котором единицы разных уровней как детали конструктора складываются в речевое произведение. Напротив – речевые высказывания строятся из (полу-)готовых к использованию элементов, вообще говоря разложимых на более мелкие единицы.

Аналогичным образом лексема при возможности ее разложения на составляющие морфемы зафиксирована в словаре в готовом виде.

Основу языкового умения составляют не абстрактные правила, с помощью которых можно было бы создавать различные построения из языкового материала, – но скорее сам этот материал как первичная данность, усваиваемый в конкретной форме и применительно к конкретным условиям употребления (Гаспаров 1996: 104; см. еще Норман 1994).

Считается, что языковые структуры – это продукт лингвистических построений, тогда как носитель языка в повседневной практике часто оперирует речевыми штампами, актуализированными в его сознании в соответствии с частотностью их употребления в речи. Можно сказать, что речь представляет исследователю набор фрагментов, в разной степени идиоматизированных. Их количество, по мнению ученых, сопоставимо с количеством лексических единиц:

There are vast numbers of such memorized fixed expressions; these extremely crude estimates suggest that their number is about the same order of magnitude as the single words in the vocabulary. They are hardly a marginal component in our use of language (Jackendoff 1995: 136).

Что касается синтаксических единиц, то и они, безусловно, подвержены общим тенденциям идиоматизации, превращаясь в «прецедентный текст», клише, устойчивый оборот, и – при максимальной свободе – в самостоятельную синтаксическую модель.

Можно считать, что «фразеологизированность» синтаксических моделей имеет общий, но при этом градуальный характер. <...> В сознании же носителя языка эта градуальная шкала, по-видимому, поляризуется, что и дает основание для противопоставления «связанных» и «свободных» моделей (Норман 2007: 220).

Именно связанные синтаксические единицы и являются главным объектом настоящего исследования.

Исчисление типов

Ах, доктор, да в терминах ли дело? (Мельчук 1997:I, 17 и 27-28).

Важным теоретическим подходом, на котором основана представленная работа, является разработанное И. А. Мельчуком исчисление идиоматизированных единиц. Его классификация опирается на совмещение русской и американской лингвистической традиций (прежде всего Виноградов 1945, 1947; Weinreich 1969; Makkai 1972; Jackendoff 1995).

И. А. Мельчук предлагает типологию *фразем*, проявляющихся на трех уровнях языковой системы – лексемном, морфологическом и синтаксиче-

ском. Исходя из классического определения идиомы, согласно которому «семантика идиомы не складывается из семантики входящих в нее элементов» (некомпозициональность семантики), исследователь дает более строгую дефиницию:

A syntactic phraseme is a surface-syntactic tree containing no full lexical nodes (its nodes are labeled with either lexemic variables or structural words) but possessing a specific signified, having as its signifier a specific syntactic construction, and a specific prosody, and featuring as well a specific syntactics' (Mel'čuk 1995a: 215; см. также Mel'čuk 1995b).

Автор предлагает четыре основные стратегии для описания всех типов фразем, на которых и строится исчисление всех возможных типов:

1. языковая единица, которую затрагивает фразеологизация: лексема (*настух* с аффиксом – *-tux¹*), словосочетание (дутый авторитет, англ. *red herring*), синтаксическая фразема (напр., различающиеся просодией варианты предложения *Ты у меня прочитаешь эту книгу?*)².
2. участие прагматических факторов в процессе фразеологизации: связанные с внеязыковой ситуацией прагматемы (срок годности, англ. *best before*) vs семантические фраземы (*отбросить копыта*);
3. компонент лингвистического знака, подверженный фразеологизации: означаемое (напр., *бить баклужи*), означающее (напр., супплетивные единицы в морфологии: *человек – люди*) или синтаксика знака (напр., англ. *He sort of laughed*);
4. степень фразеологизации: полные фраземы (=идиомы) (англ. *kick the bucket*), полуфраземы (=коллокации) (англ. *land a job*), квазифраземы (англ. *ham and eggs*).

В целом, в результате подобного исчисления И. А. Мельчук выделяет $2 \times 3 \times 3 \times 3 = 54$ типа фразем, из которых нас интересуют лишь *синтаксические фраземы*, выделенные в первом пункте. 2-3 пункты классификации позволяют выделить 18 типов синтаксических фразем:

2 типа (прагматемы/семантические фраземы)
X
3 типа (означающее/означаемое/синтаксика)
X
3 типа (идиомы / полуфраземы / квазифраземы)
= 18 типов

¹ Опуская множество работ по лексической фразеологии, укажу пока еще редкие наблюдения в области русской морфологической идиоматики (Мельчук 2001: 448-460 и др.; Плунгян 2003: 27-28).

² Предложение *Ты у меня прочитаешь эту книгу* имеет по крайней мере два просодических варианта. Один реализуется в ситуации запрета на чтение книги ('Только попробуй прочитать эту книгу'), тогда как другой предполагает приказ на выполнение этого действия ('Именно у меня ты прочитаешь эту книгу').

Приведу примеры

прагматемы – семантические фраземы: *У нас не курят! VS Я тебе покурю!* В первом примере связанной оказывается сфера применения (прагматика) выражения. Именно незнание или игнорирование прагматической связанности часто комментируется носителями языка фразой: «Правильно, но так не говорят» (ср. *Не курите здесь*). Предложение *Я тебе покурю!* представляет собой пример семантической фраземы, поскольку некомпозициональным оказывается семантика конструкции, строго говоря противоположная буквальном прочтению фразы.

Иллюстрируя классификацию И. А. Мельчука, можно привести примеры воздействия на **означаемое** предложения, проявляющееся в модификациях значения: так в предложении *Ты у меня прочитаешь эту книгу* связанным оказывается именно означаемое. Влияние на **означающее** может проявляться в определенных запретах на различный модификации и трансформации (см. Добровольский 2007 и др.). Так предложение *Муж и жена – одна сатана* не имеет модально-временной парадигмы в том смысле, как это понимается в академической грамматике 1980-го года. Затрудненность стандартных трансформаций (напр., пассивизации) тоже может служить признаком связанности означающего: *Ты у меня прочитаешь эту книгу: Эта книга будет прочитана (тобою) у меня* в прямом значении и невозможность пассивизации в значении ‘только попробуй прочитать эту книгу’.

Наконец, идиоматизация может, по И. А. Мельчуку, приводить к полной связанности или оставлять какие-то компоненты свободными. Так, предложение *Я тебе покурю!* является примером **полной синтаксической фраземы**, поскольку «запретительная» семантика конструкции не извлекается ни из одного ее элемента. В свою очередь предложение *Татьяна в лес; медведь за нею* можно отнести к **полуфраземам**, поскольку в конструкции не содержится информации о предикате перемещения, однако в то же время имплицитно такая информация заключена в предложных группах «в + В. П.» и «за + Т. П.». Наконец, **синтаксическими квазифраземами** являются многие русские предложения по той простой причине, что при относительно свободном (неграмматикализованном) порядке слов существуют определенные дискурсивные предпочтения того или иного порядка («Языков, где все линейные порядки во всех предложениях одинаково приемлемы, не существует» (Циммерлинг 2007: 542)). Ср.:

- *Я иду по улице*
- *Иду я по улице...* (квазифразема, в целом обладающая неидиоматизированной структурой, однако имеющая определенные текстовые предпочтения – нарративные тексты).

Из всех типов, предлагаемых И. А. Мельчуком, объектом исследования в настоящей работе стали лишь *синтаксические фраземы*, или независимые от контекста полные предложения, которые в той или иной мере накладывают ограничения на входящие в них переменные, сферу употребления и на другие параметры. В нижеследующих статьях будет показано, какой имен-

но компонент фраземы оказывается связанным, и – следовательно – какое место занимает та или иная фразема в исчислении типов, предложенном И. А. Мельчуком: фразема может оказаться прагматически или семантически связанной; идиоматизированным может оказаться означаемое, означающее или синтаксика; наконец, единица может быть полной фраземой, полу- или квазифраземой.

В то же время необходимо отметить, что само выделение конкретных объектов изучения, отвечающих определению синтаксической фраземы, наталкивается на определенные сложности и нуждается в дальнейшем уточнении. Так, например, требует дополнительного обсуждения следующие критерии, предложенные И. А. Мельчуком: «синтаксика знака, подверженная идиоматизации» *versus* «синтаксическая фразема». Как кажется, применение этих критериев приводит к появлению пересекающихся классов. Еще одной сложностью стала практическая невозможность четкого разграничения лексического и синтаксического материала. Эти сложности обсуждаются в следующих главах.

Синтаксис vs лексика

В силу сложившейся традиции в лингвистике несопоставимо больше внимания уделяется лексическим фразеологизмам, тогда как явления идиоматизации в синтаксисе или морфологии изучены в гораздо меньшей степени. При этом часто под темой «фразеология и синтаксис» понимают изучение лексических фразем с точки зрения их синтаксического поведения. В этом смысле класс синтаксических, по И. А. Мельчуку, фразем размыается, и в него попадает множество разнородных единиц. Для более строгого определения объекта исследования в рамках собственно синтаксической идиоматики рассмотрим следующие примеры.

- (1) Штирлиц зашел в кабинет к Мюллеру и *отбросил копыта*.
Вы бы тут еще рога набросали! – сказал Мюллер.
- (2) «*Была не была*», – решилась она вечером.
«Была? Не была?» – решал он утром.
- (3) Рина Зеленая изобрела прекрасное средство от бессонницы:
надо *считать до трех*, максимум – до половины четверного.
- (4) «*Гулять так гулять!*» – сказал Моисей и завел народ в пустыню.

Все приведенные иллюстрации (1-4) содержат фраземы, обыгрывание которых и является солью соответствующего анекдота. Рассмотрим каждый из них с точки зрения их синтаксических особенностей.

(1) *Отбросить копыта* может, в принципе, даже тот, у кого их нет. Эта единица является лексической идиомой (семантической полуфраземой с ограничением на означаемое, по терминологии И. А. Мельчука), которая должна фиксироваться в словаре как отдельная статья, обладающая своей морфологией, сочетаемостными возможностями и т. д. (см. Богуславский,

Иомдин 1982). Среди прочего эта лексическая идиома обладает и определенными синтаксическими особенностями, например, невозможностью разложение элементов при пассивизации (**Копыта были отброшены Штирлицем*) и др. В этом смысле лексическая идиома, оставаясь в кругу лексических единиц, безусловно, представляет интерес и для синтаксиста (о подобных единицах см. еще Tronenko 2003, Иомдин 2003, Добровольский 2005, 2007; Апресян 2007, Nenonen 2007 и др.).

(2) *Была не была* – идиоматическая единица с семантикой ‘окончательного, но не мотивированного решения’ представляет уже пример единиц: ни один из морфологических параметров, обычно вызываемых согласованием, не мотивирован синтаксически (Ср. **она была не была*, **был не был*). Однако в целом она существует как застывшая единица, сопоставимая с лексемой. В классификации И. А. Мельчука ее следует, по-видимому, определить как полную лексическую фразему с ограничением на семантику и синтаксику. Такие выражения естественно фиксируются в словаре (см., например, «коммуникемы» в Меликян 2002), поскольку они не подчиняются грамматике и не выводимы из существующих синтаксических правил (ср. Янко 2001: 23). Застывшая морфология превращает это выражение в изолированную идиоматическую единицу с фиксированным составом словоформ. Однако поскольку эта единица функционирует как самостоятельное предложение, она представляет и определенный синтаксический интерес, который скорее связан с областью супрасинтаксиса, с включением этого выражения в текст и т. п. (см. еще Белянин & Бутенко 1994, Шаронов 1996, Тарланов 1999, Меликян 2001, Гаврилова & Кожина 2002, Верещагин 2004, Гудков 2004 и др.).

(3) Оборот *считать до трех / до половины четвертого* (пример 3) является словосочетанием и уже поэтому может изучаться в рамках синтаксиса, поскольку представляет собой синтаксическую конструкцию, в которой заданы определенные формальные ограничения на переменную (семантически связанный квазифразема-словосочетание с ограничением на означаемое, по И. А. Мельчуку). Однако эта единица сама по себе не образует предикативно самостоятельной единицы и в этом смысле принадлежит *микросинтаксису*, являясь только кирпичиком для построения предложений. В то же время понятно, что такого рода словосочетания (особенно с глагольной вершиной) стоят в одном шаге от собственно предложений, и граница, их разделяющая, предельно условна (см. об этом еще Мустайоки & Копотов 2004; Шеманаева 2005 и др.; Сигал 2006; Ляшевская & Рахилина 2008; Кустова 2008аб и др.).

Наконец, пример (4) *Гулять так гулять* представляет еще один пример идиоматичной связности. Это семантически и pragmatically связанный полуфразема с ограничениями на означаемое и означающее. Здесь идиоматизированной оказывается самостоятельная предикативная конструкция, тогда как ее лексическое наполнение гораздо свободнее, чем в первом и втором типах: *пить так пить, платить так платить* и т. д. Этот пример представляет собой связанную модель *предложения* с определенными семантическими и структурными свойствами. Это явление привлекло внимание

ние лингвистов в конце 1950 – нач. 1960-х гг. и активно исследуется и в наше время (см. об этом Шведова 1958, 1960; Шмелев 1960/2002; Архангельский 1964; Райхштейн 1974; Крейдлин & Рахилина 1984; Paillard & Плунгян 1993; Величко 1996; Золотова 1997; Кайгородова 1999; Всеходолова & Лим 2002; Стексова 2006, 2007аб; Норман 2007 и др.).

Итак, фраземы (1-4) занимают свое место в классификации И. А. Мельчука, являясь единицами разных языковых уровней: от лексической фраземы до синтаксической. В то же все они обладают синтаксическим своеобразием и могут в том или ином отношении исследоваться с синтаксической точки зрения. Однако в строгом смысле в рамках *синтаксической* идиоматизации могут исследоваться лишь единицы третьего (словосочетания *считать до трех* и т.п.) и четвертого (предложения *Гулять так гулять!* и т.п.) типов. Единицы типа *отбросить копыта* должны изучаться (и изучаются) в рамках лексической фразеологии, тогда как единицы типа *Была не была* занимают промежуточной положение между лексическими и синтаксическими идиомами (см. подробнее в следующем разделе³).

Итак, в настоящей работе анализируются единицы, представляющие собой идиоматизированные *предложения*, обладающие *предикативностью*, в самом обычном смысле этого понятия (см. Виноградов 1954). Они, с одной стороны, способны функционировать в качестве независимых предложений (в отличие примеров типа 3), а с другой, – выступают как основа для заполнения ограниченным рядом лексических переменных (в отличие от примеров 1 и 2). Именно это послужило основанием для объединения этих единиц в рамках одного исследования. В научной литературе они называются «фразеосхемами» (Шмелев 1960/2002) «формальными конструкциями» (Fillmore, Kay 1992 и др.), «синтаксическими фраземами» (Mel'čuk 1995а-б и др.). В последующих частях представленной диссертации используется термин И. А. Мельчука *синтаксические фраземы/идиомы* (*syntactic phraseemes/idioms*).

Проблемы выделения

В современных работах по идиоматике можно найти существенные разногласия по поводу того, какие конкретные единицы следует приписать к собственно синтаксическим фраземам. Так, в работах И. Н. Кайгородовой, посвященных *синтаксической* идиоматике, выделяются такая «фразеосхема», как «*мало ли + что + глагол настоящего и прошедшего времени*»; (Кайгородова 2000: 143 и далее). В то же время в словарях (Рогожникова, 2003; Ефремова 2004) выделены лексические единицы «*мало ли*» (наречие в (Рогожникова 2003, 209); наречие и частица (Ефремова 2004, 275)), частица «*мало ли что*» (Рогожникова 2003: 209; Ефремова 2004: 275). За разногласием ученых, числящих эти конструкции по лексическому или по синтак-

³ Сходное членение идиоматического континуума предлагают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский в монографии (2008), которую не удалось в полной мере использовать в настоящем исследовании.

сическому ведомству, стоит серьезная теоретическая проблема. Рассмотрим следующие примеры с *мало ли*.

- (5) Он просил не встречаться у гостиницы – **мало ли что** произойдёт? – например, могут его сфотографировать с иммигрантом. (Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке).
- (6) **Мало ли кому** еще придет в голову попросить краски? (Андрей Житков. Кафедра).
- (7) А что касается убийства какого-то переводчика, то **мало ли где, кого и за что** убивают. (Владимир Войнович. Дело № 34840).

На первый взгляд кажется, что идиоматичность может быть равно приписана наречию *мало ли* (ее ограничениям на сочетаемость) или целиком синтаксической конструкции. Проанализируем примеры.

Отметим, прежде всего, неточность описания И. Н. Кайгородовой. Во-первых, как показывает пример 5-6, употребление форм будущего времени также возможно. Во-вторых, наряду с лексемой *что* могут употребляться и другие местоимения (примеры 6-7). Таким образом, следя логике Кайгородовой, следует выделять также и синтаксические фраземы «*мало ли + кто + Verbum finitum*», «*мало ли + где + Verbum finitum*» и т. д. Однако более целесообразным выглядит все же другой путь: наречие *мало ли* можно признать лексической фраземой (синтаксически сходной с англ. *sort of*), которая обладает следующими особенностями:

Часть речи:	наречие
Значение:	<i>мало ли₁</i> . ‘неважно’: <i>Мало ли она наделала глупостей</i> . <i>мало ли₂</i> . ‘неизвестный, неопределенный, возможный N’ (где N – соответствующее неопределенное местоимение <i>что-то/что</i> ‘что-то’, <i>кто-то/кто</i> ‘кто-то’ и т. д.): <i>Мало ли кто (-то) еще придет</i> .
Сочетаемость:	<i>мало ли₁</i> : в позиции наречной группы при глаголе; <i>мало ли₂</i> : в позиции наречной группы; с неопределенными местоимениями (дублируя значение суффикса <i>-то</i>).

Итак, при всех неполноте предложенного описания лексемы *мало ли* оказывается существенным, что идиоматичность может быть полностью выведена из сочетаемостных особенностей лексемы, а не из конструкций, в которых выступает эта лексема. Конечно, эти особенности реализуются в конструкциях и в этом смысле существует две возможности для ее описания: особенности конструкции вызваны идиоматичностью лексемы или идиоматичность конструкций накладывает ограничений на свободные лексемы. Однако целесообразнее считать более компактным для описания подход «от лексемы» и, следовательно, фиксировать в словаре единицу «*мало ли*» с определенными сочетаемостными ограничениями, а не описывать синтаксические конструкции «*мало ли + кто + Vf*», «*мало ли + где +*

Vf» и т. д. (схожим образом обсуждает двойственную природу этих единиц В. Ю. Апресян (2007)).

Заслуживает дополнительного комментария и фразема *была не была* (пример 2). Как было сказано выше, эта коммуникема невариативна: она не допускает иного лексического заполнения, морфологических модификаций и т. д., то есть ведет себя как монолитная единица, обладающая определенной семантикой ‘немотивированного согласия’. В этом смысле она представляет определенную параллель таким лексическим фраземам, как *ничто же сумняшися* и т. п. С другой стороны, эта единица практически всегда функционирует без контекстной поддержки как самостоятельно единица текста, что сближает ее с предложениями. Как всякое законченное высказывание, она обладает определенным интонационным рисунком, предикативностью и другими атрибутами синтаксической единицы.

Если сравнить ее со структурно близкой единицей *Погуляли так погуляли*, которая тоже конституирована двумя одинаковыми словоформами одного глагола, то можно заметить очевидную разницу: последняя представляет собой абсолютно самостоятельную конструкцию и допускает вариативность в заполнении переменных (конечно, с определенными ограничениями). Тогда как первая невариативна и употребляется в качестве несамостоятельной единицы крайне редко, на грани грамматической приемлемости.

- (8) Да, правильно вы говорите, они тоже так думают, уж лучше один раз **была не была**, чем вот так, все время ждать чего-то, жить в какой-то неизвестности («Эхо Москвы», 23.07.2003. интервью с Р. Аушевым www.echo.msk.ru/programs/beseda/22851).

Итак, по своим структурным параметрам (жесткий порядок слов, невариативность) фразема *была не была* сближается с лексическими фраземами, но по функциональным возможностям (независимое употребление, интонация, предикативность, модальная рамка и др.) – близка к синтаксической единице. В принципе коммуникема может быть описана и в рамках синтаксиса, и в рамках лексики. Однако стабильность списка лексических переменных (даже конкретных морфологических форм) делает предпочтительным ее лексикографическое представление, оставляя ее среди лексических идиом.

В целом, оказывается, что не существует четкого разделения лексических и синтаксических фразем. Единицы типа *мало ли*, *Была не была* и *Гулять так гулять* демонстрируют лексико-синтаксический континуум, или плавный переход из лексики к синтаксису, который иногда называют *конструкционом* (*constructicon*; см. Goldberg 2000, Schultze-Berndt 2002), *коллокструкциями* (*collostructions*; см. Stefanowitsch & Gries 2003). Часть этих единиц целесообразнее описывать как лексические единицы (и соответственно, включать в словарь), другие – как синтаксические конструкции (и учитывать в грамматике). В своих крайних проявлениях (лексема *мало ли* – конструкция *Гулять так гулять!*) этот континуум представляет достаточно четко определяемые классы, которые следует описывать в рамках лексикологии или синтаксиса соответственно. В настоящей работе из всего много-

образия обсужденных выше единиц проанализирован только один класс фразем, а именно идиоматизированные конструкции, способные функционировать в качестве самостоятельных предложений. Более того, все исследованные синтаксические фраземы возникли в результате эллиптического сокращения из «полных конструкций», что создает дополнительную цельность представленным ниже исследованиям.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

An idiom is what we beat Chomsky with (D. Hays, см. Mel'čuk 1995a: 167)

Шутливое определение, пересказанное И. А. Мельчуком, обозначает теоретическую доминанту исследований идиом в современной лингвистике: именно этот материал довольно плохо описывается в рамках хомскианского подхода к языку (ср. впрочем Fraser 1970; Machonis 1985; Tronenko 2003). С другой стороны, эти явления стали одной из самых изучаемых областей в рамках когнитивной лингвистики. Эта часть Предисловия и будет посвящена обсуждению более общих, теоретических подходов, которые позволят поставить тему диссертации в более широкий контекст современных когнитивных исследований.

Под современной когнитивной лингвистикой понимают направление, изучающее возникновение, освоение и использование языка в прямой связи с деятельностью человеческого сознания. При множестве различных подходов и теорий, существующих в рамках когнитивной лингвистики, общим является признание языковой способности частным случаем когнитивного навыка, понимание грамматики как концептуализации и, наконец, утверждение, что языковой навык возникает из ситуации использования языка. Предлагаемое исследование опирается на несколько теорий, разрабатываемых в рамках когнитивной лингвистики. Ниже кратко охарактеризованы те из них, которые в наибольшей степени повлияли на настоящее исследование (обзор работ по современным подходам к синтаксической идиоматизации см. Penttilä 2006, 23–63).

Грамматика конструкций (CxG)

Подход, получивший название Construction Grammar (CxG), в настоящее время получил чрезвычайно широкое распространение. Он разрабатывается с конца 1970-х годов Ч. Филмором, П. Кейем (Fillmore & Kay 1992; Fillmore & Kay 1999; Kay 1998), а позже и Я. – О. Остманом и М. Фрайд и многими другими (см. Fried & Östman 2004; www.constructiongrammar.org). Главная идея CxG формулируется следующим образом:

The major motivation for Construction Grammar (CG) is the need to develop a system of grammatical description in which the marked constructions (more or less 'idiomlike' forms of expressions) are represented in the same formal system as the regular, 'core' patterns or rules (Kay, 1998: 1).

Единицей описания признаются *конструкт* и *конструкция*:

The original representation system for Construction Grammar (CG) was a system that represents constructions (items of Grammar) and constructs (items of language: sentences phrases and words) in 'box diagram', which depict constituent structure as nested boxes, with the syntactic, semantic lexical and phonological information associated with each constituent written in the box representing that constituent (Kay 1998: 2).

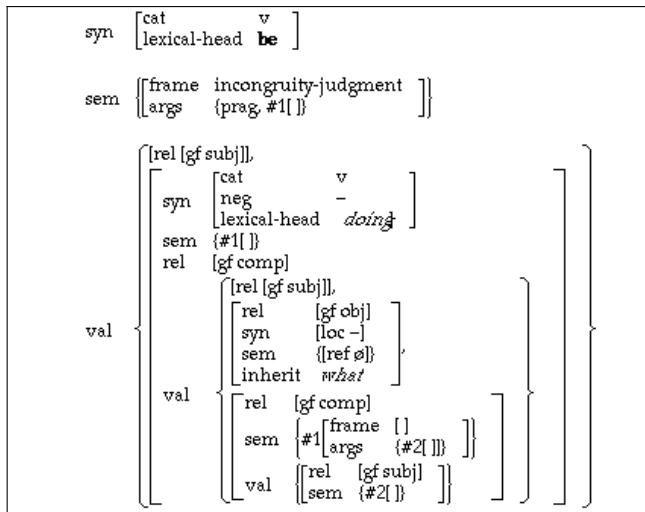
Основными свойствами конструкций являются следующее (Fillmore et al. 1998):

- они состоят из «материнских» и «дочерних элементов», отношения между которыми не фиксированы жестко, а могут свободно комбинироваться в предложении;
- конструкции могут определять не только синтаксические, но и лексические, семантические, прагматические параметры;
- при необходимости лексические единицы могут быть включены в конструкцию;
- конструкции могут быть идиоматичными, то есть семантика конструкции может быть шире семантики составляющих элементов.

Одна из главных идей, разрабатываемых в рамках теории, – единство описания конструкций и конструктов:

The construction grammarian is required to develop an explicit system a representation, capable of encoding economically and without loss of generalization, all the constructions (or patterns) of the language, from most idiomatic to the most general (Fillmore&Kay 1999:1).

Формализм, заданный рамками теорией, позволяет описывать единственно единицы разных уровней: модальные глаголы, полнозначные лексемы, словосочетания, конструкции. Приведу для иллюстрации формальную схему описания конструкции *What's X doing Y* (*What's he doing washing a car?*).

При возможности описать с помощью таких схем любую языковую и речевую единицу основным объектом анализа стали в работах этого направления прежде всего фразеологизированные конструкции такие, как *let alone*, *What's X doing Y, the X-er the Y-er (the more the better)* и др. В рамках теории предлагается типология идиоматизированных конструкций, которая строится на следующих оппозициях (Fillmore&Kay 1999:9)⁴:

- encoding / decoding idioms (кодированные / декодированные идиомы): *kick the bucket / bright red*;
- grammatical / extragrammatical idioms (грамматические / неграмматические идиомы): *bitten the dust / by and large*;
- substantive / formal idioms (лексически заполненные / лексически открытые идиомы): *kick the bucket / THE bigER ... THE bettER*;
- idioms with and without pragmatic point (содержащие / не содержащие pragматическую информацию): *How do you do? / THE bigER ... THE bettER*.

Необходимо отметить, что в предельном случае такой подход приходит к закономерному выводу, согласно которому все синтаксические единицы являются *конструкциями* в указанном выше смысле, то есть любая синтаксическая единица накладывает определенные ограничения на переменные и принципиальной разницы между идиоматизированными и свободными конструкциями не существует.

Следует сказать, что Грамматика конструкций активно развивается в настоящее время, представляя несколько дифференцированных подходов. К «филлморской» СxG тесно примыкает подход, представленный в серии

⁴ Нетрудно заметить сходство этой классификации с типами, выделенными И. А. Мельчиком. Здесь не ставится задача их подробного сравнения, но в целом их применение приводят к близким результатам (см. Penttilä 2006).

исследований Дж. Лакоффа, прежде всего, в монографии (Lakoff 1987). Третью главу этой книги, посвященную конструкциям с англ. *there*, часто указывают в качестве первого исследования в рамках СхГ. Близкие к работам Дж. Лакоффа идеи представляет А. Голдберг (Goldberg 1995, 2006), которую тоже часто называют среди основателей СхГ.

Наконец, У. Крофт разрабатывает типологически ориентированный радикальный вариант СхГ (Radical Construction Grammar), основным отличием которого является последовательное отрицание композициональности конструкций: по мнению У. Крофта, не конструкции образуются путем сочетания более мелких элементов, но эти элементы могут быть вычленены в результате лингвистических процедур из уже готовой конструкции (Croft 2002).

Следует отметить, что в последнее время наметилась тенденция к объединению исследовательской практики исследователей, разделяющих формальные принципы описание СхГ Ч. Филлмора и П. Кея, и смещение в сторону другого популярного направления когнитивной лингвистики – модели языка, основанной на употреблении (*Usage-based model*, см. ниже).

Грамматикализация vs деграмматикализация

“Grammar is conceptualization” – так сформулировал одно из самых известных положений когнитивной лингвистики Р. Лангакер (Langacker 1998). Этот афоризм обобщил целый ряд существующих подходов и научных направлений в современной лингвистике, посвященных исследованию процессов, которые иногда предлагают объединить в рамках *суперграмматикализации* (Lindström 2004), включающей множество разнородных и разнонаправленных явлений. Исходя из тезиса о транспарентности языковых уровней, исследователи этого направления включают в круг рассмотрения и грамматический, и лексический материал. На основе того, что является результатом процесса – морфологическая единица, лексема или синтаксическая конструкция, – можно выделить несколько направлений исследований. Однако в целом стоит помнить, что они принципиально не образуют четко расчерченной системы, регулирующей эволюцию разных уровней языковой структуры.

Одно из направлений, теоретические наработки которого послужили фоном настоящего исследования, принято называть *грамматикализацией* – термином, который имеет в настоящее время два значения.

As a term referring to a framework within which to account for language phenomena, it refers to that part of the study of language which focuses on how grammatical forms and constructions arise, how they are used, and how they shape the language... It therefore highlights the tension between relatively unconstrained lexical structure and more constrained syntactic, morphosyntactic, and morphological structure (Hopper & Traugott, 1993: 1).

В то же время грамматикализация может пониматься и в узком смысле, как один из процессов развития грамматической системы, один из многих

процессов «концептуализации» (в смысле Р. Лангакера).

В рамках теории грамматикализации наиболее активно обсуждаются три группы вопросов, которые с некоторой долей условности можно назвать *грамматикализация* (в узком смысле) и *деграмматикализация* (см. прекрасные обзоры в (Lindström 2004, Майсак 2005, Penttilä 2006), на которые я опираюсь в последующем изложении).

Грамматикализация (в узком смысле)

Грамматикализация в узком смысле изучает процессы, результатом которых является появление морфологической единицы, которая восходит к лексеме или – шире – к синтаксической конструкции. Существует несколько определений грамматикализации (см. обзор Campbell & Janda 2000), наиболее нейтральным из которых, по видимому, может считаться определение, данное Леманном:

Grammaticalization is a process leading from lexemes to grammatical formatives. A number of semantic, syntactic and phonological processes interact in the grammaticalization of morphemes and of whole constructions (Lehmann, 1982: x).

Поскольку грамматикализация в узком смысле является, как кажется, наиболее разработанной областью этого научного направления, приведу основные гипотезы, которые одновременно являются и своеобразными диагностическими инструментами исследователей. В контексте настоящей работы это тем более важно, поскольку выводы сформулированные в основном на морфологическом материале, обосновываются здесь на синтаксическом. Приведем основные положения (См подробнее: Bybee et al. 1994; см. еще Heine & Kuteva 2002).

- **Source determination.** The actual meaning of a construction that enters into grammaticalization uniquely determines the path which such grammaticalization follows, and consequently the resulting grammatical meanings.
- **Unidirectionality.** The path taken by grammaticalization is always from less grammatical to more grammatical.
- **Universal paths.** From (1) and (2) (or perhaps from (1) alone—?!) it follows that there are universal paths of grammaticalization.
- **Retention of earlier meaning.** Semantic nuances of a source construction can be retained long after grammaticalization has begun.
- **Consequences of semantic retention.** From (3) and (4), it follows that attested forms can be used (in order to attempt) to reconstruct earlier stages of a language.
- **Semantic reduction and phonological reduction.** Semantic reduction is paralleled by phonetic reduction, this yielding a “dynamic coevolution of meaning and form” (p. 20).
- **Layering.** The rise of new markers is not contingent on the loss or dys-

- function of its predecessors.
- **Relevance.** The more semantically relevant a grammatical category is to a stem, the more likely it is that it will develop into an affix.

Деграмматикализация

Термин *деграмматикализация* (*degrammaticalization*) предложен Х. Леманом в работе (Lehmann 1982; см. еще Ramat 1992) Деграмматикализацию можно грубо определить как процесс, противоположный грамматикализации, в ходе которого единица может развиваться от более к менее грамматичной (от морфемы к лексеме). Как отмечает М. Норде, деграмматикализация является относительно редким явлением, которое характеризуется противоположной направленностью (в этом смысле она вступает в противоречие со вторым пунктом из указанных выше положений («однонаправленность») и отсутствием «эффекта домино», сдвигая единицу лишь на один шаг влево по шкале грамматикализованности (Norde 2003). Частным, но наиболее изученным случаем деграмматикализации можно считать *лексикализацию*⁵, хрестоматийными примерами которой являются переход англ. суффикса существительного *teen*, развившегося из суффикса *fourteen* или англ. существительного *bus*, восходящее к лат. *omnibus*. (см. Willis, 2007). Соответствующими русскими и финскими примерами могут служить лексемы *ismi* / *изм*, развившиеся из соответствующих суффиксов. Ср.

- (9) **Ismi** tulevat ja menevät, ja aika harva **ismi** jää pysyvästi käyttöön.
(H. Jokinen, Muutoksen johtaminen ja ihmisen pääoma)
Измы приходят и уходят, и редкий изм остается в постоянном употреблении.
- (10) Не чурайтесь чужого цвета кожи или рубахи, чужого пения, чужих «измов». (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп)

Синтаксическая реинтерпретация (*syntactic reanalysis*)

Общепринятое современное определение реинтерпретации дал, по-видимому, Р. Лангакер.

(reanalysis is a) change in the structure of an expression or class of expressions that does not involve any immediate or intrinsic modification of its surface manifestation (Langacker 1977: 59).

Синтаксическая реинтерпретация нередко определялась в качестве важного механизма грамматикализации (см. Heine et al. 1991; Hopper Traugott 1993; Givon 1993). Однако начиная со статьи М. Хаспельмата (Haspelmath 1998), эти два процессы принято разводить. Исследователь обобщает разни-

⁵ Впрочем ее иногда включают и в более широкий контекст явлений *ре-категоризации* (Ramat 2001) или определяют как самостоятельный процесс (Himmelman 2004).

цу между грамматикализацией и синтаксической реинтерпретацией в следующей таблице (там же: 327):

Grammaticalisation	Reanalysis
– loss of autonomy/substance	– no loss of autonomy/ substance
– gradual	– abrupt
– unidirectional	– bidirectional
– no ambiguity	– ambiguity in the input structure
– due to language use	– due to language acquisition

В целом, необходимо сказать, что случаи синтаксической реинтерпретации и деграмматикализации встречаются гораздо реже и изучены меньше (см., однако: Langacker 1977, Timberlake 1977, Harris & Campbell. 1995; Björn 2001, 2003; Плунгян 2002; Roberts 2007; Willis 2008).

Определяя круг тех явлений, в который входят представленные ниже материалы, необходимо сказать следующее. Развитие основного объекта исследования – синтаксических фразем – определяется в работе как частный случай грамматикализации, проходящей на синтаксическом уровне, или – шире – как один из этапов грамматической концептуализации (в смысле Р. Лангакера), проявляющейся в развитии более прочных связей между определенными языками единицами, возникающими как опыт освоения внеязыкового мира. При этом очевидно, что грамматикализация в широком смысле не может проходить одинаково на разных уровнях. Более того, каждый из конкретных процессов может быть «трансграничным», не признавая четких различий между лексемами и аффиксами, грамматикой и лексикой и т. д. В результате это может приводить к появлению единиц разного уровня: процесс может завершиться появлением идиоматизированной синтаксической конструкции, а может привести к развитию нового служебного слова, аффикса и т. д. Иллюстрацией этого процесса может служить судьба местоимения *себя* и суффикса *-ся* в славянских языках. Учитывая односторонность процесса грамматикализации, можно сказать, что синтаксические фраземы, ставшие предметом детального анализа в настоящей работе, представляют собой один из путей исторического изменения единицы: от свободной синтаксической конструкции к идиоме (и – в некоторых случаях – к новой свободной конструкции). В этом смысле они вполне отвечают отмеченным М. Хаспельматом признакам.

Так, все исследованные единицы развиваются за счет, так сказать, «материальных потерь» (эллипсиса), что приводит к уменьшению их *автономности*. Они в гораздо большей степени зависят от pragmaticальных условий и морфологических форм (например, жесткие pragmaticальные ограничения и единственная возможная форма страдательного причастия в конструкциях типа *Läpikulku kieletty* ‘проход запрещен’). И это совершенно естественно: если в конструкции не все semanticкие компоненты заданы эксплицитно, развивается большая зависимость – от контекста или от входящих форм. При этом естественно, что *многозначность* единиц не только не увеличивается, но часто и уменьшается.

Как будет показано ниже, динамика развития конструкций носит *градуальный* характер. Прекрасной иллюстрацией является развитие русских безглагольных предложений, которые развиваются, постепенно расширяя список глаголов, подвергаемых эллипсису: от связки до списка полнозначных глаголов.

Еще один важный признак грамматикализации – *однонаправленное изменение* от меньшей к большей грамматичности – отмечается здесь в полной мере, если принять во внимание описанный ниже эффект кристаллизации, при котором лексический материал (напр., союз *так*) теряет лексическое значение, становясь по существу чисто служебным маркером конструкции. И наконец, проведенный анализ бесспорно показывает, что изменения происходят в результате *использования языка*, а не как мгновенная переинтерпретация уже существующей синтаксической формы.

Таким образом, исследованные фраземы иллюстрируют особый вид грамматикализации, который относительно редко привлекает внимание лингвистов, а именно такой, который приводит к появлению нового предложения. Отдельным вопросом, который еще рано обсуждать в рамках настоящей работы, остается вопрос о сходстве и различии процессов, ведущих к появлению морфологической единицы (напр., *-ся*) и синтаксической единицы (напр., *X так X!*).

СИНХРОНИЯ VS ДИАХРОНИЯ

Старый тезис Ф. де Соссюра “*Tout ce qui est diachronique dans la langue ne l'est que par la parole*” (Saussure 1972: 138) за прошедшие сто лет был отвергнут, переосмыслен и снова принят. Множество «обломков прошлого» (по выражению А. А. Потебни) остается в языке в качестве идиом, которые с трудом поддаются описанию в терминах правил порождения. Эти единицы могут быть рассмотрены как реликты былых состояний или ростки новых явлений, то есть как примеры постоянного языкового развития. Часть таких единиц в результате генерализации формируют то или иное правило, часть хранится в виде застывших штампов. Представленные ниже исследования синтаксических фразем являются по преимуществу ориентированными на динамические модели в языке, проявляющиеся как в синхронном срезе языка, так и в его развитии. По этой причине целесообразно кратко остановиться на двух подходах, повлиявших на автора настоящего исследования (обстоятельный обзор теорий языкового изменения можно найти в третьей главе книги Croft 2000: 42-86).

Модель языка, основанная на употреблении

Подход, названный *usage-based model / approach*, был впервые представлен Р. Лангакером в конце 1980 годов (Langacker 1987, 1988). В указателе терминов, составленном Л. Горбетом к «Основам когнитивной грамматики», этот подход был определен следующим образом:

Substantial importance is given to the actual use of the linguistic system and a speaker's knowledge of this use; the grammar is held

responsible for a speaker's knowledge of the full range of linguistic conventions, regardless of whether these conventions can be subsumed under more general statements. <...> (It is – MK) a non-reductive approach to linguistic structure that employs fully articulated schematic networks and emphasizes the importance of low-level schemas (Langacker 1987: 494).

С самого своего возникновения этот подход был четко противопоставлен хомкианской лингвистике, так что даже его отличительные особенности формулировалась в противопоставлении генеративному синтаксису (см. Langacker 2000).

1. максималистская (*vs* минималистская) теория

Любой носитель языка осваивает не только минимальный набор параметров, но весьма объемный и часто не организованный систематически избыточный набор конвенций.

2. Неупрощенная (*vs* упрощенная) грамматика

Грамматическое описание не должно ограничиваться лишь набором правил, достаточных для описания процедуры порождения. Грамматика не является оптимальной с точки зрения экономии системой и может содержать генерализации разной степени обобщения: и достаточно абстрактные грамматические правила (напр., правила предложного управления), и наполненные лексическим материалом единицы (напр., *на основе, в течение* и т. д.).

3. Подход снизу-вверх (*vs* сверху-вниз)

Подход предполагает, что полная грамматика языка должна включать описание как максимально абстрактных правил, так и явлений *ad hoc*. Более того, правила являются простой схематизацией конкретного использования конкретных выражений. В этом смысле «низкоуровневая генерализация» (то есть менее обобщающая) является более точным представлением языка, чем генерализации на высоком уровне.

В дальнейшем детальная модель описания с теоретическим обоснованием подходов была разработана последователями Р. Лангакера, прежде всего С. Кеммер и М. Барлоу. Кратко ее можно сформулировать в следующих положениях (см. Kemmer & Barlow, 2000).

- the intimate relation between linguistic structures and instances of use of language;
- the importance of frequency;
- comprehension and production as integral, rather than peripheral, to the linguistic system;
- focus on the role of learning and experience in language acquisition;
- linguistic representations as emergent, rather than stored as fixed entities;
- importance of usage data in theory construction and description;

- the intimate relation between usage, synchronic variation, and diachronic change;
- the interconnectedness of the linguistic system with non-linguistic cognitive systems;
- the crucial role of context in the operation of the linguistic system.

Эти идеи были реализованы в серии конкретных исследования как в цитированном сборнике (Kemmer & Barlow, 2000), так и в работах (Kemmer & Israel 1994; Israel 1996; Barlow 2000; Kemmer & Barlow 2000a и др.).

Теория невидимой руки

Эта теория получила свое название от метафорически сформулированного подзаголовка книги Р. Келлера „Sprachwandel. Von der unsichtbaren Hand in der Sprache” (Keller 1990). Прежде всего исследователь определяет природу языка как «феномен третьего типа» в отличие от естественных и искусственных объектов (например, разрушение камня или строительство дома, соответственно). «Феномены третьего типа» являются незапланированным результатом суммы коллективных ненаправленных однообразных действий (например, пробка на дороге, возникающая в результате того, что каждый водитель всегда тормозит чуть сильнее, чем того требует обстановка). Такие явления часто лежат в основе социальных изменений; они же, по мнению Р. Келлера, определяют языковые изменения.

Eine invisible-hand-Erklärung erklärt ihr Explanandum, ein Phänomen der dritten Art, als die kausale Konsequenz individueller Handlungen, die mindestens partiell ähnliche Intentionen verwirklichen (Keller 1990: 96-97).

В качестве удачной иллюстрации действия невидимой руки в социуме Р. Келлер приводит следующий пример. Предположим, что в некоем университете кампусе существует четко спланированная система дорожек. В то же время с течением времени появляются тропинки, противоречащие задуманной системе, но точнее учитывающие реальные нужды студентов и преподавателей. При этом никакой согласованной деятельности по прокладке тропинок не ведется: каждый пешеход прокладывает свой путь, исходя из собственных нужд (расписание, расстояние, особенности микроландшафта и климата и множество других). Однако в итоге самые популярные маршруты превращаются в тропинки и, возможно, будут признаны и легитимизированы специалистами.

Что касается языка, то исследователь формулирует правило, которое определяет и возможность возникновения изменений в языке, и его стремление к стабильности:

Rede so, daß du sozial erfolgreich bist, bei möglichst geringen Kosten (Keller 1990: 138).

Очевидно, что это правило включает в себя и принцип экономии, сформулированный А. Мартине, и принцип кооперации, сформулированный Г. Грайсом. В то же время он обозначает конфликт, который создает динамику в языке: минимальными затратами не добиться социальной успешности. Таким образом, языковые изменения происходят не системно, однодirectionально, экономически целесообразно, а случайно, разнонаправлено и далеко не всегда в направлении наиболее «выгодном» языковой системе. «Теория невидимой руки» определяет развитие языка как нетелеологичный (и следовательно, бесконечный) кумулятивный процесс выбора между вариативностью и селективностью.

МЕТОДЫ

Корпусная лингвистика⁶

Corpus linguistics doesn't mean anything (N. Chomsky, Cf. Andor 2004: 97)

Когнитивная лингвистика тесно связана с использованием корпусов и корпусных методов изучения языка. Можно сказать, что это одна из наиболее хорошо разработанных методологий, используемых в рамках когнитивной лингвистики (см. Grondelaers et al. 2007). Поскольку метод неотделим от теории, в этой части работы будут обсуждаться и некоторые теоретические вопросы, тесно связанные с предыдущей главой.

Термин «корпусная лингвистика» понимается в современной науке в двух значениях:

- Корпусная лингвистика₁ = корпусные исследования, исследования языка с помощью корпусных методов.
- Корпусная лингвистика₂ = создание корпусов. Корпусная лингвистика₂ создает инструменты для исследования в рамках корпусной лингвистики₁.

В настоящей работе термин всегда используется в своем первом значении. В рамках этого подхода сложилось три вида деятельности, которые по-русски можно назвать исследованиями,

- «использующими корпус»,
- «основанными на корпусе» и
- «инспирированными корпусом»:

Specifically, the spectrum of corpus linguistics ranges from ‘corpus-informed’ research (in which the corpus is used as a collection of natural examples) to ‘corpus-based’ approaches (in which corpora are analysed quantitatively and qualitatively on the basis of

⁶ В этом разделе частично использован материал статьи (Копотев, Мустайоки 2008).

theoretical preconceptions, possibly in conjunction with noncorpus data) as well as to ‘corpus-driven’ approaches (in which an entirely corpus-generated model of language is envisaged) (Mukherjee 2004: 115; см еще Tognini-Bonelli 2001: 65-100; Aarts 2002).

Современная корпусная лингвистика, несмотря на свою относительно короткую историю существования, является хорошо разработанным направлением современных языковых исследований, тесно связанных с компьютерной и когнитивной лингвистикой. У первой она заимствует инструменты обработки языкового материала, со второй совпадает с базовой предпосылке исследования: языковая стихия, представленная в бесконечном числе текстов, является той реальностью, которую и следует изучать, не сводя ее к ограниченному набору структурных схем, инвариантов и идеальных парадигм. Другими словами, корпусная лингвистика меняет приоритеты исследования: объектом исследования становится речевая деятельность, несводимая к языковой абстракции, нормам литературного языка, основанным на интуиции исследователя суждениям о правильности / неправильности в языке.

Взгляд на интроспективный метод исследования даже родного языка как на надежный инструмент исследования в последнее время существенно изменился. В докладах на конференциях все реже можно услышать выражения о возможности/невозможности той или иной фразы, и все чаще – апелляцию к зафиксированным в корпусе реальным, пусть даже и «неправильным» с точки зрения исследователя примерам. Таким образом определяется еще одна важная особенность корпусной лингвистики: любое явление, зафиксированное в корпусе, признается легитимным, независимо от степени его «правильности», нормативности. Это, естественно, не отменяет исследовательскую интуицию, скорее меняет приоритеты: в корпусной лингвистике материал имеет больший вес, чем интуиция носителя, связанная индивидуальным идиолектом, литературной нормой, в конце концов – давлением гипотезы.

I don't think there can be any corpora, however large, that contain information about all of the areas of English lexicon and grammar that I want to explore. <..> (but) every corpus I have had the chance to examine, however small, has taught me facts I couldn't imagine finding out any other way (Fillmore 1992, 35).

Еще одна особенность корпусной лингвистики тесно связана с тем, что является материалом исследования. Данные, на основе которых делаются выводы, скорее представляют узус, а не нормы литературного языка, поскольку хороший корпус содержит материалы разных языковых пластов. В этом смысле нельзя полагать, что корпусная лингвистика представляет собой некий идеальный метод поиска материала. Конечно, определенные претензии (кстати, равным образом относящиеся и к историческому материалу) могут быть высказаны и по поводу репрезентативности корпуса: он

может быть маленьким, несбалансированным, неполностью представлять языкового материала и т. д. Поисковые возможности также могут быть существенно ограничены техническими сложностями или просто отсутствием навыков у исследователя. Однако будет неправильным считать, что корпусная лингвистика сводиться просто к изменению исследовательских практик и методики извлечения материала. Современная корпусная лингвистика все больше заявляет себя как основа для создания лингвистических теорий, резко противопоставленных структурализму, в частности генеративизму, смыкаясь с когнитивной лингвистикой. Показательно, что многие специалисты, работающие в рамках когнитивных подходов, одновременно являются и создателями языковых корпусов (Ч. Филлмор, Дж. Синклер, А. Мустайоки, Е. Ю. Рахилина, В. А. Плунгян и мн. др.).

Характерна в этом смысле недавняя дискуссия среди подписчиков электронной рассылки Corpora-List (<http://mailman.uib.no/listinfo/corpora>). Начальной точкой дискуссии стало высказывание Н. Хомского, вынесенное в качестве эпиграфа к этому разделу. Приведу его полностью:

Corpus linguistics doesn't mean anything. It's like saying <...> suppose physics and chemistry decide that instead of relying on experiments, what they're going to do is take videotapes of things happening in the world and they'll collect huge videotapes of everything that's happening and from that maybe they'll come up with some generalizations or insights (Andor 2004: 97).

Оппонентами Н. Хомского выступили лингвисты, которые делают фундаментальные выводы о языке, опираясь не на интуицию, а на корпусные данные. Во многих концепциях, основывающихся на этом принципе, особое значение уделяется единицам, большим чем слово в традиционном понимании, но меньшим, чем предложения/высказывания. Обсуждение и реализация этого принципа породило целую серию исследований, среди которых можно называть "A Grammar of Speech" (Brazil 1995) и "Pattern Grammar" (Hunston & Francis 2000). Наконец, в исследовании "Linear Unit Grammar" (Sinclair & Mauranen 2006) вообще отрицается иерархичность языковых структур. Авторы исходят из линейной природы обработки грамматической информации в тексте и даже не используют традиционных терминов классов слов, не говоря уже о глубинных структурах предложения. В целом, эти концепции ориентированы на исследование и моделирование сознания человека, но в отличие от теоретиков-генеративистов, они обращают внимание не на виртуальное конструирование языковых единиц, а на реальный процесс использования речи.

Можно считать, что эта парадигма отличается изменением приоритетов исследования: если для структуралистов важным оказывалась языковая система с ее иерархичностью и механизмами порождения, то новая парадигма ориентируется на речевые формы, несводимые к языковой схеме, к прозрачности границ между языковыми уровнями, большим процентом идиоматичных выражений и речевых штампов, хранящихся в создании но-

сителя в готовом виде, а не порождаемых каждый раз заново. Все это позволило Дж. Синклеру сформулировать на основе корпусных данных принцип идиоматичности:

The principle of idiom is that a language user has available to him or her a large number of semi-preconstructed phrases that constitute single choices, even though they might appear to be analysable into segments (Sinclair 1991: 105).

Таким образом, корпусная лингвистика не просто набор инструментов для быстрого извлечения из текста нужных иллюстраций, а подход, основанный на убеждении в том, что речевая стихия есть первичная данность, и всякая генерализация есть необходимая, но вторичная процедура по отношению к ней. В этом смысле, полной грамматики не существует не потому, что лингвисты не в состоянии ее создать, а потому что речевая деятельность принципиально порождает множество «генерализаций *ad hoc*», которые противоречат друг другу, оказываются подверженными частотным факторам, pragmatically ограниченным и т. д.

All methods have their limitations, but question is not: Do they (corpus methods – MK) tell us everything we want to know about phraseology? (Clearly no.) But are they better than trying to discover patterns by introspection? (Clearly yes) (Stubbs 2006, 328).

Настоящая работа является исследованием, основанным на корпусе (*corpus-based research*). В ней активно используются множество различных корпусов, прежде всего русских и финских (см. список на www.ldc.upenn.edu; подробнее о русских корпусах см. Копотев & Резникова 2005; Копотев & Янда 2006; Mustajoki 2006; Рахилина 2008, о финских корпусах см. Korpuslingvistiikan työraja 2002; Коротев 2003). В начале каждой статьи указано, какие именно ресурсы использовались в конкретных исследованиях.

Case study

В общем и целом, необходимо признать, что русские и финские синтаксические фраземы описаны недостаточно, неизвестен их полный состав, не определены классы. Образно говоря, для современного лингвиста они представляют постоянно увеличивающую в размерах массу, которая пока пугает и своими размерами, и своей бесформенностью. В представленных статьях исследуется лишь фрагменты этой массы. При этом преследуются цели, во-первых, описать конкретные фраземы, а во-вторых, – определить общие тенденции, которые характеризуют явление синтаксической идиоматизации как таковое. В этом смысле проведенные исследования представляют собой т. н. *case studies*:

A case study is one, which investigates <...> to answer specific questions that seeks a range of different kinds of evidence, and which has to be abstracted and collated to get the best possible answers to the research questions (Gillham 2000 1-2).

Это означает, что все статьи посвящены близким, но достаточно разнородным явлениям, каждое из которых изучается с максимальной полнотой. Сделанные на этой основе обобщения, с одной стороны, не претендуют на исчерпывающую полноту, однако с другой, – являются первым шагом выяснения принципов синтаксической идиоматизации. При этом сходные принципы, выявленные для типологически разных языков (а также для разных исторических отрезков одного языка), позволяют считать, что предложенные принципы могут быть релевантными для большего числа языков.

Интерференция vs типология

В настоящем исследовании не ставится задача специально обсуждать финско-русские синтаксические параллели, однако необходимо хотя бы кратко обозначить контекст, в котором существует этот аспект исследования. Исследования русско-финской синтаксической интерференции имеют долгую историю (Gauthiot 1908–1909, Meillet 1906–1908, Décsy 1967, Kiparsky 1969, Timberlake 1974, L’Hermitte 1979, Ткаченко 1979) и в большинстве случаев склоняются к мнению А. Мейе о влиянии финского и – шире – финно-угорских языков на русский. После некоторого затишья интерес исследователей к этим темам возвращается, при этом частные русско-финские синтаксические параллели рассматриваются как в рамках ареальной лингвистики (Dahl & Kořtjevska-Tamm 2001; особенно Stassen 2001), так и в контексте интердисциплинарных подходов к изучению языковых контактов (Nuorluoto 2006, 2008). Заметно стремление как к открытию новых объектов исследования в этой области, так и к пересмотру старых, считавшихся решенными вопросов (Künnap 1997, Вайс 2003, Петрухин 2007).

Анализ русско-финских «безглагольных» параллелей в настоящей работе позволяет пересмотреть не раз высказанное мнение о развитии русских конструкций такого типа под влиянием финского языка. Подход, использованный в настоящей работе, основан на том, что сходные явления разных языков исследуются с целью поиска сходных языковых механизмов, будь они инспирированы языковыми контактами или являются независимыми друг от друга. Сравнение русских и финских конструкций, не имеющих в поверхностной структуре глагольных форм, позволило, во-первых, предложить новое решение старого вопроса о возможной интерференции, а во-вторых, – получить результаты, демонстрирующие, что в разных языках процессы синтаксической идиоматизации происходят по схожим сценариям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, теоретической основой работы стали следующие положения.

1. Идиоматичность не периферийное явление, приводящее к возникновению досадных «исключений» из стройной языковой системы, а интегрентное свойство языка, состоящее в развитии большей локальной связанныности разнородных языковых единиц. Эти связи отнюдь не ограничиваются лексикой, но пронизывают весь язык, легко соединяя единицы разных уровней.
2. Синтаксическая идиоматизация является частным случаем общего процесса грамматикализации, в результате которого единица “loses its autonomy by becoming more subject to constraints of the linguistic system” (Lehmann 2004: 154). Можно сказать, что языковые правила (в том числе правила синтаксического порождения) есть ни что иное, как результат идиоматизации, охватывающий список единиц больший, чем обычно приписывают идиоматическим ограничениям. Разница между синтаксической фраземой и синтаксическим правилом только в большем или меньшем списке единиц, подпадающих в сферу их действия. Идиоматизацию в этом контексте можно считать в некотором смысле тупиковой ветвью общего когнитивного механизма генерализации, приводящего к возникновению и продуктивной синтаксической модели, и непродуктивной, связанной синтаксической конструкции.
3. Наконец, идиоматизация – динамический процесс, в ходе которого изменение языковой системы проходит через множество локальных обобщений, часть из которых исчезает из языка, часть составляет его идиоматизированный компонент, часть расширяется до синтаксических правил широкого охвата. В этом смысле синтаксические единицы представляют собой континuum градуальных переходов по шкале «свободные – идиоматизированные» без четко очерченных границ⁷. По этой причине исследование синтаксических фразем наиболее продуктивно в исторической перспективе, дающей возможность проследить формирование той или иной единицы и объяснить ее положение в современном языке.

В диссертации исследуются в разной степени идиоматизированные русские и финские конструкции. При единстве общего подхода предложенные ниже относительно самостоятельные исследования объединяет то, что все описанные единицы принадлежат или принадлежали в истории языка к синтаксическим фраземам, в том смысле, как это было определено выше. В то же время в качестве объекта анализа были выбраны не сходные явления (такими могли бы стать, например, русские тавтологи-

⁷ Отдельной задачей может стать ранжирование синтаксических единиц по шкале идиоматической связаннысти, как это сделано для лексики в пионерской работе М. М. Копыленко (1973).

ческие высказывания), а те, в которых идиоматизация затрагивает разнородные элементы структуры. Дополнительную обобщающую силу сделанным выводам придает тот факт, что выявленные принципы проявляются в разноструктурных и генетически не родственных языках – русском и финском. Все это позволяет с большей вероятностью экстраполировать результаты на другие синтаксические зоны, выходящие за рамки исследованного материала. В итоге оказывается, что разнородный материал позволяет сформулировать принципы, пересекающиеся в разных конструкциях разных языков, и определить общую специфику процесса синтаксической идиоматизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Andor, J.: 2004: 'The master and his performance: An interview with Noam Chomsky', *Intercultural Pragmatics* 1:1, 93-111.
- Barlow, M., 2000: 'Corpus Linguistics: A Usage-Based Approach to Language' *Proceedings: 2000 Seoul International Conference on Language and Computation*, 7-24.
- Brazil, D. A., 1995: *Grammar of Speech (Describing English Language)*, Oxford: OUP, 1995.
- Bybee, J., 2003: 'Mechanisms of change in grammaticalization: The role of frequency', Brian D. Joseph and Richard D. Janda (eds.). *The Handbook of Historical Linguistics*, Oxford: OUP, 602-623.
- Bybee, J. L., Perkins, R. D. & Pagliuca, W., 1994: *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*, Chicago: University of Chicago Press, 9-22.
- Campbell, L., Janda, R., 2000: 'Introduction: conceptions of grammaticalization and their problems', *Language Sciences* 23:2-3, 93-112.
- Croft, W., 2000: *Explaining Language Change. An Evolutionary Approach*, London: Longman.
- Croft, W., 2002: *Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective*, Oxford: OUP.
- Dahl, Ö & Koptjevskaia-Tamm, M. (eds), 2001: *Circum-Baltic Languages*, Vol, 1-2, Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins.
- De Smet, H., 2007: 'In search of syntactic reanalysis: A usage-based approach', *Preprints of the Department of Linguistics* 261, Leuven: Katholieke Universiteit.
- Décsy, G., 1967: 'Is there a Finnic Substratum in Russian?', *Orbis* 16, 150-160.
- Dik, S., 1989-1997: *The Theory of Functional Grammar*, part I-II, Berlin: Walter de Gruyter.
- Fillmore, Ch., 1992: 'Corpus linguistics or computer-aided armchair linguistics', Jan Svartvik (ed.), *Directions in Corpus Linguistics: Proceedings of Nobel Symposium 82, Stockholm, 4–8 August, 1991* Berlin: Mouton de Gruyter, 35-60.
- Fillmore, Ch. & Kay, P., 1992: *Construction Grammar Coursebook*, manuscript, University of California at Berkeley, Department of linguistics.
- Fillmore Ch., Kay P. & O'Connor M., 1988: 'Regularity and idiomacity in grammatical constructions: the case of *let alone*', *Language* 63:3, 501-538.
- Fraser, B., 1970: 'Idioms within a transformational grammar', *Foundations of Language* 6, 22-42.
- Fried, M., & Östman, J-O. (eds.), 2004: *Construction Grammar in a cross-language perspective*, Amsterdam: John Benjamins.
- Gillham, B., 2000: *Case Study Research Methods*, London, New York: Continuum.
- Goldberg, A., 1995: *Constructions: A constructionist grammar approach to argument structure*. Chicago: Chicago University Press.

- Goldberg, A., 2000: ‘Construction Grammar’, *Encyclopedia of cognitive science*. London: Macmillan.
- Goldberg, A., 2006: *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford University Press.
- Gauthiot, R., 1908–1909: ‘La phrase nominale en finno-ougrien’, *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris* 15, 201-227.
- Grondelaers, S., Geeraerts, D. & Speelman, D., 2007: ‘A case for a cognitive corpus linguistics’, Mónica González-Márquez, Irene Mittelberg, Seana Coulson and Michael J. Spivey (eds.), *Methods in Cognitive Linguistics*, Amsterdam: John Benjamins, 149-169.
- Gurevich, O., 2002: ‘Direction vs. Location in Russian: a Constructional Analysis’, *ICCG2. Second International Conference on Construction Grammar. Septebmer 6-8, 2002*, Vantaa, 75-77.
- Hansen, B., 2001: *Das Modalauxiliar im Slavischen. Grammatikalisierung und Semantik im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen*, München: Verlag Otto Sagner.
- Hansen, B., 2003: ‘The Grammaticalization (and Degrammaticalization?) of Modals in Slavonic’, Berger, T. Gutschmidt, K. (eds.) *Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen. Beiträge zum 13. Internationalen Slavistenkongress Ljubljana 2003*, München: Verlag Otto Sagner, 97-115.
- Harris, A., C. & Campbell, L., 1995: *Historical syntax in cross-linguistic perspective*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Haspelmath, M., 1998: ‘Does grammaticalization need reanalysis?’ *Studies in Language* 22, 315-351.
- Heine, B., & Reh, M., 1994: *Grammaticalization and Reanalysis in African Languages*, Hamburg: Buske.
- Heine, B., Kuteva, T., 2002: *World lexicon of grammaticalization*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Himmelmann, N. P., 2004: ‘Lexicalization and grammaticalization: Opposite or orthogonal?’ Walter Bisang, Nikolaus Himmelmann, and Björn Wiemer (eds.), *What Makes Grammaticalization – A Look from its Fringes and its Components*, Berlin: Mouton de Gruyter, 19-40.
- Hopper, P. J. & Traugott, E. C., 1993: *Grammaticalization*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hunston, S., Gill F., 2000: *Pattern Grammar: a corpus-driven approach to the lexical grammar of English*, Amsterdam: John Benjamins.
- Iomdin, L., 2005: ‘A Hypotheses of Two Syntactic Starts’, *East West Encounter. Second International Conference on Meaning-Text Theory*, Moscow: SCL Publishing House, 2005, 165-175.
- Israel, M., 1996: ‘The way constructions grow’, A. Goldberg (ed.) *Conceptual structure, discourse, and language*. Stanford: CSLI Publications, 217-230.
- Jackendoff, R., 1997: ‘Twistin’ the Night Away’, *Language*, 73:3, 534-559.

- Kay, P., 1998: *An Informal Sketch of a Formal Architecture for Construction Grammar*, at www.icsi.berkeley.edu/~kay/cg.arch.ps.
- Keller, R., 1990: *Sprachwandel: von der unsichtbaren Hand in der Sprache*, Tübingen: Francke.
- Kemmer, S. & Barlow, M., 2000: ‘Introduction: A Usage-Based Conception of Language’, M. Barlow and S. Kemmer (eds), *Usage-Based Models of Language*, Stanford (CA): CSLI, 7-28.
- Kemmer, S. & Barlow M., 2000a: *A usage-based conception of language*, Essen: LAUD (=LAUD Ser B. Paper # 295).
- Kemmer, S. & Israel, M., 1994: ‘Variation and Usage-based model’, *Chicago Linguistics Society 30, Papers for Parasession on Variation and Linguistics Theory*, 165-179.
- Kiparsky, V., 1969: ‘Gibt es ein finnougrisches Substrat im Slavischen?’ *Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ* 153:4 (Ser. B), 1-29.
- Kopotev, M., 2003: ‘Corpus linguistics in Finland: a Resource Survey’, *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics* 37/3, 35-42.
- ‘Korpuslingvistiikan työpaja 1: Korpuiset ja ohjelmat’, *XXIX kielitieteen päivät*, Helsinki, 2002.
- Künnap, A., 1997: ‘Potential Finno-Ugric Substratum in Slavic’, *Linguistica Uralica* 33:4, 253-257.
- Lakoff, G., 1987: *Women, Fire, and Dangerous Things: what Categories Reveal about the Mind*, Chicago: University of Chicago Press.
- Langacker, R., W., 1977: ‘Syntactic reanalysis’, Charles N. Li (ed.), *Mechanisms of Syntactic Change*, Austin and London: University of Texas Press, 57-139.
- Langacker, R. W., 1987: *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 1-2, Stanford (CA): Stanford University Press.
- Langacker, R., W., 1998: ‘Conceptualization, symbolization and grammar’, Tomasello, Michael (ed.), *The New Psychology of Language: Cognitive and Functional Approaches to Language Structure*, Mahwah, NJ: Erlbaum, 1-39.
- Langacker, R., W., 1988: ‘A usage-based model’, Brygida Rudzka-Ostyn (ed). *Topics in Cognitive Linguistics*, Amsterdam: Benjamins, 127-161.
- Langacker, R., W., 2000: ‘A Dynamic Usage-Based Model’, Michael Barlow & Suzanne Kemmer (eds.), *Usage-based models of language*, Stanford (CA): CSLI, 61-143.
- Lehmann, C., 1982: *Thoughts on Grammaticalization: A Programmatic Sketch*. Arbeiten des Kölner Universalien-Projekts 48. Cologne: Universität zu Köln, Institut für Sprachwissenschaft.
- Lehmann, C., 2005: ‘Theory and method in grammaticalization’, *Zeitschrift für Germanistische Linguistik* 32,2, 152-187.
- Lightfoot, D. W., 1979: *Principles of Diachronic Syntax*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Lightfoot, D. W., 1991: *How to Set Parameters: Arguments from Language Change*, Cambridge, MA: MIT Press.

- Lindström, T., 2004: *The history of the concept of grammaticalization*, PhD thesis, Sheffield: University of Sheffield.
- L'Hermitte, R., 1979: *La phrase nominale en russe*, Paris: Institut d'études slaves.
- Machonis, P., A., 1985: 'Transformations of Verb Phrase Idioms: Passivization, Particle Movement, Dative Shift', *American Speech* 60: 4, 291-308.
- Makkai, A., 1972: *Idiom structure in English*, The Hague: Mouton.
- McEnery, T., Wilson, A., 2001: *Corpus Linguistics*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Meillet, A., 1906–1908: 'La phrase nominale en indo-européen', *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris* 14, 1-26.
- Mel'čuk, I. A., 1995a: 'Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics'. M. Everaert, E J. van der Linden, A. Schenk, and R. Schreuder (eds.), *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*, Hillsdale, New Jersey, Hove, UK: Lawrence Erlbaum Associates, 1995, 167-232.
- Mel'čuk, I. A., 1995b: 'Un affixe derivationnel et un phraseme syntaxique du russe moderne', *Русский язык в модели «Смысл – текст»*, Vienna / Moscow: Wiener Slawistischer Almanach / Языки русской культуры, 325-346.
- Miettinen, M. (ed.), 1998: *Kieliteknologia Suomessa*, Helsinki: Yliopistopaino.
- Mustajoki, A., 2006: 'The Integrum Database as a Powerful Tool in Research on Contemporary Russian', *Integrum: точные методы и гуманитарные науки*, ред. – сост. Г. Никифорец-Такигава, Москва: Летний сад, 50-75.
- Nenonen, M., 2007: 'Unique, but not cranberries: idiomatic isolates in Finnish', Nenonen, M. & S. Niemi (eds.), *Collocations and idioms 1: Papers from the First Nordic Conference on Syntactic Freezes*, Joensuu: University of Joensuu, 213-226.
- Norde, M., 2003: 'Degrammaticalization: process or result?' *Paper presented at The XVIth International Conference on Historical Linguistics*, Copenhagen: University of Copenhagen Press.
- Nuorluoto, Ju. (ed.), 2006: *The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology*, Helsinki: Yliopistopaino.
- Nuorluoto, Ju. (ed.), 2008: *Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North*, Helsinki: Yliopistopaino.
- Penttilä, E., 2006: *It Takes an Age to do a Chomsky: Idiomaticity and Verb Phrase Constructions in English*, Unpublished doctoral dissertation, University of Joensuu.
- Ramat, P., 1992: 'Thoughts on degrammaticalization', *Linguistics* 30, 549-560.
- Ramat, P., 2001: 'Degrammaticalization or transcategorialization?', Ch. Schaner-Wolles, J. Rennison, F. N. Rosenberg & Sellier (eds.), *Naturally! Linguistic studies in honour of Wolfgang Ulrich Dressler presented on the occasion of his 60th birthday*, Torino: Rosenberg & Sellier, 393-401.
- Roberts, I., 2007: *Diachronic syntax*, Oxford: Oxford University Press.
- Schultze-Berndt, E., 2002: 'Constructions in Language Description', *Functions of Language* 9/2, 269-310.

- Sinclair, J., 1991: *Corpus, concordance, collocation*, Oxford: Oxford University Press.
- Sinclair J., McH., Mauranen A., 2006: *Linear Unit Grammar. Integrating speech and writing*, Amsterdam: John Benjamins.
- Stassen, L., 2001: ‘Nonverbal predication in the Circum-Baltic languages’, Ö. Dahl & M. Koptjevskaja-Tamm (eds.), *Circum-Baltic Languages Vol. 2: Grammar and Typology*, Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins, 569-590.
- Stefanowitsch, A. & Gries, S., 2003: ‘Collostructions: Investigating the interaction between words and constructions’, *International Journal of Corpus Linguistics* 8:2, 209-243.
- Stubbs, M., 2006. ‘Notes on the history of corpus linguistics and empirical semantics’, Nenonen, Marja & Sinikka Niemi (eds.), *Collocations and idioms 1: Papers from the First Nordic Conference on Syntactic Freezes*, Joensuu: University of Joensuu, 316-329.
- Timberlake, A., 1974: *The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic*, München: Verlag Otto Sagner.
- Timberlake, A., 1977: ‘Reanalysis and actualization in syntactic change’, Ch. N. Li, (ed.), *Mechanisms of Syntactic Change*, Austin: University of Texas Press, 141-180.
- Tomasello, M., 2003: *Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Tronenko, N., 2003: *Regularities in the Behavior of Russian Phrasal Idioms*, Bern: Peter Lang.
- Vandewalle, J., 2002: ‘Teaching Russian Prefixed Verbs on Motion with Constructional Grammar’, *ICCG2. Second International Conference on Construction Grammar, Vantaa*, 165-167.
- Weinreich, U., 1969: ‘Problems in the analysis of idioms’, J. Puhvel (ed.), *Substance and Structure of Language*, Berkeley: University of California Press, 23-81.
- Wierzbicka, A., 1987: ‘Boys will be boys: Radical semantics vs. radical pragmatics’, *Language* 63, 95-114.
- Wierzbicka, A., 1988: Boys will be boys: A rejoinder to Bruce Fraser, *Journal of Pragmatics* 12, 221-224.
- Willis, D., 2007: ‘Syntactic lexicalization as a new type of degrammaticalization’, *Linguistics* 45, 271-310.
- Willis, D., 2008: *Degrammaticalization, exaptation and loss of inflection: Evidence from Slavonic (abstract)*, Ms, at: people.pwf.cam.ac.uk/dwew2/degramm_slav.pdf
- Адаскина, Ю. В., 2007: ‘Вот и верь после этого людям’, *Научно-техническая информация* 2:4, 6-11.
- Акимова, О. Б., 1997: ‘Обороты со словом НЕВЕСТЬ’, *Вопросы лингвистики* 1, Москва, 30-36.

- Андреева, С. В., 2004: ‘Типология конструктивно-сintаксических единиц в русской речи’, *Вопросы языкоznания* 5, 32-45.
- Апресян, В. Ю., 2007: ‘Фраземы с наречиями малого количества: мало ли’, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы международной конференции “Диалог-2007”*, Москва, 16-22.
- Апресян, Ю. Д., Иомдин, Л. Л., 1990: ‘Конструкции типа НЕГДЕ СПАТЬ в русском языке’, *Семиотика и информатика* 29, 3-89.
- Аркадьев, П. М., 2007: ‘О семантике русских конструкций «чего доброго» и «того гляди», *Научно-техническая информация* 2:4, 11-16.
- Архангельский, В. Л., 1964: *Устойчивые фразы в современном русском языке*, Ростов на Дону: издательство РГУ, 1964.
- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О., 1996: ‘Идиоматичность и идиомы’, *Вопросы языкоznания* 5, 51-64.
- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О., 2008: *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак.
- Белянин, В. П., Бутенко, И. А., 1994: *Живая речь: словарь разговорных выражений*, Москва: ПАИМС.
- Богуславский, И. М., Иомдин, Л. Л., 1982: ‘Безусловные обороты и фраземы в толково-комбинаторном словаре’, *Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода*, ч. 2. Москва: Издво МГУ, 210-222.
- Бондарко, А. В., (ред.), 1987-1996: *Теория функциональной грамматики*, Ленинград – Санкт-Петербург: Наука.
- Булыгина, Т. В.; Шмелев, А. Д., 1997: ‘Возражение под видом согласия’, *Облик слова*, Москва: Русские словари, 137-147.
- Вайс, Д., 2003: ‘Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках’, *Русский язык в научном освещении* 2/6, 37-59.
- Величко, А. В., 1996: *Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев*, Москва: издательство МГУ.
- Верещагин, Е. М., 2004: ‘«И в ус не дует»: как сообщают о сингулярном поведении’, *Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках*. Москва: ЯСК, 31-46.
- Виноградов, В. В., 1945: ‘Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины’, *Труды юбилейной сессии ЛГУ*, 45-69.
- Виноградов, В. В., 1947: ‘Об основных типах фразеологических единиц в русском языке’, *Академик А. А. Шахматов*, Москва – Ленинград: Издательство АН СССР, 339-364.
- Виноградов В. В., 1954: ‘Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения’, *Вопросы языкоznания* 1, 3-29.
- Всеволодова, М. В., Лим Су, Ен., 2002: *Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: На материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки*, Москва: Макс Пресс.

- Гаврилова, Г. Ф.; Меликян, В. Ю., 1997: ‘Асимметричные синтаксические конструкции с негопозитивным значением’, *Филология = Philologica* 12, 2-5.
- Гасanova, A. A., 1967: *Сложные предложения с фразеологически связанными частями в современном русском языке*, АКД, Баку.
- Гаспаров, Б. М., 1996: *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*, Москва: Новое литературное обозрение.
- Гудков, Д. Б., 2004: ‘К вопросу о словаре прецедентных феноменов’, *Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках*, Москва: ЯСК, 251-259.
- Димитрова, С., 1994: *Исключения в русском языке*, Columbus (Ohio).
- Добровольский, Д. О., 2005: ‘Зависит ли синтаксическое поведение идиом от их семантики?’, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конференции «Диалог 2005»*, Москва: Наука, 126-130.
- Добровольский, Д. О., 2007: ‘Пассивизация идиом (о семантической обусловленности синтаксических трансформаций во фразеологии)’, *Вопросы языкоznания* 5, 39-61.
- Дубровина, И. В., 2007: ‘Семантика конструкций «говорить о» и «говорить про»’, *Научно-техническая информация* 2:4, 17-21.
- Ефремова, Т. Ф., 2004: *Толковый словарь служебных частей речи русского языка*, Москва: Астрель.
- Золотова, Г. А., 1997: ‘О связанных моделях русского предложения’, *Облик слова*, Москва: Русские словари, 148-154.
- Иомдин, Л. Л., 2003: ‘Большие проблемы малого синтаксиса’, *Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2003»*, Москва: Наука, 216-222.
- Иомдин, Л. Л., 2006: ‘Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом’, *Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2006»*, Москва: Наука, 202-206.
- Иомдин, Л. Л., 2007: ‘Русские конструкции малого синтаксиса, образованные вопросительными местоимениями’, *Мир русского слова и русского слова в мире. Материал XI конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы*, Sofia: Heron press, 117-126.
- Иомдин, Л. Л., 2007: ‘В глубинах микросинтаксиса: один лексический класс синтаксических фразем’, *Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2008»*, Москва: ИПИ РАН, 178-184.
- Кайгородова, И. Н., 1999: *Проблемы синтаксической идиоматики: (На материале русского языка)*, Астрахань: издательство АГПУ.
- Киприянов, В. Ф., 1968: *Нечленимые предложения в современном русском языке*, Москва.

- Кожина, Е. К., 2004: *Коммуникативы: структурно-семантический, лингвопрагматический и эстетико-изобразительный аспекты*, АКД, Таганрог.
- Копотев, М. В., Мустайоки, А., 2008: ‘Современная корпусная русистика’, *Инструментарий русистики: корпусные подходы*, под ред. Мустайоки и др., Хельсинки: Yliopistopaino, 7-24.
- Копотев, М. В., Резникова, Т. И., 2005: ‘Лингвистически аннотированные корпуса русского языка (обзор общедоступных ресурсов)’, *Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы*, Москва: Индрик, 31-61.
- Копотев, М. В., Янда, Л., 2006: ‘Рецензия (Национальный корпус русского языка)’, *Вопросы языкознания* 5, 149-155.
- Копыленко, М. М., 1973: *Сочетаемость лексем в русском языке*, Москва: Просвещение.
- Коростышевская, А. М., 1985: *Структурно-семантические особенности синтаксических фразеологизмов, включающих постоянные и переменные компоненты*, Омск, 68-76.
- Крейдлин, Г. Е., Рахилина, Е. В., 1984: ‘Восклицательные предложения с местоимением *какой*’, *Синтаксический анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры*, Красноярск.
- Кузнецова, Ю. Л., 2007: ‘Уступительные квазиимперативные конструкции в русском языке’, *Научно-техническая информация* 2:4, 21-29.
- Кустова, Г. И., 2008а: ‘Обстоятельственные группы типа *во всяком случае* в современном русском языке’, *Инструментарий русистики: корпусные подходы*, под ред. А. Мустайоки и др., Хельсинки: Yliopistopaino, 163-175.
- Кустова, Г. И., 2008б: ‘Обстоятельственные конструкции с прилагательными’, *Научно-техническая информация* 2:4. 2-7.
- Летучий, А. Б., 2008: ‘Конструкции сравнения ситуаций с показателями *как бы* и *как будто*’, *Научно-техническая информация* 2:3, 19-27.
- Лисоченко, Л. В., 1972: *Связанные конструкции с лексическими повторами в русском языке*, АКД, Ростов на Дону.
- Ляпон, М. В., 1988: ‘Семантические модификации служебного слова в условиях фразеологизированной конструкции’, *Язык: система и функционирование*, Москва: Наука, 158-170.
- Ляшевская, О. Н., Рахилина, Е. В., 2008: ‘Многозначность сквозь призму дискурса’, *Инструментарий русистики: корпусные подходы*, под ред. Мустайоки и др., Хельсинки: Yliopistopaino, 2008, 217-232.
- Майсак, Т. А., 2005: *Типология грамматикализация конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*, Москва: ЯСК.
- Меликян, В. Ю., 2001: *Словарь: эмоционально-экспрессивные обороты жесткой речи*, Москва: Флинта.
- Меликян, В. Ю., 2002: *Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: теория нечлененного предложения*, Ростов на Дону: издательство РГУ.

- Мелкумова, И. А., 1972: *Фразеосхемы современного русского языка*, АКД, Тбилиси.
- Мельчук, И. А., 1997: *Курс общей морфологии* т. I, Москва-Вена: ЯРК-Прогресс.
- Мельчук, И. А., 1968: ‘Об одном классе фразеологических сочетаний’, *Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц*, Тула, 51-65.
- Мельчук, И. А., 1960: ‘О терминах “устойчивость” и “идиоматичность”’, *Вопросы языкоznания* 4, 73-80.
- Москальская, О. И., 1962: ‘Грамматический идиоматизм и синтагматика’, *Иностранные языки в высшей школе* 1, 3-10.
- Мустайоки, А., 2006: *Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам*, Москва: ЯСК.
- Николина, Н. А., 1988: ‘Типы предложений фразеологизированной структуры с оценочным значением в современном русском языке’, *Системно-функциональное описание словосочетания и простого предложения*, Ленинград, 61-70.
- Никоновайте, Ф. И., 1994: ‘Атрибутивно-предикативные фразеологизмы в аспекте формирования их значения и синтаксической функции’, *Филологические науки* 3, 72-81.
- Норман, Б. Ю., 1994: *Грамматика говорящего*, Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
- Норман, Б. Ю., 2007: ‘Участие лексического компонента в синтаксических моделях’, *Зборник Матице српске за славистику*, Нови сад, 209-222.
- Оркина, Л. Н., 1999: ‘Выражение отношений обусловленности во фразеологизированных конструкциях с коннектором ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ’, *Семантика. Функционирование. Текст*, Киров: изд. центр ВГГУ, 132-137.
- Paillard, D., Плунгян, В. А., 1993: ‘Об одном типе конструкций с повтором глагола в русском языке’, *Russian linguistics* 17/3, 263-277.
- Петрухин, П. В., 2007: ‘Жили-были: вопрос закрыт?’, *Русский язык в научном освещении* 1, 268-282.
- Пиотровская, Л. А., 1998: ‘К вопросу о синтаксической фразеологии’, *Славистический сборник*, Санкт-Петербург: издательство СПбГУ, 111-118.
- Плунгян, В. А., 2002: ‘К семантике русского локатива («второго предложного» падежа)’, *Семиотика и информатика* 37, 229-254.
- Плунгян, В. А., 2003: *Общая морфология. Введение в проблематику*, Москва: УРСС.
- Подлесская, В. И., 2007: ‘Многозначность конструкции «что плюс за плюс именная группа» в свете данных национального корпуса русского языка: что же это за конструкция?!’, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007»*, Москва: Издательский центр РГГУ, 460-469.

- Прозорова, Е. В., 2007: ‘Хоть плачь, или анализ значения конструкции "хоть + императив"’, *Научно-техническая информация* 2:4, 29-34.
- Райхштейн, А. Д., 1974: *Немецкие устойчивые фразы и устойчивые предикативные единицы*, Москва.
- Рахилина, Е. В., 1990: *Семантика или синтаксис? К анализу частных вопросов в русском языке*, München: Otto Sagner.
- Рахилина, Е. В., 1996: ‘Атрибутивные конструкции с russkimi прилагательными размера: два частных случая’, *Научно-техническая информация* 2:11, 31-35.
- Рахилина, Е. В., 2008: ‘Национальный корпус русского языка: Зачем он славистам?’, *Die Welt der Slaven* LIII/1, 1-10.
- Резникова, Т. И., Бонч-Осмоловская, А. А., Рахилина, Е. В., 2008: ‘Глаголы боли в свете Грамматики конструкций’, *Научно-техническая информация*, 2:4, 7-15.
- Ривелис, Е., 2008: *Как возможен двуязычный словарь*, Stockholm: Elanders Sverige.
- Рогожникова, Р. П., 2003: *Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову*, Москва: Астрель.
- Ройзензон, Л. И., 1961: ‘Фразеологизация как лингвистическое явление’, *Труды Самаркандинского университета* 113 (новая серия), 101-119.
- Салмина, Л. М., 1988: *Сложные фразеологизированные конструкции темпорально-модусной семантики*, АКД, Воронеж.
- Сигал, К. Я., 2006: ‘О лексикализации словосочетаний’, *Синтаксические этюды*, Москва: Академия гуманитарных исследований, 73-81.
- Сиротинина, О. Б., 1974: ‘Конструкции с плеонастическими местоимениями в разговорной речи’, *Синтаксис и норма*, Москва.
- Солганик, Г. Я., 1976: ‘Фразеологические модели в современном русском языке’, *Русский язык в школе* 5, 73-78.
- Староверов, П. Д., 2008: ‘Опыт семантической классификации поля близких конструкций (Выражения типа "У Васи групп" в русском языке)’, *Научно-техническая информация* 2:4, 15-25.
- Стексова, Т. И., 2006: ‘Интерпретационный потенциал синтаксических фразем типа *ну приехал и приехал*’, *VERBUM: язык, текст, словарь*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 81-88.
- Стексова, Т. И., 2007а: ‘Интерпретационный потенциал тавтологических сочетаний Им. п + Тв. п.’, *Проблема выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим*, Новосибирск, 61-68.
- Стексова, Т. И., 2007б: ‘Синтаксические фраземы тавтологического типа в русском языке’, *Международная конференция "Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы"*, Доклады и сообщения т. I, Санкт-Петербург, 2007, 185- 190.
- Тарланов, З. К., 1999: *Русские пословицы: синтаксис и поэтика*, Петрозаводск: издательство ПетрГУ.

- Ткаченко, О. В., 1979: *Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков*, Киев: Наукова думка.
- Тулина, Т.. А., 1979: ‘Типы предложений с тавтологией главных членов в русском языке’, *Исследования по современному русскому языку*, Москва, 241-256.
- Фразеология и синтаксис*, 1987: Л. К. Байрамова, С. Г. Васильева (ред.). Казань: издательство КГУ.
- Хорошавина, А. Г., 1995: *Сложные фразеологизированные конструкции с семантикой аргументированного несогласия в современном русском языке*, АКД, Казань.
- Циммерлинг, А. В., 2007: ‘Локативная инверсия в языках со свободным порядком слов’, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007»*, Москва: Издательский центр РГГУ, 542-549.
- Шаров, С. А., 2003: ‘Представительный корпус русского языка в контексте мирового опыта’, *Научно-техническая информация* 2:6, 9-18.
- Шаронов, В. Н., 1996: ‘Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания’, *Русистика сегодня*, 89-111.
- Шведова, Н. Ю., 1958: ‘О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строении русской разговорной речи’, *Вопросы языкоznания* 2, 93-100.
- Шведова, Н. Ю., 1960: *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*, Москва: Наука.
- Шеманаева, О. Ю., 2005: ‘Конструкции измерения уровня с предлогом ПО в русском языке’, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог’2005»*, Москва: Наука, 514-520.
- Шеманаева, О. Ю., 2006: ‘Точные и приблизительные оценки размеров предметов в русском языке’, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006»*, Москва, 567-572.
- Шеманаева, О. Ю., 2007: ‘Конструкции измерения уровня с предлогом по в русском языке’, *Научно-техническая информация* 2:4, 35-45.
- Шеманаева, О. Ю., 2008: ‘Конструкции размера в типологической перспективе’, *Ученые записки КГУ, Гуманитарные науки*, 150:2, 125-133.
- Шмелев, Д. Н., 2002 (1960): ‘О связанных синтаксических конструкциях в русском языке’, *Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку*, Москва: ЯСК, 411-438.
- Янко, Т. Е., 2001: Коммуникативные стратегии русской речи, Москва: ЯСК.
- Янко, Т. Е., 2007: ‘Актантная структура как фактор фразовой просодии. Три принципа выбора акцентоносителя коммуникативно релевантного акцента’, *Типология языка и теория грамматики*, Санкт-Петербург.
- Янко-Триницкая, И. А., 1967: ‘Синтаксические фразеологизмы с лексическими повторами’, *Русский язык в школе* 2, 87-93.

‘What a difference a verb makes! Russian and Finnish verbless sentences’

Collocations and Idioms 1: Papers from the First Nordic Conference on Syntactic Freezes, Joensuu: Joensuu University Press, 2007, pp. 177-192. (Studies in Languages, University of Joensuu, vol. 41).

Collocations and Idioms 1: Papers from the First Nordic Conference on Syntactic Freezes, Joensuu, May 19-20, 2006, ed. by Marja Nenonen and Sinikka Niemi, 177-192. Studies in Languages, University of Joensuu, vol. 41. Joensuu: Joensuu University Press 2007.

Mikhail Kopotev
University of Helsinki

What a difference a verb makes! Russian and Finnish verbless sentences¹

1. Introduction

Much has been written about compound lexical expressions with transformational restrictions on syntax (e.g. lexical idioms such as *He kicked the bucket* that do not allow passivization: **The bucket was kicked by him*) or restrictions on word combination (e.g. collocations such as *a serious illness*, not **a strong illness*). The present paper focuses on idiomatic expressions, which function as complete sentences. As such they belong to a separate class of linguistic phenomena alternately called *constructions* (Lakoff 1987), *formal idioms* (Kay and Fillmore 1999), or *syntactic phrasemes* (Mel'čuk 1995a). (1) and (2) are examples of such constructions in English, which have been extensively studied already:

- (1) The *What's X Doing Y?* constructions (*What am I doing reading the paper?* Kay and Fillmore 1999)
- (2) The *there* constructions (*There's Harry with his red hat on*; Lakoff 1987)

A plausible definition of *a syntactic phraseme* can be found in (Mel'čuk 1995a, 215, see also Mel'čuk 1995b):

“A syntactic phraseme is a surface-syntactic tree containing no full lexical nodes (its nodes are labeled with either lexemic variables or structural words) but possessing a specific signified, having as its signifier a specific syntactic construction, and a specific prosody, and featuring as well a specific syntactics.”

¹ The author thanks A. Nikunlassi, E. Penttilä, and participants of prof. A. Mustajoki's seminar, as well as the two anonymous reviewers for their comments on the drafts of the article.

By expanding this definition, the subject of the present paper can be described as complete, non-elliptical context-free verbless sentences that have variables and specific pragmatic or semantic features, and are non-compositional in their nature. Specifically this paper deals with three pairs of structurally similar Russian and Finnish sentences that are traced back to the absence of a verb. Although considerable morphological differences between the two languages are here ignored, these sentences are formed with the absence of the following verbs (3-5):

The copula *byt'/olla* ‘to be’

- (3) *Okno slomano – Ikkuna rikki* (lit. ‘The window **O**cop broken’)

The full-meaning verb *byt'/olla* ‘to be located/to have’

- (4) *Mama zdes’ – Äiti täällä* (lit. ‘Mother **O**be here’)

Some full-meaning verbs (*dat'/antaa* ‘to give’, *peremestit'(sja)/siirtää(siirtyä)* ‘to move (yourself)’, *podnjat'/nostaa* ‘to raise’, etc.)

- (5) *Ruki vverx! – Kädet ylös!* (lit. ‘**O**v hands up’)

Both the Russian and Finnish languages have sentences without finite verbs in their surface structures. This is the result of different types of ellipsis (gapping, pragmatic and syntactic ellipsis, and the like) that have, in general, strong contextual motivation (Hakulinen 1978). However, this paper does not deal with such phenomena – rather, it presents some other syntactic structures that are diachronically derived from full verbal sentences and can be used without strong contextual support in contemporary Russian and Finnish. Thus, the questions to be answered are:

- Which of these phenomena are identified as constructions, e.g. idiomatic syntactic units?
- What is the difference between Russian and Finnish, if any?
- Are there similar processes of idiomatization in the two languages which have caused the appearance of similar constructions?

2. Russian verbless sentences

2.1. The Russian Øcop sentences

The Russian language differs from other Indo-European languages in that it has a huge number of sentences without a finite verb form. Indeed, these sentences are usually considered a distinguishing feature of the Russian language and described inside out (see e.g. Širjaev 1967, Chvany 1975, Babby 1980, Švedova 1980, Niemensivu 1991, McShane 2000). The most typical and frequent of them are the **Øcop** sentences (6).²

- (6) *Okno slomano* (window.NOM **Øcop** broke.PCP.PASS.PAST) ‘The window [is] broken’

However, the Russian **Øcop** may be considered a part of the morphological paradigm of the copula, where it functions as the present tense form (cf. 7-9).

- (7) *Okno slomano* ‘The window **Øcop.PRAES** broken’
 (8) *Okno bylo slomano* ‘The window **was** broken’
 (9) *Okno budet slomano* ‘The window **will be** broken’

There are no Russian constructions with **Øcop** where Ø-features cannot be described in morphological terms. This means that there is no specific syntactic construction where the **Øcop** is applicable as an inherent part of it. It is freely used in all sentences that have the position of Cop.PRAES. In formulating the morphological rule, one can say that the standard expression of the Russian ‘Cop.PRAES’ is a zero and – in a few cases – *est’/sut’*³ (Apresjan 1995: 518-521). On the contrary, the usage of *est’/sut’* is highly restricted and depends on certain constructions (Cf. **Okno est’ slomano* ‘The window is broken’). In fact, some stylistic difference can be seen between (10) and (11), but the stylistic feature, nevertheless, does not belong to the Ø sentences. In other words, there are no syntactic restrictions on the usage of the **Øcop**.

- (10) *Sotsrealizm – umenie hvalit’ nachal’stvo v dostupnoj dlya nego forme*
 ‘The Socialist realism **Øcop** a way to praise authorities in a manner they can understand’

² **Øcop** sentences are the most frequent type of VP-lacking structures in many languages all over the world (see Stassen 1994).

³ The form *sut’* is diachronically ‘be.PRAES.PL.P3’, but it is now a stylistic variant of *est’* ‘be.PRAES’, unmarked both by number and person.

- (11) *Sotsrealizm est' umenie hvalit' nachal'stvu v dostupnoj dlya nego forme*
 ‘The Socialist realism is a way to praise authorities in a manner they can understand’

2.2. The Russian Øbe sentences

A second frequently used group of Russian verbless sentences are those lacking the verb *быть* ‘to be’ in its full lexical meaning. They have the following features:

- They are highly frequent in all types of discourse without any pragmatic restrictions.
- They can be considered a part of the morphological paradigm of the verb *BE*, cf.:

- (12) *Mama zdes'* ‘Mother Øbe.PRAES here’
 (13) *Mama byla zdes'* ‘Mother was here’
 (14) *Mama budet zdes'* ‘Mother will be here’

But in contrast to the Øcop, Øbe cannot be counted only as a morphological form because a certain meaning is connected to the constructions with Øbe that differs them from “full” analogues and the reconstruction of the *BE* verb is often impossible. According to their semantics, they can be sorted out into several primary types, which are described below.

The type ‘inalienable or actual possession’

- (15) *U nego temnye volosy* (at he.GEN Øbe dark.NOM hair.NOM) ‘He [has] dark hair’

Structure:	PP (U+N/PRO.GEN) + NP (N.NOM)
Meaning:	Inalienable or actual possession
Pragmatics:	— ⁴

There are several semantic kinds of inalienable or actual possession; all of them can be expressed with this sentence type:

⁴ This denotes that the construction has no special pragmatic restrictions.

- an actual possession (*U nego/mal'čika novyj galstuk* ‘He/The boy [has] a new tie on’)
- a part of a body (*U nego/mal'čika temnye volosy* ‘He/The boy [has] dark hair’);
- a mental characteristic (*U nego/mal'čika horošaja pamjat'* ‘He/The boy [has] a good memory’);
- an emotional experience (*U nego/mal'čika gore* ‘He/The boy [is] in mourning’); and
- a corporal defect, affliction (*U nego/mal'čika gripp* ‘He/The boy [has] influenza’).

In fact, the Russian language draws a fine distinction between constructions with and without *BE* (16-17), but there is no room to discuss this here (see Arutjunova 1976, Chvany 1985). Cf.:

- (16) *U nego novyj galstuk* ‘He has a new tie on’
 (17) *U nego est' novyj galstuk* ‘He has got a new tie’

The type ‘localization of the subject’

- (18) *Stul u stola* (chair.NOM Øbe at table.GEN) ‘The chair [is located] near the table’

Structure:	NP (N.NOM) + AdvP/PP (with the meaning of ‘place’)
Meaning:	Localization of a subject (‘Where is X?’)
Pragmatics:	—

This type seems to be less idiomatic and has no verbal counterpart (19):

- (19) **Stul est' u stola* (chair.NOM be.PRAES at table.GEN)

The type ‘determination of the subject’

- (20) *U stola stul* (at table.GEN Øbe chair.NOM) ‘There [is] a chair at the table’

Structure:	AdvP/PP (having the meaning of ‘place’) + NP (N.NOM)
Meaning:	Determination of a subject (‘What is in a specified place?’)
Pragmatics:	—

In addition to **Obe**, another distinguishing feature of this type is connected with the communication status of the NP. Roughly speaking, the element N.NOM (or its daughter) must be in the communicative focus and the clause as a whole describes the localization of an object in a particular place. Once again, some semantic differences between verbal/verbless sentences are not discussed here (cf. 21-22).

- (21) *U stola stul* ‘There [is] a chair at the table’
- (22) *U stola est' stul* ‘There is.EMPHASIS a chair at the table’

2.3. The Russian **Ov** sentences

The constructions of this type are mostly used in colloquial speech and have – unlike the previous two – no morphological paradigm.

Structure:	NP + NP/AdvP/PP ('direction')
Meaning	‘movement’
Pragmatics:	Colloquial speech

A typical manifestation at the right periphery of the sentence is a NP (with the dative case), a PP or an AdvP with directive meaning. Primarily, it has a meaning of ‘physical direction’ (23):

- (23) *Ja v les* (I.NOM **Ov** to forest.ACC) ‘I [am going] into the forest’

However, it can be used metaphorically, as a *conduit metaphor* (24):

- (24) *Ja emu v otvet* (I.NOM **Ov** he.DAT in response) ‘I [spoke] to him in response’

It can also be used metonymically: moving (part of) the body (25):

- (25) *Ja emu po licu* (I.NOM **Ov** he.DAT to face.DAT) ‘I [slapped] his face’⁵

⁵ An interesting and undiscussed matter is the question of the semantic tense in the constructions under consideration. They are separated onto two groups which are best translated into English using different tense forms.

Thus, three types of Russian verbless sentences are generated by different mechanisms, building on different levels of language structure.

- The **Øcop** sentences in modern Russian are not idiomatic. They have neither syntactic constraints nor semantic non-compositionality. **Øcop** is a pragmatically neutral morphological zero form. Rather, the nonzero manifestation of the copula has some pragmatic features.
- **Øbe** is a marker of several types of constructions. They are pragmatically neutral but semantically non-compositional. **Øbe** constructions should be defined as formal idioms with semantic constraints.
- **Øv** is a marker of both pragmatic and semantic phrasemes. **Øv** constructions are formal idioms with pragmatic and semantic constraints.

3. Finnish verbless sentences⁶

First of all, it must be pointed out that Finnish expressions can be described in quite a different way. Unlike Russian, all three types of Finnish verbless sentences have a closer connection to their full verbal representation and have stronger restrictions on their usage. The corresponding verbal sentences (including those with present tense) are possible in nearly all circumstances (except in some cases validly specified in the comments). In almost all cases, the absence of a verb form is possible in a frame that can be called the *motivation frame*, which means that the main goal of the speaker is to motivate the listener to do (or not to do) something. This frame causes several types of usage with slight differences between them (announcements, ads, orders etc.) (26-28). The details are discussed below.

- (26) *Läpikulku kielletty* ‘Passage Øcop forbidden’
 (27) *Uutuudet myymälöissä* ‘New stock Øbe in the shops’
 (28) *Kädet ylös* ‘Øv hands up’

⁶ The following constructions are beyond the scope of my attention here: 1) a “status construction,” or “nominativus/partitivus absolutus,” for example, *Me kuuntelimme laulua korvat hörössä*; ‘We were listening to a song, ears [are cocking] up’ (see more Ikola 1970: 50, Hakulinen et al. 2004: 837-838); 2) “telephrases” phrases such as *sairastunut* ‘[I am] fallen + ill’ (Tesak, Ahlsén, Györi, Koivuselkä-Sallinen, Niemi, and Tonelli 1995); and 3) newspaper headlines such as *Martti Ahtisaari Moskovassa* ‘Martti Ahtisaari [is] in Moscow’ (Hakulinen et al. 2004: 840). The last ones are, actually, close in form to the constructions in question, but all the types are, nevertheless, outside of the structures listed here as it is unclear whether they are complete sentences.

3.1. The Finnish Øcop sentences

Several constructions can be noted where the absence of the copula is a standard practice in Finnish. The most frequently used types are in use in written (rather official) announcements,⁷ ads and the like (29).

- (29) *Ikkuna rikki* (window.NOM Øcop broken.ADV) ‘The window [is] broken’,

Structure:	NP + Participle/ Predicative Adv
Meaning:	A noun ('artifact or action') having a feature caused by somebody's activities
Pragmatics:	Written (rather official) announcements

It is common knowledge that there are no morphological animate/inanimate markers in Finnish. However, a variable N in the NP is usually a noun designating an inanimate object, most commonly a verbal noun (30) or an artifact (31). Use of nouns that denote a living creature or its body part is more restricted (32). However, in general, the list of variables is being extended.

- (30) *Läpikulku kielletty* (passage.NOM Øcop forbidden.PCP)
 ‘The passage Øcop forbidden’
 (31) *Johto poikki* (wire.NOM Øcop broken.ADV) ‘The wire [is] broken’
 (32) *Käsi poikki* (hand.NOM Øcop broken.ADV) ‘The hand [is] broken’

Another constraint is that qualitative adjectives (such as *red*, *interesting*, etc.) are not allowed in this construction (33), while predicative adverbs go well (34). Cf.:

- (33) **Ikkuna rikkinäinen* (window.NOM Øcop broken.ADJ.NOM)
 (34) *Ikkuna rikki* (window.NOM Øcop broken.ADV) ‘The window [is] broken’⁸

⁷ I cannot help citing a fragment from a Finnish novel where a girl reflects upon a posted notice that she sees for the first time.

Koirien ulkoilutus piha-alueella ehdottomasti kielletty ‘Walking dogs [is] absolutely forbidden in the yard.’ [She thinks about the official coldness of the sign and proposes a warmer alternative, where, among other changes, a verb plays its role.]: *Hyvä koiranomistaja: etähän ulkoiluta lemmikkiäsi lasten leikkipaikalla, kiitos!* ‘Dear dog owner! Do not walk your pet on the kids’ playing ground. Thank you!’ (Meripaasi 2002: 6-7).

⁸ In general, the whole class of the Finnish *puhki*-type predicative adverbs (such as *puhki* ‘[wear] away, out’, *poikki* ‘in two’ etc. (Hakulinen *et al.* 2004: 931-932)) can be used in the sentences of that type.

The last constraint lies in the pragmatic area. It restricts the uses of the construction to announcements only. Accordingly, it cannot be used in indirect speech as an embedded clause (35).

- (35) **Hän sanoi, että tuolla läpikulku kielletty* *'he/she.NOM say.PAST.P3 that there passage.NOM **Øcop** forbidden.PCP'

3.2 The Finnish **Øbe** sentences⁹

The type of ‘location of an object’

- (36) *Uutuudet myymälöissä* (novelty.PL.NOM **Øbe** shop.PL.INE) ‘New stock [is] in the shops’

Structure:	NP.NOM + AdvP/PP ('place')
Meaning:	Location of an object and indirect motivation ('Where is something that you may need?')
Pragmatics:	Advertisements and announcements

The meaning of these constructions may change depending on the pragmatic context. Of course, the direct meaning of the sentence is about the location of the NP’s referent. But at the same time, an advertisement motivates a consumer to make a purchase, and if the sentence is used to motivate rather than to inform, that motivation is then also a part of the meaning of the construction.

The type of ‘location of a person’

- (37) *Äiti tässä* (mother.NOM **Øbe** here.ADV) ‘Mother [is] here’

This type has two variants that differ in question/declarative modes only.

Structure:	NP (N/WH-words) + AdvP/PP ('place')
Meaning:	Location of a person ('Where is somebody?')
Pragmatics:	Dialogue (usually one-to-one communication)

⁹ Actually, the **Øcop** and **Øbe** types are not strongly separated. A sentence like *Vahtimestari sairaslomalla* ‘The janitor [is] on the sick list’ can be placed among both types.

The following examples show that inanimate nouns (38) and non-locative modifiers (39) sound less natural but are possible at least in some fixed expressions (40). The only reason for this is that they come into conflict with the meaning of the constructions.

- (38) *? Kirja pöydällä* (book.NOM Øbe table.ADE)
- (39) *? Minä kunnossa* (I.NOM Øbe OK.ADV)
- (40) *Lääkäri tavattavissa* (doctor.NOM Øbe available.ADV) ‘The doctor [is] available’

One more feature that can be described follows from the pragmatic specifications: the default interpretation demands a first-person meaning regardless of whether the NP constitutes a first person or not (41).

- (41) *Äiti tässä* (mother.NOM Øbe here.ADV) means ‘I [am] here’

The pragmatic feature constitutes the restriction on using these sentences (at least prosodically unmarked) in indirect speech, e.g. as embedded clauses (42).

- (42) **Hän sanoi, että äiti tässä.* (*he/she.NOM say.PAST.P3 that mother.NOM Øbe here.ADV)

However, it is possible to use direct speech in the guise of indirect speech as in (43), where there are both markers of indirectness (*että ‘that’*) and of directness (*minä ‘I’*).

- (43) *Hän sanoi, että ”minä tässä”.* (*he/she.NOM say.PAST.P3 that I.PRO.1.SG Øbe here.ADV)

The type ‘astonished establishment of a fact’

- (44) *Komeat kengät sinulla* (nice.NOM.PL shoe.NOM.PL you.ADE) ‘You [have] nice shoes’

Structure:	NP ₁ (Adj + N.NOM) + AdvP/NP ₂ (N.AD)
Meaning:	‘I know that someone has something special’
Pragmatics:	Dialogue (usually one-to-one communication)

The main features of this type are connected with the communication status of their elements. Roughly speaking, the element Adj in the NP₁ must be in the communicative focus, and the clause describes the special feature of an object. Again, the semantic difference between verbal/verbless sentences is not discussed here (Hakulinen *et al.* 2004, 840-841).

- (45) *Komeat kengät sinulla* ‘You [have] nice.EMPHASIS shoes’
- (46) *Komeat kengät on sinulla(kin)* ‘You (also) have nice shoes’

3.3. The Finnish Øv sentences

Finnish directive constructions have been described in Hakulinen *et al.* (2004: 839-840, 1582-1584) where they are divided into at least two different types.

The type of ‘direct motivation’

- (47) *Kädet ylös!* (hand.NOM.PL Øv up.ADV) ‘Øv hands up!'

Structure:	NP ₁ + AdvP/NP ₂ ('Direction')
Meaning:	Motivation of a person to act instantly
Pragmatics:	Commands and orders

This type of the Finnish directive construction is frequently used with nouns that designate parts of the human body, including clothes (48-49), but the use of this construction is not restricted to these nouns (50-51). Simultaneously, some expressions (50-51, 52) occupy a place between syntactic idiomatic units with a list of lexical variables and non-variable fixed expressions. Therefore, they can be treated as lexical units as well.

- (48) *Pullot piiloon* (bottles.NOM.PL Øv hiding-place.ILL)
‘Move bottles to the hiding-place’
- (49) *Housut pois* (trousers.NOM Øv.PL off.ADV) ‘Take the trousers off!’
- (50) *Ovi kiinni* (door.NOM.SG Øv up.ADV) ‘Close the door up!’
- (51) *Valot pois* (light.NOM.PL Øv off.ADV) ‘Switch the light off!’
- (52) *Vitsa sulle, palkka mulle* (twig.NOM Øv you.ALL, money.NOM Øv I.ALL)
‘A twig [is given] to you, money [is given] to me’ (from an Easter song).

Yet it can be presumed that a list of words that fill the lexical variables (both in the NP₁ and NP₂) can (and will) be extended so far that a new syntactic model with a wider filler of lexical variables may be developed in the future, and the situation is gradually changing. Thus, some rare instances can be found with the shifted meaning ('to move' → 'to take') in the email discourse as well, but with stronger pragmatic support (53).

- (53) *Pipot ja käsineet matkaan* (cap.NOM.PL and glove.NOM.PL Øv trip.ILL)
 'Caps and gloves [are to be taken] along'

The type of 'indirect motivation'

- (54) *Kaikki Citymarkettiin!* (All Øv shop.ILL) 'Everyone Øv to Citymarket'

Structure:	NP + NP ('Direction')
Meaning:	Indirect motivation
Pragmatics:	Advertisements and announcements.

Semantically this type seems to be very close to the 3.2.1 type, as both have the same pragmatic features and function caused by it. In practice, they are used interchangeably.

Thus, a large group of Finnish verbless sentences appears in similar pragmatic situations. In general, almost all of the sentences can be used without a verb within the frame of motivation in order to motivate a person for an action. Still, the absence of verbs is caused by some other factors as well.

- **Øcop** sentences in modern Finnish are either pragmatic (within the abovementioned frame) or semantic idiomatic constructions.
- **Øbe** is a marker of either pragmatic (partly within the abovementioned frame) or pragmatic and semantic idiomatic constructions.
- **Øv** is used either in pragmatic (within the abovementioned frame) or pragmatic and semantic idiomatic constructions.

4. Conclusion

As has been shown, three types of *Ø* sentences have similar formal properties both in Finnish and in Russian, namely **Øcop**, **Øbe**, and **Øv** phrases. Moreover, all three types originate in “full” verbal sentences in both languages, but should be defined as non-elliptical in modern language. However, the similarity of the surface structure does not lead either to similar usage or to identical processes of idiomatization. Table 1 illustrates this conclusion with a generalized view.

	Semantic features	Pragmatic features
The Russian Øcop sentences	–	–
The Russian Øbe sentences	+	–
The Russian Øv sentences	+	+
The Finnish Øcop sentences	+	+
The Finnish Øbe sentences	+	+
The Finnish Øv sentences	+	+

Table 1. Features of *Øcop*, *Øbe*, and *Øv* phrases in Russian and Finnish.

Already these summarized data show that the Russian verbless sentences are more free than the Finnish ones, right up to the non-idiomatic zero form of the **Øcop**. However, the difference between the Russian and the Finnish sentences can be traced back to the history of these constructions. The Russian verbless items appear to be the result of a prolonged and consecutive development from **Øcop** to **Øv** sentences (Borkovskij 1968, Borkovskij 1983, Kopotev 1999). As far as I could establish, the Finnish constructions have not been studied from a historical point of view so far. They might, however, be looked at in a quite different way, whereby almost every clause without a verb may be placed under the frame “motivation.” Clearly, the question has to be studied further and in more detail. However, already now it is possible to postulate the essential distinctions between the Russian and the Finnish verbless sentences. Roughly these distinctions can be described as different degrees of syntactic frozenness ranging from syntactically free sentences (Russian **Øcop** sentences) to more restricted constructions with words that fill lexical variables (Finnish and Russian **Øv** constructions).

Despite this clear-cut distinction, the described material allows formulating more general principles concerning syntactic idiomatization as a whole. M. Israel came up with the following idea:

“There is no single moment we can point to and say, “This is where the construction entered the grammar.” Rather, a long process of local analogical extensions led a variety of idiomatic usages to gradually gain in productive strength even as they settled into a rigid syntax.” (Israel 1996: 228.)

That seems to be true, except that this process happens on the level of syntax only. An initial fixed expression that function as a unit of lexicon may be extended to an idiomatic syntactic item (by means of an extending list of lexical variables, as it occurs with the Finnish idioms *Kädet ylös* ‘hands up’, for example) or may even be developed into an element of a morphological repertory (the Russian *Øcop*)¹⁰. Certainly, it does not mean that every fixed expression extends to a morpheme – many structures are located on different levels of this process without any changes. With all of this going on, any strong separation of idiomatic expressions is mainly a matter of a theory, not the reality.

Another crucial factor of the syntactic idiomatization process is an ill-formedness of the surface structure. Thus, the peripherality, in terms of generative rules, of the elliptical sentences was the very reason for their having been coined as separate units. Generally speaking, an ill-formed surface structure (such as with an ellipsis) may be as far from the prototypical manifestation of a deep structure as another surface unit generated by means of another set of rules. In certain circumstances the process leads to the appearance of new phrasemes in the dictionary that can later be generalized as a new rule in the grammar.

By summarizing all these observations, the following principles of idiomatization can be postulated:

- *The principle of language continuum:* A fixed expression that appears as a fact of lexicon develops into a syntactic model by means of an extending list of lexical variable fillers and may, in all probability, be developed into a subject of generative rules.

¹⁰ An excellent example of the same nature is an old F. Bopp theory of agglutination that claims some IE verbal flexions originated from the “verb + pronoun” constructions (Bopp 1816).

- *The principle of peripherality:* A less prototypical realization of a deep structure can be coined into an idiom; the more frequent and invariable an idiom is, the more lexical it is; the more infrequent and variable, the more syntactic it is.

This list is neither complete nor indisputable. It adds, nevertheless, a new dimension to the investigation of syntactic freezes.

Bibliography

- Apresjan, Jury D. 1995. Leksikografičeskie portrety (na primere glagola BYT').
Selected works. Vol. 2., 503-537. Moscow: SCL.
- Arutjunova, Nina D. 1976. *Predloženie i ego smysl.* Moscow: Nauka.
- Babby, Leonard. 1980. *Existential sentences and negation in Russian.* Ann Arbor, Michigan: Karoma Publishers.
- Bopp, Franz. 1816. *Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprachen.* Frankfurt am Main: Adreä.
- Borkovskij, Viktor I. 1968. *Sravnitel'no-istoričeskij sintaksis vostočnoslavjanskikh jazykov. Tipy prostogo predloženija.* Moscow: Nauka.
- Borkovskij, Viktor I. (ed.) 1983. *Struktura predloženija v istorii vostočnoslavjanskikh jazykov.* Moscow: Nauka.
- Chvany, Catherine. 1975. *On the syntax of BE-sentences in Russian.* Cambridge Mass: Slavica Publishers.
- Hakulinen, Auli. 1978. Nollien syntaksia. *Rakenteita. Juhlakirja Osmo Ikolan 60-vuotispäiväksi 6.2.1978*, ed. by Alho Altoniemi, Jussi Kallio, Mauno Koski, Päivi Rintala, and Kalevi Wiik, 233-253. Turku: Department of Finnish and General Linguistics, University of Turku.
- Hakulinen, Auli, Maria Vilkuna, Riitta Korhonen, Vesa Koivisto, Tarja-Riitta Heinonen, and Irja Alho. 2004. *Iso suomen kielioffi.* Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Ikola, Osmo. 1970. Kieltoverbin ellipsistä. *Virittäjä* 74.193-196.
- Israel, Michael. 1996. The way constructions grow. *Conceptual structure, discourse and language*, ed. by Adele Goldberg, 217-230. Stanford.
- Kay, Paul, and Charles Fillmore. 1999. Grammatical constructions and linguistic generalizations: the *What's X Doing Y?* construction. *Language* 75.1-33.
- Kopotev, Mikhail. 1999. Bezglagol'nye predloženija v istorii russkogo jazyka. Lic. thesis. Saint-Petersburg (manuscript).

- Lakoff, George. 1987. *Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind.* Chicago: University of Chicago Press.
- McShane, Marjorie J. 2000. Verbal ellipsis in Russian, Polish and Czech. *Slavic and East European Journal*. 44.195-233.
- Mel'čuk, Igor A. 1995a. Phrasemes in language and phraseology in linguistics. *Idioms. Structural and psychological perspectives*, ed. by Martin Everaert, Erik-Jan van der Linden, André Schenk, and Rob Schreuder, 167-232. Hillsdale, New Jersey, Hove: Lawrence Erlbaum.
- Mel'čuk, Igor. A. 1995b. Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne. *Russkij jazyk v modeli 'Smysl - tekst'*. Vienna/Moscow: SCL. 325-346.
- Meripaasi, Helena. 2002. *Enkelikoira*. Helsinki: Otava.
- Niemensivu, Helena. 1991. Suomen olla-verbin vastineista venäjässä. *Aspekti*. 2.74-84.
- Stassen, Leon. 1994. Typology versus mythology: the case of the Zero-Copula. *Nordic Journal of Linguistics*, 17.105-126.
- Svedova, Natalia Ju. (ed.) 1980. *Russkaja grammatika*. Vol. I-II. Moscow: Nauka.
- Širjaev, Evgeny N. 1967. *Nulevye glagoly kak členy paradigmatičeskikh i sintagmatičeskikh otноšenij*. Moscow: Nauka.
- Tesak, Jürgen, Elisabeth Ahlsén, Gábor Györi, Päivi Koivuselkä-Sallinen, Jussi Niemi, and Livia Tonelli. 1995. Patterns of ellipsis in telephese: a study of six languages. *Folia Linguistica*, 29.297-316.

‘Where Russian syntactic zeros start: approaching Finnish?’
Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North, Helsinki: Yliopistopaino, 2007, pp. 116-137.
(Slavica Helsingiensia, vol. 32).

Mikhail Kopotev
(Helsinki)

Where Russian Syntactic Zeros Start: Approaching Finnish?¹

0. Introduction

One of the time-honored discussions in Russian-Finnish comparative studies centers on Russian verbless sentences that are so widely known as a distinguishing feature of modern Russian. The Finno-Ugric languages have been repeatedly claimed as a source for Russian and vice versa. Most investigations were restricted to clauses that have a copula left out. The present article continues this discussion by offering new data on this topic and by suggesting new explanations.

A previous paper of mine on this topic (Kopotev 2007) described three types of Russian and Finnish sentences that share the fact that they have no verbs in their surface structures. This study showed that these sentences are complete, non-elliptical verbless sentences, having lexemic variables and specific pragmatic or semantic features. Furthermore, most of these sentences are idiomatic, which means that their meanings are non-compositional in nature². Undoubtedly, all these are diachronically traced

¹ The author deeply thanks M. Leinonen, M. Lounela and A. Nikunlassi, as well as the Nordslav mailing list's subscribers, and the participants of Prof. A. Mustajoki's seminar for all their help.

² The definitions of idiomatic syntactic items, alternately called *constructions* (Lakoff 1987), *formal idioms* (Kay & Fillmore 1999), or *syntactic phrasemes* (Mel'čuk 1995a) is found, for example, in (Mel'čuk 1995a) “A syntactic phraseme is a surface-syntactic tree containing no full lexical nodes (its nodes are labeled with either lexemic variables or structural words) but possessing a specific signified, having as its signifier a specific syntactic construction, and a specific prosody, and featuring as well a specific syntax” (Mel'čuk 1995a: 215; see also Mel'čuk 1995b). Hereafter I use the term “phraseme” in the article.

back to the lack of a verb. Nevertheless they cannot be considered as being elliptical (i.e. verb-restorable) in modern Finnish and Russian³. Ignoring considerable morphological differences between the two languages, these sentences are formed with the absence of the following verbs:

The copula *byt’/olla* ‘to be’

(1) *Окно сломано – Ikkuna rikki* (lit. ‘The window Øcop broken’)

The lexical verb *byt’/olla* ‘to be located/to have’

(2) *Мама здесь – Äiti tässä* (lit. ‘Mother Øbe here’)

Some lexical verbs (verbs of motion (prototypically) and their semantic extensions: *peremestit’(sja)/siirtää(siirtyä)* ‘to move (yourself)’, *dat’/antaa* ‘to give’, etc.)

(3) *Руки вверх! – Kädet ylös!* (lit. ‘Øv hands up’)⁴

Russian and Finnish constructions have essential distinctions that can be roughly described as being different degrees of syntactic idiomacity: from non-idiomatic (Russian Øcop-sentenses) to the expressions that are more restricted to words that fill lexemic variables (Finnish and Russian Øv-sentences).

The Finnish verbless sentences are more idiomatic items; they have semantic and pragmatic restrictions. In almost all cases, the absence of a verb is possible in a frame that has been called the “Motivation Frame”. This means that the main goal of the speaker is to motivate the listener to do (or not to do) something. This frame causes several types of usage with slight differences between them (announcements, ads, orders etc.). Cf. 4–6.

(4) *Ikkuna rikki* ‘Window Øcop broken’ (written, rather official, announcements)

(5) *Uutuudet myymälöissä* ‘New stock Øbe in the shops’ (advertisements)

(6) *Housut pois* ‘trousers Øv off’ (commands and orders)

³ Both Russian and Finnish languages have sentences without finite verbs in their surface structure that are the result of different types of ellipsis (gapping, pragmatic and syntactic ellipsis, etc.). These sentences have, in general, strong contextual motivation (see further Hakulinen 1978, Mel’čuk 1995c, Kazenin 2007). Even so, the present paper does not deal with such syntactic phenomena – rather, it is devoted to syntactic structures that can be used without strong contextual support in contemporary Russian and Finnish.

⁴ Hereafter Øcop, Øbe, and Øv mean the zero of the copula, of the lexical verb ‘to be’, and of other lexical verbs, respectively.

The Russian verbless sentences are more free than the Finnish ones; the Russian constrictions have a smaller list of the semantic constraints and a wider list of pragmatic conditions. Examples of this are the following:

- (7) *Проход запрещен* ‘passage Ø cop forbidden’
- (8) *Новинки в магазинах* ‘New stock Ø be in the shops’
- (9) *Татьяна – в лес* ‘Tatyana Øv to the forest’ (colloquial speech).

All this has been formulated in Kopotev (2007). Some of the remaining unanswered questions are being discussed here:

- Are there any similar diachronic processes being reconstructed from both sets of facts in the two languages?
- Should the verbless sentences in both languages be explained in terms of their interference or typological similarity?

In the following, the linguistic data are presented in the original orthography, with some simplifications but without loss of relevant information. The English translations are self-explanatory, and some of them are partly literal. In extended citations, the relevant clauses are highlighted in bold; the titles and dates are given in brackets afterwards. The article begins by describing the history of the constructions, as traced in both languages. To conclude, the semantic as well as the cognitive arguments are presented in the second part of this paper.

1. The history of the constructions

1.2 The Russian case⁵

Verbless sentences are a syntactic feature of several Slavic languages (Večerka 1989; Mrazek 1990; McShane 2000) and among these languages, Russian occupies a special place because many of these units occur in modern Russian communication that is both written and oral (Širjaev 1967; Bezdenežnyx 1972). According to some studies, ample evidence shows that

⁵ The *mononuclear sentences* (*односоставные предложения*), consisting of a subject or predicate alone, such as *Холодно* ‘It’s cold’, are beyond the scope of my attention here.

this development occurred long time ago; see (Borkovskij 1949; Isačenko 1976; L'Hermitte 1979; Kopotev 1999).

1.2.1 The Øcop-sentences

The usage of the copula in the early Old-Russian language was, all-in-all, close to many modern IE languages. The copula had the following two main functions:

- in copulative constructions as in Eng. *The book is interesting.*
- in analytical tense forms (perfect and pluperfect) close to, for example, the English perfect tense, save that English analytical forms are formed with the verb *to have* (*have written*), while the Old-Russian ones are formed with the verb *to be* (*есмъ писалъ* '[I] is 'have' written').

It has been long established that the copula was dropping out as early as in the oldest sources⁶. The first evidence for this was found in a Novgorodian birch-bark letter dating back to the first half of the eleventh century (10):

- (10) а замъке Øcop къле а двьри Øcop кълъ (birch-bark letter № 247, XI cent.)
 ‘And the lock [is] intact and the doors [are] intact’

The same process characterizes the Old-Russian perfect tense. The original, common Slavic perfect was formed with a copula and with what is called *l-participles*⁷. These forms were represented as such a close parallel to the compound predicate, formed with the copula and adjective in example (10). Example (11) illustrates this point:

Се повѣсти времѧнъхъ лѣт · откуду есть пошла руская земля · кто въ киевѣ нача первѣє кнажити · и откуду руская земля стала есть. (Tale of Bygone Years, The Laurentian codex, 1377)

⁶ The Old-Russian sources (more than 1,200 pieces (including ca. 1000 birch-bark letters) have been investigated mainly *de visu*; in the last stage some electronic corpora were used as well.

⁷ The *l*-participles were derived with the *l*-suffix. Their indeclinable short forms were used in the Old-Russian analytical verbal forms. Later, they have formed the Russian simple past tense.

'These [are] the tales of the bygone years, whence has come the land of Rus', who first began to rule at Kiev, and whence the land of Rus' has come about'

However, the reduced perfect tense forms appeared very early. That is, for example, the Tmutarakan Stone – a marble slab with an Old Russian inscription dating from 1068, where the analytical perfect tense [*есть*] *мерилъ* ‘has measured’ had been used with no *est*’ ‘COP.3.SING’.

(11) Въ лѣто 7576 индикта 6 Глѣбъ князь **Ø**соп мѣриль море по леду отъ тьмутараканя до кърчева 10000 и 4000 сяженъ (Tmutarakan Stone, 1068)

‘In the year of 7576, 6th indict, Prince Gleb [has] measured the sea over the ice between Tmutarakan and Kerch, [obtaining the result of] 10,000 and 4,000 sazhens’

In general, this lack of copula had already been discovered in the oldest sources. Since then, the Øcop-constructions have been widely spreading in the Old Russian language. In fact, a complicated set of rules with morphological, pragmatic and semantic parameters regulated the copulative/uncopulative usage in the Old Russian texts (Zaliznjak 2004: 178–183). In general, the dropping of the copula has become the first and crucial sign of long-term changes leading to a complete rebuilding of the Russian verbal morphology and to the appearance of new syntactic models.

1.2.2 The Øbe-sentences

Among the first of new constructions caused by the copula dropping were those with the lack of the lexical verb ‘to be’.⁸

The oldest sources – the earlier birch-bark letters – demonstrate a regular usage of the full verb ‘to be’ (12–13):

(12) <...> [к]ланлю ти сѧ а **есть** **можъ** съ нимъ <...>
(Novgorodian birch-bark letter № 296, the end of the 12th cent.)

⁸ In this article I do not address the complicated question of the Russian copula/verb distinction (see Chvany 1975; Apresjan 1995). Whatever the case may be, according to my sources, there are unambiguous distinctions in frequency and chronology of the Øcop- and Øbe-sentences.

‘ [I] ask you, **if there is a man**, then with him [send the money]’

- (13) <...> занода оу насо коупля **есте** беле <...> (Pskovian birch-bark letter № 6, 13th cent.)
 <...> because there is a rush for squirrel fur <...>

As for the Øbe-sentences, they were gradually becoming more frequent until they became established as a regular model in the Russian language (14, 15):

- (14) Суд ему **Øbe** в Новъгородѣ въ Великом или Торжку (a contract charter, 14th cent.).
 ‘There [is] a court for him in Novgorod the Great or in Torzhok’
 (15) Лѣтъ кормъ **Øbe** на полѣ (Domostroj, 16th cent.)
 ‘There [is] a fodder on a field in summer’

According to my own investigation, these elliptical sentences having been spreading widely in Old Russian, and they became a regular unit of the old-Russian syntactic repertory by the 14th century. These elliptical sentences forced out, if not replacing, the corresponding verbal sentences. It is hardly possible to say when exactly these entered the grammar, but they already had been used more frequently than their corresponding verbal counterparts in the Old Russian texts since the 16th century.

1.2.3 The Øv-sentences

The third type of the constructions in question – the Øv-sentences – were the last that started spreading in the Old-Russian and modern Russian languages (Borkovskij 1949; Struktura predloženija 1983; Kopotev 1999). The situation is not equally clear to those with the Øcop and Øbe sentences, because a much wider list of verbs was included in this process. Primarily, they were those verbs having the meaning of ‘motion’ and later, their semantic extensions.

One of the oldest examples has been found in a 14th century Novgorodian agreement, where a lack of the verb ‘to go’ may be established (16):

- (16) то все Øв къ Новугороду бес кунъ. (1307/1308, quoted from (Borkovskij 1949: 119))
 That all [go] to Novgorod without martens (=‘taxes’)

In any case, even if the earliest Old Russian sources contain some instances of these Øv-sentences, a drastic change in their usage has been traced to the 14th – the 15th century. Indeed, their relative quantity has been redoubled during that period and has remained more or less invariable since then.

It is significant that one of the first clear appearances of the øv-sentences has been found in the *Journey Beyond the Three Seas* (“Хоždenie za tri morja”). This text of a merchant, Afanasy Nikitin, was written during his journey to India in a highly colloquial language:

- (17) Все товаръ бѣлой Øв на бесерменьскую землю (A. Nikitin, Journey Beyond the Three Seas, 15th cent.).
 All toll-free goods [go] to the Muslim land.

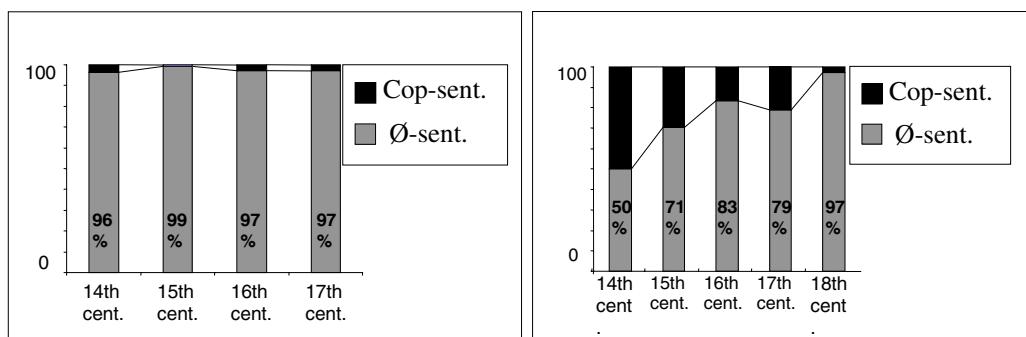
Speaking in general, the expansion of the initially elliptical sentences did not develop evenly through the whole language; first they appeared in informal genres and then gradually occupied other pragmatic zones. Diagrams 1–2 clearly illustrate this point. These diagrams present the late Old-Russian – early Russian language, separated into informal genres (on the left) and more formal genres (on the right). The columns compare the percentage each sentence contributes to a total across the corresponding non-elliptical and the Ø- sentences such as in (18–18a):

- (18) дѣвири Øсоп кѣлѣ ‘doors Øсоп intact’
 (18a) дѣвири есть кѣлѣ ‘doors are intact’

Thus, the left diagram shows that the choice between corresponding counterparts was undoubtedly favored over the Ø-constructions: they were in use notably much more frequently than were the corresponding “full” constructions. On the other hand, the diagram on the right shows that in more official texts, the Ø-sentences have won the race later, so they became equal in number (97 %) with those in the colloquial genres only in the early modern Russian language of 18th century⁹.

⁹ One can see an increase of verbal counterparts up to 21 % in the 17th century. As it often happens with raw language material, a general tendency can be overlapped by a

Diagram 1–2: Ratio of corresponding non-elliptical and Ø-sentences

To conclude, the history of the Russian verbless sentences can be described as a consecutive development of the *Øcop-*, *Øbe-*, and *Øv*-sentences. The real Old Russian data presented above demonstrates this point.

Moreover, one can describe the consistency of the process. The first in this way were the sentences that lost the copula. It is noteworthy that these sentences are non-idiomatic in the current language (Bezdenežnyx 1972; Chvany, 1975). The second step has been made by the homonymic verb ‘*to be*’ in its full meaning. It was too easy to mix the two verbs, or two meanings of the same verb. Even for a qualified linguist, let alone a naive speaker, ‘the borders between different meanings [of *be* – MK] are so vague, that a lexicographer is awaited with a snare at every step’ (Apresjan 1995: 511). As for the modern language, these sentences are in general non-idiomatic. The third type of the verbless sentences began developing last and has continued to be more idiomatic in the modern language (Širjaev 1967). Moreover, this chronological sequence in their development has a strong influence on the degree of their idiomacity in modern Russian.

particular case. The very same is seen here: three of the seventeen 17th century sources used are, in fact, old-fashioned in the language they are written. They contain most of the verbal counterparts. The later data of the 18th century clearly confirm this general tendency.

2.1 The Finnish constructions¹⁰

It is well established that the Finnish language has a rather short written history, fixed in the first M. Agricola's translations and in other mostly translated manuscripts going back to the middle of 16th century. Syntactic units are typically the result of slow and gradual modifications, and – in our case – they are connected to informal, conversational speech, but unfortunately, these sources do not allow an investigation into the long-time development of these constructions.

For this article, some data have been collected using the full electronic collection of the Old Finnish texts.¹¹ However, it cannot be shown that automatic extractions have detected all the evidence due to the indigested orthography as it is presented in the texts of M. Agricola and others¹².

Only few examples of the Øcop- and Øbe-sentences have been found in this collection. Thus, a part of the examples are formed according to the model *Øcop + Participle*, such as the reduced perfect form in (19):

- (19) *Suur-Försti Constantin Pawlowitsch Øcop syndynyt 1779 sinä 27:n päiw. Huhti-Kuusa* (Almanac, 1798)
 Grand Duke Konstantin Pavlovich [has been] born in 1779, the 27th day of April

Although the reduced perfect form is not typical in modern Finnish, the subtype *Øcop + Participle* is a syntactic phraseme that is regularly used in a certain pragmatic context, namely in official written notes. Furthermore,

¹⁰ The following constructions are beyond the scope of my attention here: 1) a “status construction,” or “nominativus/partitivus absolutus,” for example, *Me kuuntelimme laulua korvat hörössä*; ‘We were listening to a song, ears [are cocked] up’ (see more (Hakulinen 2004: 837–838)); 2) “telephesese” phrases such as *sairastunut* ‘[I am] fallen + ill’ (Tesak & Ahlsén et all. 1995); and 3) newspaper headlines such as *Martti Ahtisaari Moskovassa* ‘Martti Ahtisaari in Moscow’ (Hakulinen 2004: 840). The last are actually close in form to the constructions in question, but all the types are, nevertheless, outside of the structures listed here, as it is unclear whether they are complete sentences.

¹¹ The corpus is prepared by the Center of the Domestic Languages in Finland, KOTUS, and available at kaino.kotus.fi.

¹² The corpus represents all known Old Finnish texts and consists of more than three billion running words. The whole list of the sources is available at http://www.kotus.fi/aineistot/vks_sahkoinenaineisto.shtml. The electronic corpus of 19th century exceeds 150 texts (http://www.kotus.fi/aineistot/1800/1800_sahkoisetaineistot_teoksittain.shtml).

the very same constructions are found in the Old Russian language. On the other hand, they also exist in many other languages, including modern Swedish (Cf. 20):

- (20) SVE *Genomgång förbjuden*
 NOR (bokmål): *Gjennomgang forbudt*
 ICEL *Aðgangur bannaður*
 ENG *Passage forbidden*

Another group could be considered as being a subject of both the Øcop- and Øverb-constructions, as far as the examples may be syntactically and semantically close to both (see 21–22a):

- (21) Lisä Øcop tulewana Wuonna (Almanac, 1771)
 (22) Lisäys Øcop tulewana wuonna (Almanac, 1780)
 (22a) Läsäys Øcop tulewana wuonna (Almanac, 1784)
 Addition [is/’comes] in the following year

But these are more likely to be lexical semi-fixed expressions than to be syntactic units with lexemic variables. Possible variables are located only in the left part of the clichés, and their list is restricted to one set of synonyms: *lisä*, *lisäys/läsäys* ‘addition’. I am far from claiming these items to be syntactic phrasemes, though they might be developed into these as a probability.

Thus, a small number of Øcop- and Øbe-sentences occur in the Old-Finnish sources; all of these occurrences are highly constrained and infrequent. This means that a plausible decision cannot be made concerning how often they were used in more informal genres, as we have no sources to consult. Today, these kinds of sentences are used in colloquial speech and in restricted pragmatic frames, such as in announcements and advertisements.

The oldest Finnish texts contain no single sentence where a lexical verb is omitted. The first examples, small in numbers, can be traced to no earlier than the 19th century (23)¹³:

¹³ Many examples of the 18th century, especially from K. Ganander’s collection, are riddles, and for this reason, beyond the scope of this study.

- (23) *Øv Mitat pois!* (G. A. Hippius. Piirustusopin alkeet, translated by E. Soldan, 1867)
 '[Take] yardstick away!'

It is impossible to say how frequent the Øcop-sentences occurred in oral communication among Finns of old, but I am inclined to think that these sentences were not typical. In any case, the observations of the data point to a set of unassuming conclusions only. In all, no detailed description of the verbless sentences development can be traced from the data. The reasons for this assumption are the short written history of the Finnish language and an actual infrequency of verbless sentences even in the existing sources, especially as compared to those of Russian. Nevertheless, the data traces that there was no single example of the Øv-constructions in the Old Finnish texts and only a low number in later ones, while the Øcop-sentences are used slightly more frequently.

All this supports the conclusion that the Finnish language represents quite different processes than Russian. The degrees of the idiomatization of these constructions in modern Finnish serves as evidence for the presupposition that these processes in Finnish date from much more modern times than in Russian. On the other hand, the same sequence order can be traced in both languages – the Øcop constructions appeared first in both languages, while the lack of lexical verbs followed them.

The next part of this paper is devoted to discussing these questions from a cognitive perspective.

3. Cognitive observation

It is unknown whether the Finnish verbless sentences will remain idiomatic and system-peripheral in the future, as they are for the time being. Some types might be developed into non-idiomatic constructions that are the subject of regular generative rules, similar to those occurring in Russian. Even so, despite this futuristic speculation, both Finnish and Russian certainly demonstrate differing chronology in the processes, differing pragmatic conditions, as well as differing results, as they are represented in both languages at this instant. Yet bearing in mind that a possible influence seems to be less able to be demonstrated, one has to look for other explanations for the facts, sharpening the problem into the following questions:

- Why are the very three types being developed?
- Why it is hardly possible to imagine a syntactic phrasemes such as (24)?

- (24) *Я Øв кашу
 *Minä Øv puuroa
 *‘I [eat] porridge’

In Perlmutter & Postal (1974), a Relational Succession Law has been formulated, which was stated as:

An NP promoted by an ascension rule assumes the grammatical relation borne by the host out of which it ascends (quoted from: Perlmutter and Postal 1983: 51).

Even though this law concerns an alternative syntactic theory and cannot be directly transferred to the framework adopted here, it nevertheless gives a starting point for further discussion. In fact, the law postulates an initial ellipsis is an interrelated change between a verb and a governed phrase in the right periphery of a sentence. To examine the question, let us first consider arguments based on the analysis of deleted verbs, and then on the analysis of the dependent phrases.

3.1 The verb evidence

Reviewing the verbs that have been deleted in the constructions, one should say that the first candidates for deletion were the copulas in both languages. Obviously, the first reason for the deletion of the copulas is their lexical emptiness. Indeed, in deleting the copula, all but very little semantic information was lost. According to L. Stassen, there is a similar minimal distribution of zero copulas in many languages all over the world:

If a language allows a zero copula at all, it will minimally select this option for predicate nominal sentences in the Present Tense with a Third Person subject (Stassen 1994: 111)

Obviously, the lexical verb ‘to be’ has been included into the process gradually. It was too close to the copula to distinguish both in all contexts. In fact, one cannot even always distinguish the COP and BE usages in real

texts, as it has been shown more than once for many languages (The Verb ‘Be’ 1967–1973; Apresjan 1995.).

The last group of deleted verbs were motion verbs, “the most characteristically verbal of all verb” (Miller & Johnson-Laird 1976: 527). These are the types of verbs that are often semantically bleached and easily grammaticalized in many languages (Maisak 2005). They also became a prototypical candidates for deletion in the Øv-constructions both in Russian and in Finnish.

Yet a second reason, closely related to the previous, is the frequency of the verbs that were the subject of deletion. It is difficult to calculate which verbs were the most frequent in the Old Finnish and Old Russian, it seems to be close to the truth that the highest rank in the BE-languages¹⁴ has indeed the verb ‘be’, both the copulative and lexical. Just for reference, Table 1 shows the most frequent verbs in the modern Finnish and Russian languages. Here both *olla* and *быть* (‘be’) have the highest rank, and the motion verbs – the Finnish *tulla* ‘come’ and Russian *идти* ‘go’ – both are also in the top-ten.¹⁵

Table 1: The most frequently used verbs in modern Finnish and Russian

FINNISH	RUSSIAN
olla ‘to be’; voida ‘can’; saada ‘may’; tulla ‘to come’; antaa ‘to give’ pitää ‘to keep’; ‘to like’; tehdä ‘to do’; sanoa ‘to say’; käyttää ‘to use’; ottaa ‘to take’.	быть ‘to be’; сказать ‘to say’; мочь ‘can’; говорить ‘to speak’; знать ‘to know’; стать ‘to became’; есть ‘to eat’; хотеть ‘to want’; видеть ‘to see’; идти ‘to go’

¹⁴ On be and have-languages see (Isačenko 1974).

¹⁵ The frequency lists are counted according to (Saukkonen 1979) (for Finnish) and (Sharoff) (for Russian). Unfortunately, the ranks have been calculated not for the actual lexemes but for *lemmas*, where full homonyms have been combined together.

No doubt the data can be extrapolated from the perspective of chronology with more or less probability only. However, it may be assumed that the verbs have the commensurable frequency ranks at those time as well.

Thus, the frequent usage of verbs can lead to their lexemic lightening and deletion from the surface structure. But this fact does not explain why other frequently used verbs that have more or less degraded meanings cannot be deleted from the surface structure. There is the second crucial factor to support this process, the semantics of the right periphery.

3.2 The complement evidence

The second group of arguments is connected to the semantic of a phrase, that originally completed the verb, but finally replaced it. In fact, both have corresponding semantic elements that allow a dependent phrase to substitute a verb with no crucial loss, as it concerns the meaning of the whole construction. With all this going on, the overlapping part of meaning is trivial both for the verb and its complement, but expressed more specifically in the complement. To illustrate this point, let us consider some examples in the both languages.

ØCOP

The main function of the copula is to link a complement. However, this information can be superfluous when a complement has itself a predicate meaning that is built in a lexeme. This strategy is clearly displayed in Finnish by the *puhki*-type predicative adverbs, in which syntactic behavior is strongly incorporated into the lexemes as such and needs only a minimal syntactic support (Hakulinen et al. 2004: 931–932). In general, the class of the Finnish *puhki*-type adverbs (*rikki* ‘broken’, *puhki* ‘[wear] away, out’, *poikki* ‘in two’, etc.) are freely used in the Øcop-sentences.

Compare the examples (25–25a) containing two synonymous words that differ in that the first (*rikki* ‘broken.ADV’) is restricted in the predicate position only, while the last (*rikkinäinen* ‘broken.ADJ’) is an ordinary adjective:

- (25) *Ikkuna Øcop rikki* (in announcements)
 ‘The window [is] broken.ADV’

- (25a) **Ikkuna Øcop rikkinäinen*

*‘window [is] broken.**ADJ**’

ØBE

- (26) *Äiti tässä*

Mama здесь

‘mother [is] here’

Both the omitted lexical verb ‘to be’, originally presented in these sentences, as well as the adverb, contain the same semantic component designating the place¹⁶:

olla – есть ‘is **placed**’

tässä – здесь ‘in/at this **place**’

ØV

- (27) *Kaikki ostoksille!*

Все за покупками!

Lit.: ‘All [go] for purchases’

Again, both the omitted motion verb and the phrases contain the similar components – this designates the movement. In the phrases, this meaning is represented with the case ending (in Finnish) or “preposition + case ending” (in Russian).

go – ‘to move [on a course]’

ostoksi~~ll~~le ‘purchase. **PL.ALL**’, where allative means ‘towards’

за покупками – ‘for. **PREP** purchase. **PL.INST**’, where ‘Prep + Instrumental case’ means ‘towards’

A phrase that functions as a predicate in the verbless sentences has a meaning corresponding to a deleted verb. As a result, this verb deletion does not destroy the construction, because the phrase retains the meaning and the idiomatization of the construction on the whole supports the modification. In general, both Finnish and Russian sentences are developing into phrasemes, because there is a light verb¹⁷ lost, and there is next to nothing to be lost in the meaning of the sentences. Additionally the verbs that have been omitted are the frequently used verbs in the language

¹⁶ Actually, a specific verb can hardly be reconstructed with certainty, but a class of verbs with specific meaning can be reconstructed rather unambiguously.

¹⁷ The light verbs “appear to be semantically light in the sense that they are contributing something to the joint predication” (Butt 2003, 1).

and are therefore a subject of semantic bleaching. The new constructions, idiomatic by origin, are therefore semantically full even without a verb. On the contrary, the same cannot be claimed for constructions such as (28), where the verb and its compliment are not overlapped in this sense:

- (28) *Я Øв каю
 *Minä Øv puuroa
 ‘I [eat] porridge’

4. Conclusions

4.1 Concluding discussions

It can therefore be concluded that three types of sentences have similar formal properties both in Finnish and Russian. These all are a result of the ellipsis of the copula and some other verbs. Nevertheless, these sentences have essential distinctions that can be roughly described as different degrees of idiomacy, from absolutely free to frozen expressions.

The brief historical sketch presented above allows us to conclude that the history of Russian is documented much better; it represents a consecutive and long-term process from the Øcop- to Øbe- and finally to the Øv-constructions. Their idiomacy more or less corresponds to the chronology of their development: the Øcop- and Øbe-constructions are non-idiomatic at the present, while the Øv-constructions are now syntactic phrasemes. All this is connected with the well-described Russian “anti-structuring tendency”:

Russian goes to extremes in ellipsis, in destroying syntactic constituents in favour of expressive-informal-rhythmic salience, and in leaving it to the hearer to guess the logical connections between predications, even to put together the predications from a scrambled sequence. (Leinonen 1985: 138).

Despite the unclear evidence from the old-Finnish sources, it seems that the Finnish language repeats, at least partly, the chronological sequence given in Russian. The ellipsis of the copula occurred first, which was followed by the ellipsis of other verbs. This does not lead to the less idiomacy of the constructions, as far as all of them are relatively new in their origin.

Generally agreeing with the opinion stated by M. Leinonen, I should say that my data seem to refute the following general Finnish cultural strategy in this specific area:

In Finnish, the contrasting phenomena in oral communication seem to reflect the opposite principle: the interlocutors are not similar, the hearer cannot read the speaker's mind. Thus, ellipsis is less extreme. (Leinonen 1985: 139).

It is apparent that syntactic interference seems to be achievable in view of both the long co-existence of the languages and in light of some syntactic parallels discussed in previous studies.¹⁸ As for the Ø-sentences, researchers claimed two contrary hypotheses to this, which have been formulated rather long ago.

The first of these hypotheses is based on the existence of verbless sentences in some Finno-Ugric languages (Hungarian, Komi-Zyrian, and Udmurt are more often cited) and on the claims that the Russian corresponding sentences are possibly a result of ancient Finno-Ugric-Slavic contacts. This view has been supported by R. Gauthiot, W. Vondrak, W. Veenker, and R. L'Hermitte among others (for further discussion, see (L'Hermitte 1979)).

The second approach, supported by G. Décsy (1967) and V. Kiparsky (1969) among others, on the contrary demonstrates that the arguments for interference are rather weak, for all the small Finno-Ugric languages were more or less too strongly influenced by Russian over the centuries for any ancient contacts to be attested (Serebrennikov 1963; Décsy 1988). As for Russian-Hungarian parallels, there are very few of them and they do not extend a lack of the copula (for Hungarian data, see Hetzron 1970).

The Finnish data presented in this article compel me to be rather careful in calling this direct borrowing clearly demonstrated in the case. First, the data show that Finnish-Russian syntactic parallels expand from the copulaless to all sets of verbless sentences. Nevertheless parallels do not cross over all the Finno-Ugric or Slavic languages. This means that the

¹⁸ This complicated question of the dominating strategies of language contacts is discussed in (Thomason & Kaufman 1989). As for the Finnish-Russian contacts, for the time being, some clear syntactic parallels have been used to demonstrate interference on this level. All of them are considered to reflect a Finnish-to-Russian influence (save for some Eastern Finnish dialects) (Timberlake 1974; Tkačenko 1979; Künnap 1997; Filppula & Sarhima 1994; Koptjevskaja-Tamm & Wälchli 2001).

interference, if one agrees with this hypothesis, concerns only particular Finnish–Russian contacts. This would have to have happened a relatively short time ago. However, the written sources, even if they are far from being comparable, represent the drastically different chronology in both languages: whereas many examples have been detected in old Russian written sources, the old Finnish texts are more than conservative in this respect coinciding with Russian mainly in their lack of the copula.

Theoretically, the initial lack of copula in both can equally be either a source or a target of interference. In contrast, investigations show that Øcop appears too often in the different languages all over the world to be explained merely in terms of a simple local language contact. Typologically, the same processes caused the phonetic reduction of the copula in Standard English (cf. *He is working* → *He's working*) and deletion of that copula in African American Vernacular English (cf. *He is working* → *He workin'*) (see more (Bender 2000)). Øcop has been established for many languages of Oceania, Central and South America, as well as for the Afro-Asiatic and Nilo-Saharan languages (the data and further discussion see in (Stassen 1994)). According to L. Stassen, Indo-European and Uralic languages “constitutes a minor or the marginal option” in this respect (*Ibid.*: 109), but they do have that kind of copulaless usage (see Meillet 1906–1908; Gauthiot 1908–1909; Benveniste 1950). In other words, if any interference took place at all in the case, it can hardly be established for the Øcop-sentences as far as no clear evidence has emerged that has been induced by the language contact. On the contrary, a more plausible, typologically based hypothesis is of that claiming the similar typological process, caused by similar usage-based strategies.

Another point is that the Finnish the Øbe- and Øv-sentences can be better explained in terms of the inner united pragmatic “Frame of Motivation” than in terms of a one-to-one borrowing. The Russian sentences in their turn can much better be explained as an inner consecutive process from the Øcop- to Øv-sentences.

Thus, hypothetically, if one agrees with an ancient interference it would be that of an initial Øcop. Regardless of these disputable initial starting points, both languages represent independent developments with specific pragmatic and semantic features that are do not directly correspond to each other.

A generalization of the data gives many more well-founded observations. The frequency of the verbs that are subject of deletion and the

semantic concurrence of the deleted verbs and substituting phrases help us to construct a common explanation for languages:

A verbless sentences can be developed if 1) a frequently used light verb has a bleached meaning and the semantics of a phrase overlaps it; and 2) the pragmatic factors support condensed forms of the expressions.

In particular cases, the chronology, specific pragmatic conditions and even the support of the neighboring languages may, of course, vary widely. All in all, the common cognitive prerequisites create conditions for similar syntactic items could be developed, while specific pragmatic factors define when and how these items are being developed.

4.2 General conclusions

On the basic of the analysis presented above, more general principles of syntactic idiomatization can be formulated:

- a. There are no strong borders between elliptical and non-elliptical expressions. Any of peripheral transformation (such as, with an ellipsis in our case) can generate a surface structure that may be as far from the prototypical manifestation, as another surface unit, generated by means of another set of rules. In certain circumstances, this process leads to the appearance of a phraseme and can later be generalized as a new rule in the grammar. So the following principle of the idiomatization can be formulated:

A ill-formed surface form of a deep structure can be developed into a new syntactic item by means of idiomatic constraints that can lay the groundwork for a new set of rules.

- b. The level of idiomatization is a projection of a time slice during which a syntactic item is being developed. Of course, there can be factors that cause the process of idiomatization to step up or down. To summarize this more generally:

The longer a syntactic item exists in a language, the less idiomatized it is.

- c. In certain circumstances, a non-idiomatic syntactic items can be developed into a syntactic phraseme. Here semantic modification always has a place. However, a meaning conservation principle can be formulated as the following:

The total amount of the meaning in an isolated syntactic item aspires to remain constant, although it may change forms. Thus, an initially compositional set of semantic information represented by lexemes can be partly delegated to the whole construction, transforming the last into a syntactic phraseme.

- d. According to an old statement, “*Tout se qui est diachronique dans la langue ne l'est que par la parole*” ('All that is diachronic in a *langue* is only through the *parole*', Saussure 1972: 138). The presented analysis demonstrates that pragmatic conditions (such as the Finnish “Frame of Motivation”) cause the limitation in usage. This does not lead to slight stylistic modifications, or as one can say, extra-linguistic ones, but has a direct effect on syntactic structures, modifying them and creating new and more idiomatized ones. In general, the following claim can therefore be made:

Pragmatic constraints can be the original step for a new syntactic item to appear.

Thus, pragmatics phrasemes do not constitute a periphery of language but a place, where *langue* and *parole* meet.

References

- Apresjan 1995 = Ю. Д. Апресян: Лексикографические портреты (на примере глагола БЫТЬ). In: Ю. Д. Апресян: *Избранные работы*, Т. 2. Москва, pp. 503–537.
- Bender 2000 = E. Bender: *Syntactic Variation and Linguistic Competence: The Case of AAVE Copula Absence*. Stanford University, (PhD thesis's manuscript).
- Benveniste 1950 = E. Benveniste: La phrase nominale. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 46, pp. 19–36.
- Bezdenežnyx 1972 = Е. Л. Безденежных, *Двусоставные безглагольные предложения в современном русском языке*. Москва.
- Borkovskij 1949 = В. И. Борковский: *Синтаксис древнерусских грамот*. Львов.
- Butt 2003 = M. Butt: The Light Verb Jungle. *Harvard Working Papers in Linguistics* 9, pp. 1–49.
- Chvany 1975 = K. Chvany: *On the syntax of BE-sentences in Russian*. Cambridge.
- Décsy 1967 = G. Décsy: Is there a Finnic Substratum in Russian? *Orbis* 16, 150–160.

- Décsy 1988 = G. Décsy: Slawischer Einfluss auf die Uralischen Sprachen. In: *The Uralic languages, Descriptions, History and Foreign Influences*. Leiden – New York – København – Köln, pp. 616–637.
- Filppula & Sarhima 1994 = M. Filppula & A. Sarhima: Cross-linguistic syntactic parallels and contact-induced change. In: *SKY: Yearbook of the Linguistic Association of Finland*. Helsinki, pp. 89–134.
- Gauthiot 1908–1909 = R. Gauthiot: La phrase nominale en finno-ougrien. *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris* 15, pp. 201–227.
- Hakulinen 1978 = A. Hakulinen: Nollien syntaksia. In: *Rakenteita*. Turku, pp. 233–253.
- Hakulinen et al. 2004 = A. Hakulinen et all.: *Iso suomen kielioippi*. Helsinki.
- Hetzron 1970 = R. Hetzron: Nonverbal Sentences and Degrees of Definiteness in Hungarian. *Language* 46:4, pp. 899–927.
- Isačenko 1974 = A. Isačenko: On have and be languages: a typological sketch. In: Flier, Michael, ed., *Slavic Forum: Essays in Linguistics and Literature*. The Hague, pp. 43–77.
- Isačenko 1976 = Потеря глагольной формы в русском языке. In: *Isačenko, A. V., Opera selecta*. München, pp. 12–20.
- Kay & Fillmore 1999 = P. Kay & Ch. Fillmore: Grammatical Constructions and Linguistic Generalizations: The What's X Doing Y? Construction. *Language* 75, pp. 1–33.
- Kazenin 2007 = К. И. Казенин: О некоторых ограничениях на эллипсис в русском языке. *Вопросы языкознания* 2007:2, pp. 92–107.
- Kiparsky 1969 = V. Kiparsky: Gibt es ein finnougrisches Substrat im Slavischen? In: *Annales Academie Scientiarum Fenniae*, Ser. B, Tom. 153:4, pp. 1–29.
- Kopotev 1999 = M. Kopotev: *Безглагольные предложения в истории русского языка*. Санкт-Петербург. (PhD thesis manuscript).
- Kopotev 2007 = M. Kopotev: What a Difference a Verb Makes! Russian and Finnish Verbless Sentences. In: *Collocations and Idioms I: Papers from the First Nordic Conference on Syntactic Freezes*, Joensuu, May 19–20. Joensuu: Joensuu University Press, pp. 177–192.
- Koptjevskaia-Tamm & Wälchli 2001 = M. Koptjevskaia-Tamm, B. Wälchli: The Circum-Baltic Languages: An Areal-Typological Approach. In: *The Circum-Baltic Languages: Typology and Contact*. Amsterdam – Philadelphia. V. 2, pp. 615–750.
- Künnap 1997 = A. Künnap: Potential Finno-Ugric Substratum in Slavic. *Linguistica Uralica* 33:4, pp. 253–257.
- L’Hermitte 1979 = R. L’Hermitte: *La phrase nominale en russe*. Paris.
- Lakoff 1987 = G. Lakoff: *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago.
- Leinonen 1985 = M. Leinonen: Finnish and Russian as They Are Spoken. *Scando-Slavica* 31, pp. 117–144.
- Maisak 2005 = T. A. Майсак: *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. Москва.
- McShane 2000 = M. J., McShane: Verbal ellipsis in Russian, Polish and Czech. *Slavic and East European Journal* 44:2, pp. 195–233.
- Meillet 1906–1908 = A. Meillet: La phrase nominale en indo-européen. *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris* 14, pp. 1–26.
- Mel’čuk 1995a = I. A. Mel’čuk: Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics. In: *Idioms. Structural and Psychological Perspectives*, Hillsdale, New Jersey, Hove, pp. 167–232.

- Mel'čuk 1995b = I. A., Mel'čuk: Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne. In: Русский язык в модели «Смысл-текст». Vienna – Moscow, pp. 325–346.
- Mel'čuk 1995c = I. A. Mel'čuk: Syntactic, or Lexical, Zero. In: Русский язык в модели «Смысл-текст». Vienna – Moscow, pp. 169–211.
- Miller, Johnson-Laird 1976 = G. Miller, P. Johnson-Laird: *Language and Perception*, Cambridge, Mass.
- Mrazek 1990 = R. Mrazek: *Сравнительный синтаксис славянских литературных языков: Исходные структуры простого предложения*. Brno.
- Perlmutter & Postal 1983 = D. Perlmutter & P. Postal: Some Proposed Laws of Basic Clause Structure. *Studies in Relational Grammar* 1. Chicago, pp. 81–128.
- Saukkonen et al. 1979 = A. Saukkonen et al.: *Suomen kielen taajuussanasto*. Söderström.
- Saussure 1972 = F. de Saussure: *Cours de linguistique générale*. Paris.
- Serebrennikov 1963 = B. Серебренников: *Историческая морфология пермских языков*. Москва.
- Sharoff = S. Sharoff: *The frequency dictionary for Russian*. Available at <http://www.comp.leeds.ac.uk/ssharoff/frqlist/frqlist-en.html>.
- Širjaev 1967 = Е. Н. Ширяев: *Нулевые глаголы как члены парадигматических и синтагматических отношений*. Москва.
- Stassen 1994 = L. Stassen: Typology versus Mythology: the Case of the Zero-Copula. *Nordic Journal of Linguistics* 17:2, pp. 105–126.
- Struktura predloženija 1983 = *Структура предложения в истории восточнославянских языков*. Москва.
- The Verb ‘Be’ and its Synonyms = *The Verb ‘Be’ and its Synonyms. Philosophical and Grammatical Studies*. I–VI. Dordrecht, 1967–1973.
- Tesak & Ahlsén et all 1995 = J. Tesak & E. Ahlsén et all: Patterns of Ellipsis in Telegraphese: A Study of Six Languages. *Folia Linguistica* 29, pp. 297–316.
- Thomason & Kaufman 1988 = S. Thomason & T. Kaufman: *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley.
- Timberlake 1974 = A. Timberlake: *The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic*, München.
- Tkačenko 1979 = О.В. Ткаченко 1979: *Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков*. Киев.
- Večerka 1989 = R. Večerka: *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax*. Bd. 1. Freiburg. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris XXVII).
- Zaliznjak 2004 = A. A. Зализняк: Древнерусский диалект.² Москва.

‘ГУЛЯТЬ ТАК ГУЛЯТЬ: between Grammar and Dictionary’,
*East West Encounter. Second International Conference on
Meaning-Text Theory*, Moscow: SCL Publishing House, 2005,
pp. 225-236.

ГУЛЯТЬ ТАК ГУЛЯТЬ: between Grammar and Dictionary¹

Mikhail Kopotev

Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures,
University of Helsinki, Finland
mikhail.kopotev@helsinki.fi

The article is devoted to the analysis of two Russian syntactic phrasemes. The restrictions on lexical variables are investigated, their discourse links are established, and frequency data on their usage are cited. Some definite realizations of the phrasemes in question can be generated using certain grammatical rules, however a part of them is stored in the Dictionary in the ready-to-use form.

ГУЛЯТЬ ТАК ГУЛЯТЬ: Между грамматикой и словарем. Статья посвящена анализу двух русских синтаксических фразем. Исследуются ограничения на лексические переменные, устанавливаются дискурсивные зависимости фразем, приводятся данные о частотности их употребления. Делается вывод, согласно которому конкретные реализации фразем могут порождаться грамматическими правилами, однако часть из них хранится в словаре в виде готовых к использованию единиц.

According to the definition of a syntactic phraseme given by I. A. Melchuk², Russian expressions like *Гулять так гулять* should be

¹ This research was supported by the Finnish Academy (a multidisciplinary research project, funded within the research programme "Russia in Flux"). I wish to express my gratitude to L. A. Biryulin, A. Mustajoki, A. Nikunlassi, and E. Ju. Protassova for their comments on drafts of the article.

² A syntactic phraseme is a surface-syntactic tree containing no full lexical nodes (its nodes are labeled with either lexemic variables or structural words) but Possessing a specific signified, having as its signifier a specific syntactic construction, and a specific prosody, and featuring as well a specific syntactics' Mel'chuk 1995, 215; see also Mel'chuk 1995 a]. At the same time, the approach offered here is also based on 'construction-oriented' frameworks, above all Construction Grammar [Fillmore et al. 1988; Goldberg 1995; Kay, Fillmore 1999], and Experientialism [Lakoff 1987].

classified as *syntactic phrasemes*. They have been identified which manifest themselves in an almost identical way: namely, two repeated word forms, with the particle *TAK* in-between. The first type roughly means "*an uncontrollable choice*", while the second one means '*the utmost quality*'.

The article is devoted to the analysis of these two syntactic phrasemes and a discussion of the question concerning the place of these phrasemes in Grammar or in the Dictionary. In the first part the difference in filling variables will be shown; in the second, the contextual dependence of phrasemes will be analyzed; the third part is devoted to an analysis of the most frequent realizations of the specified phrasemes, and a formal description will be presented in the last part.

1. Lexemic variables

The phrasemes in question possess very different constraints pertaining to lexemic variables.

I.I. The phraseme of an uncontrollable choice

Any lexeme from a previous context can be used as a filler for the variable X in the phraseme '...X так X'. Repeated twice, it serves for the expression of a situation where a choice is not under the close control of a speaker. Such uncontrollability depends on the lexical and morphological meanings of a word used, therefore it can be defined as a *radial structure* (J. Lakoff) represented in the following *central subcategory* and its *non-central extensions*: an unwilling (or insufficiently motivated) consent (1); nothingness of a choice (2), luck of a choice (3).

- (1) Беда была в том, что Зоя надумала меня женить на своей ученице. (...) Пройдя через легкомысленный ад собственной жизни, Зоя решила, что надо укреплять устои, в углу у неё висели иконы, у изголовья лежало Евангелие. Ну что ж, *жениться так жениться*, не обижать же старуху. [Volga, № 9, 1998]
- (2) — Я пешком пойду, — сказал Саша, — в сани только чёмодан кину, он у меня легкий. — Наше дело сполнять, — пробормотал Нил Лаврентьевич, — *везти так везти, итти так итти*. [A. Rybakov. Strah]
- (3) Облава была спокойная. Солдаты ходили по хатам, брали всех мужчин, и все приходили спокойно, молча, как и я. Теперь уже никаких документов не смотрели, годы рождения

не играли роли. Все чисто и благородно: *попался так попался* — и заткнись. [A. Kuznecov. Babij jar]

Some Russian particles like *ну что ж, ну* along with others work as a test context for this phraseme. Some realizations of the phraseme are accompanied by a specific intonation with the tone falling towards the end of a phrase. Contrary to the stated opinion (RG 1980; Nikolina 1991; Velichko 1996), this phraseme includes a long list of variables and does not have any tense modifications.

An analysis of variables does not reveal almost any word class or other morphological constraints: any form can be used as a filler with the corresponding context support not only 'infinitive, substantive in any case with preposition and not, adjective, adverb' [Velichko 1996, 19]. See, for example, [Shvedova 1960, 94-95]. The material collected has shown that finite verbs (4), participles (5), predicatives (6), numerals (7), and, probably, syntactic words (8) are served in addition to the mentioned forms³.

- (4) Крымов развёл руками, как бы говоря: 'Что ж, *повезло так повезло*, ничего не поделаешь'. [V. Grossman. Zhizn' i sud'ba]
- (5) *Приучена так приучена*, — согласился учений. — Пусть сторожит.... [G. Gorin. Skazka pro sobaku, kotoraja prozhila trista let]
- (6) То, что Мустафе запрещено было кем-то плясать в литературном кабаке, позабавило Иуду Гросмана, но не озадачило: *ну нельзя, так нельзя*, [Oktjabr', №1, 2001]
- (7) Когда мы подписывали контракт, я сразу сказал, что нужно подписывать на три года. Он же настаивал на пяти. В итоге я согласился — *пять так пять*. Сама церемония подписания проходила нервно. ['Megapolis Ekspress', 14.01.2005]

It was not possible to find any example of syntactic words usage either in the *Integrum* database or in the RNC. However, it seems that examples such as number (8) do not act as exceptions in Russian language usage and do not contradict the researcher's own intuition.

- (8) — Мы зайдем в магазин не по пути в школу, а после нее.
— Ну, *после так после...*

Thus, the collected examples show that fillers of the variable X can interact with all word classes and have minimal restrictions regarding

³ The material has been collected from the Russian National Corpus (RNC), and the *Integrum* database; it consists of more than 4000 examples.

morphological forms (the subjunctive and the imperative mood of verbs and gerunds). At the same time, the assumption that there are modal-tense modifications (or a paradigm in terms of the [RG 1980]) for these phrasemes seems to be unacceptable. Examples such as number (9) seem completely artificial, and are not observed either in texts or in the speech of native speakers of Russian. (However, the second type of phrasemes under discussion does display such a possibility).

- (9) **Ну что ж, ехать так ехать было/будет.*

On the other hand, it is quite possible to analyze the following sentences (10-12) as examples of a united 'modal-tense paradigm'.

- (10) *Ну что ж, пить так пить.*
 (11) *Ну что ж, пили так пили.*
 (12) *Ну что ж, выпито так выпито.*

Due to the contextual dependence of the phraseme manifestation it looks unnatural that these phrasemes should have a paradigm at all: it is much more important that a certain word form, on which this type can be grounded, was (or was implied) in a previous context.

1.2. *The phraseme of the utmost quality*

The second type of phrasemes under discussion applies stronger restrictions. The structure of this phraseme is '*X так X!*', where *X* is an acceptable word form, and the meaning is fully described in [Velicko 1996, 19]: 'a statement, accepting of an identified, or offered object, but in its best, fullest, most qualitative manifestation'.

Russian particles like *вот это*, *ну вот* work as a test context for this phraseme. The prosodic contour is determined by an increase in intonation towards the end of the phrase and can be accompanied by lengthening the stressed vowels. The nominative case of nouns (13) and adjectives (14); infinitives (15) and finite forms of verbs (16-17)⁴ serve as variables in the phraseme (see also [Shvedova 1960, 95-96; Vsevolodova, Lim Su En 2002 115-116]).

- (13) *Вот встреча так встреча! — как обухом по голове ударил Тараса бойкий голос невесть откуда взявшегося Простенки.*
 [O. Novikova. Muzhskoj roman]

⁴ The verb forms are included in the non-strict opposition, where imperfective infinitives oppose perfective past tense forms: *Гулять так гулять*, but *Погулял так погулял*. There is insufficient place to elaborate upon this subject here.

- (14) Ведь и там им не о чем бы было поговорить, вот штука-то.
Вот уж чужие *так* чужие — на веки вечные. [B. Shukshin, Chuzhie (1974)]
- (15) *Казнить так казнить, жаловать так жаловать*', таков мой обычай. [A. S. Pushkin. Kapitanskaja dochka]
- (16) Вот Чубайс *мочит так мочит* — сразу города с полумиллионным населением отключает, люди замерзают, голодают. ['Sovetskaja Rossija', 2003.04.05]
- (17) Сам буду выступать и уж *врежу так врежу*. [Ju. Trifonov. Dom na naberezhnoj]

No example has been found consisting of numerals or syntactic word classes in the RNC or the *Integrum* database. Examples like (18-20) seem unnatural. Therefore we cannot claim that these word classes cannot be used in the phraseme.

- (18) *(Вот это) *вечером так вечером!*
- (19) *(Вот это) *тридцать пять так тридцать пять!*
- (20) *(Вот это) *из так из!*

In conclusion, the incorrectness of the examples below has to be mentioned (21-23).

- (21) *(Вот это) *романом так романом!*
- (22) *(Вот это) *красивым так красивым*
- (23) ?(Vot eto) *Moskva tak Moskva!*

It is clear from the examples mentioned, that the nominatives⁵ of common nouns⁶ and adjectives can be used as variable fillings. It is worse to use adverbs and numerals; they are possible only if they have (or gain from the context) a certain value: *вот это много так много!* means 'as much as it can be'; *Вот это пять так пять!* is possible in the substantive usage, and means, for example: 'a firm handshake'. According to some special rules, infinitives and finite forms of verbs can be used as well; prepositional phrases and syntactic word classes cannot.

As it was mentioned, the *phrasemes of the utmost quality* can have modal-tense modifications (24-25).

⁵ The only example with a non-nominative case given in [Vsevolodova, Lim Su En 2002, 115] '*Я встретил вот женщину так женщину*' seems to be peripheral; there is no a single clause in the material collected from Russian corpora.

⁶ There is only one possibility to use proper nouns. It is correct if the reference is split; for example, '*Вот это Москва так Москва, а то, что было раньше, — только пригороды!*'.

- (24) (Вот) была встреча так встреча!
 (25) (Вот) будет встреча так встреча!

2. Discourse links

The behavior of the two types of phrasemes within the framework of a discourse, as far as the discourse links which these phrasemes possess, is fundamentally different.

2.1 *The phraseme of an uncontrollable choice*

This type of phrasemes leans upon the previous context. Agreeing with the interlocutor (or with the speaker her/himself) one often uses a word form already mentioned.

- (26) Экипаж — шесть человек, — сказал Хурков, включая проверяющего. Всем — поровну. Разговор закончен. — Ну закончен — так закончен, — лениво проговорил Ильин, — но я считаю: за один только суп — многовато будет. ['Zvezda'. № 3. 2002]

However, some change in the repeated forms is preferable when there are several word forms in the previous context, making it difficult which word form to choose. In the example below (27), the nearest form of the lexeme *ПАРИЖ* is a Genitive (the rest are in the accusative case). The speaker prefers a default nominative form rather than any of the possible alternative.

- (27) Но тут объявили регистрацию на рейс, как ни странно, вы летающий до Парижа. 'Ну что?' — спросил я жену. — Может, останься?' Я и впрямь готов был выйти из игры, чтобы не становиться для всех обузой. Но тут кто-то спросил: 'Ваш чемодан?' — 'Мой'. — 'Ну так чего он тут стоит?' — И потащил его на весы. Мы регистрировались по списку и по групповому билету. Ну что ж, *Париж*, так Париж... Будь что будет. ['Zvezda'. № 4. 2002]

The synonymous replacement of a lexeme is also possible which, naturally, can lead to certain stylistic modifications. For instance, example (28), despite its stylistic awkwardness, exemplifies the permissible synonymous replacement of an initial lexeme by a final lexeme.

- (28) 'Петрович! Ты должен, как Андрей Болконский, пасть со знаменем у финского дота!' — дает мне последние указания наш командир Александр Федосов. Умереть *так* умереть: 'Есть, товарищ лейтенант, не впервой!' ['Karelja'. 21.03.2002]

Thus, a possible discourse characteristic of phraseme usage rests on the fact, that there is contextual support for the phraseme (often explicitly mentioned in the interlocutor's speech), upon which the phraseme is based, with possible grammatical, lexical, or stylistic modifications.

2.2 *The phraseme of the utmost quality*

It appears that the text links of the phraseme are much more independent. This is proved by the fact, that it can be used freely either in a position of the beginning of a text or in a heading.

- (29) *Меняться — так меняться.* Молдова обещает поставить точку в вопросе делимитации границы с Украиной завтра ['Den', 11.07.2001, №120]
 (30) Новый русский на отдыхе: *отрываться, так отрываться!* ['Delovaja Penza', 12.01.2000, № 168]

However, it is clear that these phrasemes are frequently entered with a reference to precedent or pseudo-precedent texts. Markers of such 'citation' are the expressions like *как говорится, как говорят, N сказал* etc. (31-32).

- (31) Как поет Розенбаум: '*Стрелять так стрелять!*' Время к этому афоризму добавило: '*Взрывать так взрывать!*' ['Moskovskaja pravda', 28.09.1996, № 8 (178)]
 (32) Владимир Лукин: Конечно, как говорится, *трясти, так трясти.* Конечно, если сейчас решить проблему перезахоронения Ленина, а я не сторонник этого, но раз уж начали одни символы трясти, значит надо другие символы трясти. ['NTV: Geroj dnja, 06.12.2000, 19:30]

Furthermore, a speaker may label as a citation such expressions for which there are no real sources at all. For instance, example (33) has been found only once: it has been in vain trying to locate a source for the clause below, either in the RNC or in the Integrum Database or in the Ru-net (Russian Net) in whole.

- (33) 'Как говорится, *складировать так складировать!*' ['Peterburgskij stroitel'nyj rynok', 15.01.2002; № 1-2 (45)]

Thus, a possible discourse characteristic of phraseme usage is that they are usually free from the immediate context, but often have links to the overall mental space, including citations, precedent texts, or other common knowledge.

3. Some frequency data

This part of the article pursues the idea that the usage of the type of phrasemes under discussion is based on a dependent relationship between frequency data and a cognitive mechanism that directs the usage of the phrasemes.

A search for examples in the big corpora has revealed that the most frequent forms are infinitives. Establishing a bank of examples comparable in quantity for the other word classes and word forms would demand a considerable effort. For this reason only syntactic phrasemes including infinitives have been collected. The material collected contradicts the hypotheses that there is a dependent link between the number of '*Inf так Inf*' representations and the number of corresponding verbal lexemes in the Russian language.

According to [Zasorina 1977] and [Sharov 2002] the ten most frequent Russian verbs are the following: *быть, сказать, мочь, говорить, знать, стать, есть, хотеть, видеть, идти* (Sharov gives the verb *видать* instead of *есть* given in [Zasorina 1977]). However, the most frequent clauses of the '*Inf так Inf*' type using verbs from the list are *сказать так сказать* and *есть так есть*. There are no examples with the verbs *мочь, знать, стать, хотеть, видеть*⁷ in the data. This proves that there is no link between the frequency of the phraseme and verbs with both types of the phrasemes. In the case of *the phraseme of an uncontrollable choice* it seems that a long list of verbs (and other lexemes, in all probability) is freely used, without any correlations between the frequency of the characteristics of the phraseme and the lexemes that constitute it.

In the case of *the phraseme of the utmost quality*, the most commonly used is the clause *Гулять так гулять*. The Integrum database has more than one and a half thousand examples. That number exceeds that of all other lexemes within the framework of the syntactic phrasemes under discussion. The following clauses noticeably lag behind, but,

⁷ It does not appear that there is a clear explanation why the clauses like **Мочь так мочь* etc. are impossible.

nevertheless, often appear: *Стрелять так стрелять* (more than 350 examples), *Любить так любить* (more than 200 examples), *Летать так летать* (about 180 examples), *Играть так играть* (about 170 examples), *Работать так работать* (about 150 examples), *Пить так пить* (about 130 examples), *Лечить так лечить* (about 90 examples).

Naturally, it is useless searching for an explanation for this phenomenon by looking at the frequency with which verbs are used, (the verb *стрелять*, for example, does not even enter the top one hundred most frequently used Russian verbs). A much more plausible reason may be, that the most frequently used phrasemes are those that reflex back to particular precedent texts: five verbs from the list mentioned, namely, *гулять, любить, стрелять, летать, лечить* can be traced back to A. Rosenbaum's popular smash hit 'Duck Hunting'.

- (34) Я помню, давно учили меня отец мой и мать:
Лечить — так лечить! Любить — так любить!
Гулять — так гулять! Стрелять — так стрелять!
Но утки уже летят высоко
Летать — так летать! Я им помашу рукой.

To be precise, the above-mentioned phrasemes can be found in the masterpieces of N. A. Nekrasov, N. M. Jazykov, A. Pristavkin, and others. However, these texts can hardly be considered responsible for the coining of the phrases in question. On the other hand, the fact that high-frequency phrasemes are often found in the context of reasoning about the Russian soul and, thus, refer to unclear, but common concepts (see 35-36).

- (35) Русская душа любит гулять так гулять, пить так пить.
['Birzha', 14.06.2001; №21]
(36) У нас ведь как — ругаться так ругаться, спорить — так спорить, выпить — так выпить, работать — так работать.
['Vechernij Novosibirsk', 30.11.2001]

In aggregate, these data reveal a dependence of *the phraseme of the utmost quality* not on the rate of use of a certain lexeme, but on speech usage. The observation shows that the frequency rate depends on a knowledge of popular texts, or on the aspiration of the speaker to motivate the usage by means of creating 'a well-known piece of information'. By contrast, the other phraseme, which depends on its immediate context, does not submit to any frequency trend.

4. The formal description

The phraseme of an uncontrollable choice relies on its direct context and includes free word forms of various word class in its structure. It is represented that generative rules, rooted in Grammar, allow the creation of a potentially infinite quantity of clauses, constructed on the basis of this idiomatic syntactic model. Apparently, within a linguistic description this type should be specified by certain rules at the Grammar level. At the same time, for accurate representation of the phraseme it is necessary to include information about conditions imposed by the particular frame. Without such a frame a syntactic phraseme can be created, but it will be impossible to use it correctly. This frame may be termed 'The Realization of a Choice Frame', denoting the presence of an alternative (probably not explicitly shown) and the required choice, that is the focus of the frame (compare [Nikolina 1991, 55]). A generalized description can be set out as follows:

- Frame:** The Realization of a Choice
Structure: ' $\dots X \text{ mak } X'$, where X is a variable (any word form with a short list of constraints), having a semantic antecedent (probably not-expressed or expressed with a synonym) and taking the form of an antecedent or default form.

- Prosodic contour:** A falling intonation towards the end of a phrase.
Meaning: '*an uncontrollable choice*': unwilling (or insufficiently motivated) consent; a lack of choice, a nothingness of choice.
Pragmatics: Obligatory context (marked in the above-mentioned scheme as ' \dots ').

The phraseme of the utmost quality is more independent from its direct context, but connected with more strict rules of usage. In this sense, seemingly, there is no specialized frame fixed to this phraseme. Its grammatical description may look something like this:

- Structure:** ' $X \text{ mak } X!$ ', where X is a variable, having the following: the nominative of adjectives, nouns (except common ones), finite verbs, and infinitives (rather imperfective infinitives and perfective past forms).
Prosodic contour: An increasing intonation forward the end of a phrase (can be accompanied by a lengthening of stressed vowels).

Meaning:	'utmost manifestation of a signified'.
Pragmatics:	probable connotation of a well-known experience, referring to a precedent (or pseudo-precedent) text.

The proffered generalized description allows a speaker (including a foreigner) to generate an infinite number of correct Russian phrases. Excluding pragmatic information, such phrasemes will be correct. At the same time, the existence of a ready-to-use high-frequency cliche like *Гулять так гулять* in real speech allows one to assume, that some clauses are not generated by the rules defined above, but stored in the memory. In such a case, it should be supposed, that phrasemes under consideration are very closely tied in with lexical idioms like *Умирать так с музыкой*, which cannot be generated by any rules, but stored in the Dictionary. From the semantic point of view there are some similar expressions in Russian, having certain idiomatical restrictions either to the Grammar (see the above-mentioned list of the morphological restrictions) or to the Dictionary (for example, a list of lexemes for *Умирать так ...* includes no more than dozen of items). This conclusion corroborates the conception that 'a strict separation of lexicon and grammar, (...) may prove to be but a methodological prejudice' [Jackendoff 1995, 155-156, compare Bybee 1985, 111-135].

It has been assumed, that such a continuum is stored as a 'construction' [Schultze-Berndt 2002, 302]. However, it seems more likely that there are two ways for syntactic phrasemes to be stored and used. One method is that of ready-to-use speech patterns which pull together with lexical phrasemes; they are not generated every time and are taken from the Dictionary. As a rule, they contain more connotative information that is typically for the Lexicon. Another method demands the use of some grammatical rules. Naturally, these clauses contain less connotative information, as it is usually located in the Grammar. Most likely, during speech generation a speaker refers to the Dictionary, and — if there is no help — the clause is generated by certain rules.

References

- Bybee, J. L. 1985: *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
- Fillmore, Ch., Kay, P., & O'Connor, M., 1988: 'Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let alone'. *Language*, 64/3. 1988. P. 501-538.

- Goldberg, A., 1995: *Constructions. A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Jackendoff, R., 1995: 'The Boundaries of the Lexicon'. M. Everaert, E-J. van der Linden, A. Schenk, and R. Schreuder (eds.), *Idioms: Structural and Psycho-logical Perspectives*. Hillsdale, New Jersey, Hove, UK: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 133-165.
- Kay, P., Fillmore, Ch., 1999: 'Grammatical Constructions and Linguistic Generalizations: The *What's X doing Y?* Construction'. *Language*, 75/1. 1999. P. 1-33.
- Lakoff, G., 1987: *Women, Fire, and Dangerous Things: what Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Mel'chuk, I. A., 1995: 'Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics'. M. Everaert, E J. van der Linden, A. Schenk, and R. Schreuder (eds.), *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale, New Jersey, Hove, UK: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 167-232.
- Mel'chuk, I.A., 1995a: 'Un affixe derivationnel et un phraseme syntaxique du russe moderne'. *Русский язык в модели 'Смысл—текст'*. Vienna/ Moscow: Wiener Slawistischer Almanach/Shkola 'Jazyki russkoj kul'tury', 1995. P. 325-346.
- Nikolina, N. A., 1991: 'Pragmatischekij aspekt opisanija predlozenij frazeologizirovannoj struktury'. *Funktional'nyj sintaksis i semantika*. Moscow: Izdatel'stvo Universiteta druzhby narodov, 1991. P. 47-58.
- RG, 1980: *Russkaja grammatika*, N. Ju. Svedova (ed.), Moscow: Nauka, 1980.
- Sharov, S. A., 2002: *Chastotnyj slovar*. Available at <http://www.artint.ru/projects/frqlist.asp>.
- Schultze-Berndt, E., 2002: 'Constructions in Language Description'. *Functions of Language*, 9/2. 2002. P. 269-310.
- Shvedova, N. Ju., 1960: *Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi*. Moscow: Nauka, 1966.
- Velichko, A. V., 1996: *Sintaksicheskaja frazeologija dlja russkix i inostrancev*. Moscow, 1996.
- Vsevolodova, M. V., Lim Su En, 2002: *Principy lingvisticheskogo opisaniya sintaksicheskix frazeologizmov*. Moscow: MAKS Press, 2002.
- Zasorina, L. N. (ed.), 1977: *Chastotnyj slovar' russkogo jazyka*. Moscow: Nauka, 1977.

‘Изучать так изучать: синхрония и диахрония [If we study we study: both synchrony and diachrony]’,
Научно-техническая информация Сер. 2: Информационные процессы и системы №9 Moscow: VINITI, 2007, pp. 29-37.
(co-author A. Fainveits).

М. В. Копотев (Финляндия), А. В. Файнвейц

Изучать так изучать: синхрония и диахрония*

Определяются отличительные черты двух близких синтаксических фразем (“Гулять так гулять!” и “Гулять так гулять...”), описывается состав переменных, формальные и семантические ограничения каждой из них. Выдвигается гипотеза о диахронной связи каждой фраземы с условным предложением вида “Если X, так X”. Указывает, что развитие обеих фразем вызвано относительно независимыми друг от друга процессами, которые привели к возникновению тех особенностей, которые описаны в первой части работы. Дается формулировка некоторых более общих правил синтаксической идиоматизации.

Согласно определению синтаксической фраземы, данному И. А. Мельчуку¹, русские предложения типа *Гулять так гулять* являются синтаксическими фраземами:

“Синтаксическая фразема — это поверхности-синтаксическое дерево, не содержащее узлов, выраженных знаменательными лексемами (его узлы выражены или лексическими переменными, или служебными лексемами), однако обладающее определенным означающим, имеющим в качестве означающего определенную синтаксическую структуру с определенными просодическими характеристиками, а также отличающуюся определенной синтактикой”² [1, с. 215], см. также [2].

Анализ такого рода примеров позволяет выделить как минимум два типа

фразем, часто выступающих в омонимичных формах (дважды повторенный элемент с частицей *так*)³.

Статья открывается описанием особенностей каждого из типов, затем предлагается объяснение формальных ограничений каждой из них, а также определение их связи с полной условной конструкцией.

1. СИНХРОННЫЙ ПОДХОД: ФОРМАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ

1.1 ...X так X:

фразема неконтролируемого выбора

1.1.1 Фразема ...X *так X*⁴ употребляется для указания на то, что говорящий не может полностью контролировать ситуацию X, не способен или не хочет в ней ничего изменить, однако соглашается с ней.

* Авторы статьи выражают искреннюю благодарность за отдельные комментарии и помощь в подборе примеров участникам семинаров проф. А. Мустайоки (Хельсинки) и проф. Е. В. Рахилиной (Москва), участникам электронной рассылки Slavling, а также Л. А. Бирюлину, А. Г. Кадыковой, М. Лейонен, И. Майер, М. Пост, Е. А. Хелимскому и мн. др.

¹ Кроме работ И. А. Мельчука, посвященных фраземам, настоящая статья базируется на подходах, центральным понятием которых является *конструкция*, прежде всего это Грамматика конструкций [3; 4; 5], экспериенциализм [6] и “Модель языка, основанная на употреблении” (Usage-based model) [7, 8].

² A syntactic phraseme is a surface-syntactic tree containing no full lexical nodes (its nodes are labeled with either lexemic variables or structural words) but possessing a specific signified, having as its signifier a specific syntactic construction, and a specific prosody, and featuring as well a specific syntactics.

³ Два типа фразем выделены в работах [9], [10, с. 97–98], [11, с. 19–22], [12, с. 115–117], [13]. Отметим, что существенная пунктуационная вариативность фразем в настоящей работе не учитывалась.

⁴ В дальнейшем многоточие будет служить условным маркером фразем этого типа.

(1) Беда была в том, что Зоя надумала меня женить на своей ученице. <...> Пройдя через легкомысленный ад собственной жизни, Зоя решила, что надо укреплять устои, в углу у неё висели иконы, у изголовья лежало Евангелие. Ну что ж, *жениться так же-ниться*, не обижать же старуху. [Волга, №9, 1998]

Для этой конструкции характерен особый просодический контур – падение тона на конец фразы. Минимальным тестовым контекстом для этой конструкции является способность появляться с предшествующими частицами *ну что ж, ну....*

В качестве заполнителя переменной X может выступать лексема любой части речи: глагол (инфinitив (1), финитная форма глагола (4), причастие (5)), существительное (как в именительном (2), так и в косвенных падежах (3)), предикатив (6), прилагательное (7), числительное (8) и др.⁵.

(2) – Чего тебе? – Лошадок долго ждать, а в тихой половине офицер банчик предлагает. Мирно и покойно время скротаете. – *Банчик так банчик.* [Б. Васильев. *Картежник и бретер, игрок и дуэлянт*]

(3) Ну, думает Вереницын, коли *Протобекасова, так Протобекасова.* Благо же он человек тоже с состоянием. [И. Тургенев *Месяц в деревне*]

(4) Крымов развел руками, как бы говоря: ‘Что ж, *повезло так повезло*, ничего не поделаешь’. [В. Гроссман. *Жизнь и судьба*]

(5) *Приучена так приучена*, – согласился ученый. – Пусть сторожит... [Г. Горин. *Сказка про собаку, которая прожила триста лет*]

(6) То, что Мустафе запрещено было

кем-то плясать в литературном кабаке, позабавило Иуду Гросмана, но не озадачило: *ну нельзя, так нельзя.* [“Октябрь”, №1, 2001]

(7) *Смешные так смешные, мой миленьевский*, – что нам за дело? Мы станем жить по-своему, как нам лучше. Как же мы будем жить еще, мой миленький? [Н. Чернышевский *Что делать?*]

(8) Когда мы подписывали контракт, я сразу сказал, что нужно подписывать на три года. Он же настаивал на пяти. В итоге я согласился – *пять так пять.* Сама церемония подписания проходила нервно. [“Мегаполис-Экспресс”, 14.01.2005]

Среди собранных примеров встретились и такие, в которых место переменной X занимает именная (9) или количественная группа (10).

(9) Ну и что, – сказал он неуверенно. – *Новый президент так новый президент.* [В. Пелевин. *Чапаев и пустота*]

(10) Ну что же, *два года – так два года*, ничего не поделаешь – закон судов, но он закон. [“Советская Россия”, 2003.06.17]

Нам не удалось найти примеров на такие случаи, в которых повторяющимся элементом конструкции является предлог, однако, согласно нашей интуиции, предложения типа (11) выглядят естественно.

(11) – Зайдем в библиотеку после школы, а не до.
– Ну *после так после*.

По существу, ограничения на переменную X сводятся к запрету двух морфологических форм глагола: сослагательного наклонения и императива, все остальные формы остальных самостоятельных частей речи и предлога (вершины предложной группы) допустимы.

⁵ При сборе материала были использованы ресурсы Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), системы Интегрум (www.integrum.ru) и другие источники. Примеры без указания источника принадлежат авторам статьи.

Обязательное требование к элементу X – контекстная обоснованность: он должен иметь семантического антецедента или в непосредственно предшествующей фразе (12), или в большом контексте (13).

(12) — Экипаж — шесть человек, — сказал Хурков, — включая проводившего. Всем — поровну. Разговор закончен. — Ну *закончен* — *так закончен*, — лениво проговорил Ильин. [*“Звезда”, №3, 2002*]

(13) Но тут объявили регистрацию на рейс, как ни странно вылетающий до Парижа. “Ну что? — спросил я жену. — Может, останься?” Я и впрямь готов был выйти из игры, чтобы не становиться для всех обузой. Но тут кто-то спросил: “Ваш чемодан?” — “Мой”. — “Ну так чего он тут стоит?” — И потянул его на весы. Мы регистрировались по списку и по групповому билету. Ну что ж, *Париж так Париж*. Будь что будет. [*“Звезда”, №4, 2002*]

Повторяющийся элемент либо употребляется в морфологической форме своего семантического антецедента (14), либо принимает наиболее немаркированную, дефолтную форму (именительный падеж, инфинитив)⁶ (15).

(14) Капитан взглянул на висевшую перед ним цитату: “...уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов...”. “Ну что ж, *уничтожать, так уничтожать*”, — подумал капитан и улыбнулся самому себе. [*B. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина*]

(15) — Водочки хотите?
— Нет-нет. Чайку.
— *Чаек так чаек*. С позолотой, может быть?

[*Л. Юзефович. Дом свиданий*]

Примеры типа (16) признаются некорректными.

(16a) *— Что Вы будете пить?	(16b)*— Чем будешь догоняться?
— Чай.	— Чаем.
— <i>Ну чаю</i>	— <i>Ну чаю</i>
так чаю.	так чаю.

В редких случаях опорная лексема заменяется синонимичной (17), что, естественно, может повлечь за собой определенные стилистические модификации.

(17) ‘Петрович! Ты должен, как Андрей Болконский, пасть со знаменем у финского дота!’ — дает мне последние указания наш командир Александр Федосов. *Умереть так умереть*: ‘Есть, товарищ лейтенант, не впервый!’ [*“Карелия”*. 21.03.2002]

1.1.2 Паратаксис конструкций.

Если две (или более) фраземы ...X *tak X* выступают как элементы паратактического ряда (*X tak X, X’ tak X’*), то переменные X и X’ могут принадлежать разным дистрибутивным классам, а опорной является ситуация XX’ (18), (19). При этом говорящий выражает согласие со всей ситуацией в целом.

(18) Чтобы не вляпаться в такие дела, он стал подбирать клиенток с нестандартным возрастом и фигурой. Этим было все равно: *примерять, так примерять, лифчики, так лифчики*. [*Ф. Кривин. Передача мыслей на расстояние и обратно*]

(19) А водку пить он отказывался, мотивируя это свое категорическое не желание тем, что от алкоголя, мол, не пременно разразится горная болезнь. <...> Абдильда, выпивая с удовольствием, в спор не вступал: *болезнь так болезнь, разразится так разразится*. [*Октябрь №5, 2003*]

Если X и X’ принадлежат одному дистрибутивному классу, то они выражают различные исходы одной и той же ситуации, и говорящий выражает согласие с обоими или безразличие к выбору (20).

⁶ О немаркированности см. [14, с. 15-28]; см. еще [15, с. 179] и [16].

(20) Я знал: это – тюрьма; но самое значение слова отсутствовало еще в моем сознании. *Тюрьма так тюрьма, Академия так Академия*: называется так, и все тут. [Л. Успенский “Записки старого петербуржца”]

Частным случаем такого паратаксиса конструкций является употребление *нет так нет, да так да* (21).

(21) У меня все просто задаешь девушке прямой вопрос по поводу отношений... *да так да! Нет так нет!* Че мозги себе канифолить.... че она последняя девушка на земле что ли?! [Интернет-форум]

Характерно, что вариант *да так да* в нашем корпусе примеров не встречается. И это вполне естественно, если учесть, что *X так X* – это реакция на ситуацию, нежелательную для говорящего, а таковым в диалоге является случай, когда собеседник на вопрос отвечает отказом. Именно поэтому диалог (22) признается ошибочным.

(22) *– Золушка, любимая, ты выйдешь за меня замуж?
– О да, Прекрасный Принц!
– Ну *да так да*.

Однако можно представить и такую ситуацию, в которой положительный ответ собеседника является нежелательным для говорящего, и употребление *да так да* становится вполне мотивированным (23):

(23) – И ты, Брут?
– Да.
– Эх, ну *да так да*.

Все вышеупомянутые наблюдения можно обобщить в таблице, представляющей основные особенности конструкции ...*X так X*.

Структура	... <i>X так X</i> , где X – переменная (любая самостоятельная лексема, предлог), имеющая семантического антецедента в предшествующем контексте и принимающая морфологическую форму антецедента, дефолтную форму или – реже – являющаяся синонимом антецедента
Просодический контур	безударная частица, падение тона на конец фразы
Значение	‘неконтролируемый выбор’, а именно: ‘вынужденное согласие, отсутствие выбора, бесполезность выбора’
Прагматика	обязательный контекст

1.2. *X так X!*

Фразема полноты признака

1.2.1. Конструкция *X так X!*⁷ употребляется для указания на то, что описываемая ситуация реализует присущие ей признаки в их максимальном проявлении (24).

(24) Но уж если *пить так пить, есть так есть, танцевать так танцевать, петь так петь*, и люди быстро забывают, что они в гостях. [М. Булгаков. *Кабала святоши*]

Тестом на эту конструкцию является возможность употребляться в контексте *вот это, ну вот*. Конструкция *X так X!* также характеризуется особой просодической структурой: повышением тона к концу фразы, которое может сопровождаться большим, чем обычно, удлинением ударных гласных.

Конструкция этого типа представляется более независимой от контекста: она может употребляться в позиции на-

⁷ В дальнейшем восклицательный знак служит условным маркером фразем этого типа.

чала дискурсивного абзаца или даже текста (25, 26).

(25) *Меняться – так меняться.* Молдова обещает поставить точку в вопросе делимитации границы с Украиной завтра [*“День”, 11.07.2001, № 120*]

(26) Новый русский на отдыхе: *отрываться, так отрываться!* [*“Деловая Пенза”, 12.01.2000, № 168*]

В качестве элементов данной конструкции могут употребляться номинатив существительного (27) и прилагательного (28), инфинитивы (29) и финитная форма глагола⁸ (30), (31):

(27) Вот *встреча так встреча!* – как обухом по голове ударили Тараса бойкий голос невесть откуда взявшегося Простенки. [*О. Новикова. Мужской роман*]

(28) Ведь и там им не о чем бы было поговорить, вот штука-то. Вот уж *чужие так чужие* – на веки вечные. [*В. Шукшин. Чужие*]

(29) *Казнить так казнить, жаловать так жаловать:* таков мой обычай. [*А. Пушкин. Капитанская дочка*]

(30) Вот Чубайс *мочит так мочит* – сразу города с полумиллионным населением отключает, люди замерзают, голодают. [*“Советская Россия”, 2003.04.05*]

(31) Сам буду выступать и уж *врежу так врежу!* [*Ю. Трифонов. Дом на набережной*]

Исключительно редки случаи употребления существительного в косвенных падежах в качестве повторяющегося элемента (32):

(32) Подумал только, не приведи господи, чтобы овладели таким оружи-

ем американцы. Вот уж жди от них *горя так горя.* [*Правда*]

Примеры на служебные части речи, наречия и числительные однозначно признаются некорректными⁹.

Важно отметить, что интерпретация указанной фраземы с глагольным или адъективным наполнением однозначно указывает на ситуацию или признак в ее максимальном проявлении и в этом смысле может быть задано смысловой формулой ‘если Р, то Pmagn¹⁰’. С другой стороны, механизм интерпретации конструкций с термовым именем в позиции повторяющегося элемента может идти по двум направлениям. Каждый объект имеет какие-то внешние (цвет, размер, форма и др.) и внутренние (функции, содержание) параметры, каждый из которых может быть представлен в разной степени. Например, предложение (33) в отсутствии контекста (а для употребления *X так X!* контекстная обоснованность обязательной не является) можно интерпретировать, как минимум, двояко: ‘нос очень большой’ и ‘носитель носа обладает очень тонким обонянием’.

(33) Вот уж *нос так нос!*

Никогда не видел такого большого!

Все запахи различают!

Отдельно следует оговорить случаи употребления имени собственного в качестве переменной Х. Действительно, Х должен являться представителем некоторого класса, способным реализовываться с разной степенью интенсивности, в то время как имя собственное обозначает уникальный объект. Однако

⁸ Подчиняясь нестрогим правилам, обычно используются формы совершенного вида прошедшего времени и инфинитивы несовершенного вида.

⁹ Впрочем, возможны числительные в субстантивированном употреблении. Предложение *Вот это пять так пять!* признается нормальным, только если «пять» употребляется в значении ‘честно заработанная пятерка’, ‘крепкое рукопожатие’ и т.п.

¹⁰ Magn определяется как “обозначение ‘высокой степени’, ‘интенсивности’ (≈ ‘очень’) самой ситуации” [17, с. 89].

существуют ситуации, в которых их использование возможно, например, если такое имя получает в контексте множественную референцию.

Так, предложение (34) допустимо, если говорящий, исправляя ошибку собеседника (скажем, в купе поезда, приближающегося к Москве) указывает ему, на то, что собеседник ошибочно считал Москвой пригороды. Создается контекст, в котором существует два референта лексемы *Москва*: ошибочно принятые за таковую пригороды и настоящая Москва.

(34) Вот это *Москва так Москва*, а то, что было раньше, – только пригороды.

В нашем материале зафиксированы и другие случаи использования имен собственных, интерпретация которых подразумевает наделение имени собственного некоторыми известными говорящим “прототипическими” признаками. Например, в обсуждении удачной игры теннисистки Марии Шараповой возможно употребить конструкцию *X так X!*, при этом совершенно ясно, какой признак в его максимальном проявлении имеется в виду.

(35) Вот *Маша так Маша!* Молодец. Боец хороший. [Интернет-форум]

1.2.2. Паратаксис конструкций. Фраземы *X так X!* могут образовывать парадигматические цепочки, только если валентности заполнены элементами одинаковых дистрибутивных классов. Исходная конструкция при этом состоит из двух ситуаций (*X* и *X'*), которые могут развиваться параллельно (36) или взаимоисключать друг друга (37).

(36) Не скрою, что Рикки гораздо более темпераментный гражданин, чем среднестатистический колли. Все у него от

души: *веселиться, так веселиться! Драться, так драться! Бояться, так бояться!* [Интернет-форум]

(37) Что поделаешь, климат континентальный, не знает погода меры – *холод так холод, жара так жара.* [Октябрь №9, 2002]

Структура *X так X!*, где *X* – переменная, на месте которой может стоять номинатив (редко косвенный падеж) прилагательного или нарицательного (редко собственного) существительного, финитная форма глагола или инфинитив.

Просодический контур	бездарная частица, может сопровождаться большим чем обычно удлинением ударных гласных.

Значение	‘наибольшее проявление признака’.

2. ДИАХРОННЫЙ ПОДХОД: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Современные подходы к исследованию фразем (в том числе и синтаксических), сделанные на материале разных языков, выявили эффективность исторических подходов, которые позволяют объяснить идиоматичность современных единиц их историей [18-20 и др.]. Наша дальнейшие рассуждения инспирированы именно этими идеями.

Очевидно, обе конструкции тесно связаны с еще одной – условным предложением, состоящим из двух клауз, связанных одним из союзов из закрытого списка: если–то (38), если–так (39), когда–так (40), коли–так (41).¹¹

(38) Но уж если говорить, то говорить начистоту [Ю. Домбровский. *Хранитель древностей*]

¹¹ В рамках некоторых теорий предложения типа *Если X так X* считаются сложными предложениями, которые сочетают в себе свойства сложносочиненных и сложноподчиненных предложений (см. подробнее [21, с. 33-37] и [22 с. 259-265]).

(39) Уж если быть черным, так черным, как уголь [Л. Гончаров. *Фрегат "Паллада"*]

(40) Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! [Н. Гоголь. *Ревизор*].

(41) Я человек простой, по-старому поступаю. По-моему: коли барин – так барин, а коли мужик – так мужик... Вот что. [И. Тургенев. *Записки охотника*]

Однако характер этой связи, диахроническая и синхронная производность/автономность нуждаются в дополнительной экспликации. Теоретически три конструкции могут быть связаны отношениями четырех типов:

1. Полная условная конструкция – база для независимого развития двух других конструкций.

2. От условной конструкции образовалась конструкция *X так X!*, из которой уже в свою очередь образовалась ...*X так X*.

3. От условной конструкции образовалась конструкция ...*X так X*, от которой уже в свою очередь образовалась *X так X!*

4. Для полноты картины можно предположить, что все три конструкции развивались независимо друг от друга.

К нашему разочарованию в древнерусском материале не удалось обнаружить ни одного примера синтаксической редупликации исследуемых типов¹². Первое появление конструкций,

близких по структуре к анализируемым в настоящей статье, датируется XVIII веком.

Ни шапка, ни картуз, ни шляпа, ни чалма

Не могут умножать нам данного ума

Темноволосая, равно и белокура,
Когда умна – умна, когда глупа –
так дура.

[А. Сумароков “О французском языке”]

Взманило это Вороненка,

Да только думает он так:

“Уж брать, так брать,
А то и когти что марать!”

[И. Крылов “Вороненок”]

В течение XIX в. употребление этих конструкций широко распространилось в русской литературе, как кажется, под влиянием Н. В. Гоголя.

Однако даже на основании представительной выборки текстов мы не можем с уверенностью констатировать полное отсутствие синтаксических редупликатов типа *X так X* в древнерусском языке. Известно, что синтаксис письменных источников подвергся влиянию некоторой стандартизации, которой не смогли полностью избежать даже новгородские берестяные грамоты (как пишет А. А. Зализняк, “почти свободны[е] от этого влияния” [23, с. 155] ср. [26]), не говоря уже о летописях, житиях и других текстах церковнославянской ориентации. Что же касается

¹² Конечно, необходимо учитывать влияние известного ответа Пилата: *εже писахъ писахъ* (др.-греч. ἀπέκριθ ο Πλάτος, Ο γέγοφα, γέγοφα; Ин: 19:22), однако нам не удалось обнаружить структурных аналогов этой старославянской (или древнегреческой) редупликации в древнерусских текстах. Просмотренный корпус древнерусских текстов состоит из более чем сотни текстов, включая «Повесть временных лет», «Домострой», «Житие протопопа Аввакума», «Соборное уложение» (1649 г.); древненовгородские грамоты (более 1000 ед.) обследовались отдельно по изданию [23]. Отметим, что список древнерусских союзов существенно отличался от современного русского (*аще/аще* (из старославянского), *аче, буде ес(ть)ли* и др.; см. [24, 25, с. 239-247]).

ется рассматриваемых единиц, то они, являясь элементами разговорного синтаксиса,¹³ в принципе могли быть употребительными в устной речи, но так и не зафиксированными в имеющихся источниках.

Косвенным аргументом в пользу такого решения служит материал генетически родственных языков.¹⁴ Приведем некоторые примеры

Слав.	болгар-	Ако ще	(Если) пить,
	ский	пием,	(то) пить
		да/нека	(много) /
		пием.	(Если) я
чешский	Když	piju, tak	пью, (то)
		piju.	пью (много).
поль-	...Pić – to		
ский	pić.		
украин-	Як пити		
ский	то пити!		
Балт.	литов-	(Jei)	
	ский	gerti, tai	
		gerti!	
	латыш-	(Ka)	
	ский	dzert, ta	
		dzert!	
Герм.	англий-	If I drink,	
	ский	I drink.	
	немец-	Wenn ich	
	кий	trinke,	
		dann	
		trinke	
		ich. ¹⁵	
	швед-	När jag	
	ский	drack, så	
		drack jag	
		(mycket).	

норвеж-	Drikken
ский	man så
	drikken
	man.
голланд-	Drink je,
ский	dan drink
	je.

Представленный материал показывает широкое распространение полной (условной) конструкции (с разными видами элиминирования элементов) в ряде индоевропейских языков¹⁶. Все это позволяет предположить, что исторически первичной была полная условная конструкция, состоящая из двух клауз, которая представляла собой полное тождество семантической и поверхности-синтаксической структуры. Как кажется, впоследствии из нее развились сокращенные варианты, при этом элиминации подверглись следующие элементы:

- ‘если’ (норвежский, голландский; факультативно литовский, латышский);
- ‘так’ (английский);
- периферийные элементы, напр., интенсификатор со значением *Magn* (факультативен во всех языках).

Что касается русского языка, то нам представляется, что русские фраземы *X так X!* и ...*X так X* развиваются по принципиально разным сценариям, что мы и продемонстрируем ниже.

2.1. Гипотеза образования ...*X так X*

Ключевым элементом в возникновении и развитии этой фраземы является

¹³ Это подтверждается и тем фактом, что частица *tak* является маркером разговорного регистра [27, с. 252].

¹⁴ Важно отметить, что синтаксическое удвоение довольно типично для некоторых романских языков, например, для испанского, португальского, итальянского и галисийского, однако, как кажется, чуждо французскому языку, который, как известно, в XVIII и XIX вв. оказал значительное влияние на русский. Указанное обстоятельство исключает возможность заимствования из французского.

¹⁵ Немецкое выражение *Wenn schon denn schon* (≈Делать, так делать) по структуре напоминает соответствующее русское выражение, но на самом деле является лексической фраземой, в которую нельзя подставить другие единицы, и которая, следовательно, функционирует как лексическая единица, а не как синтаксическая конструкция.

¹⁶ И не только индоевропейских, двухклаузные предложения вида *Если X, так X* существуют, например, в финском и эстонском языках.

опора на контекст. При этом место переменной *X* занимает единица, являющаяся ремой опорного высказывания¹⁷. В то же время невозможно считать фраземы этого типа эллипсисом существующей в контексте полной структуры.

Так, в примере (42)

(42) а) – Пойдем в школу.

б) – Ну, *в школу так в школу...*

предложение (42б) не является эллипсисом (42а), как минимум, по трем причинам:

– в конструкции появляется дополнительный элемент *так*;

– конструкция обладает безусловным семантическим отличием от “исходной”;

– даже если и признавать в конкретном примере (42) эlimинирование глагольной вершины с сохранением зависимого актанта, то невозможно объяснить таким же образом примеры типа (13), в котором именительный падеж лексемы *Париж* очевидно не зависит от глаголов из контекста, и признать в этой клаузе эллипсис было бы некоторой натяжкой.

(13) Но тут объявили регистрацию на рейс, как ни странно вылетающий до Парижа. “Ну что? – спросил я жену. – Может, останься?” я и впрямь готов был выйти из игры, чтобы не становиться для всех обузой. Но тут кто-то спросил: “Ваш чемодан?” – “Мой”. – “Ну так чего он тут стоит?” – И потащил его на весы. Мы зарегистрировались по списку и по групповому билету. Ну что ж, *Париж так Париж*.

Итак, с точки зрения порождения конструкций ...*X так X* в современном русском языке можно сформулировать правило повторения ремы: место перемененной *X* занимает рема опорного высказыва-

ния. Это объясняет употребление конструкции в современном русском языке, в частности практически открытый список переменных *X*. Однако оно оставляет открытый вопрос об их возникновении и о потенциальной связи с условным предложением.

При поисках ответа на этот вопрос необходимо заострить внимание на следующем. Анализ примера (42) убеждает нас, что в подобных конструкциях трудно найти следы анафорического эллипсиса первой реплики диалога. С другой стороны, предложная группа *в школу*, очевидно, указывает на наличие вершины, которая управляет группой. Глагол *пойдем* в качестве кандидата на роль вершины потенциально возможен, но является решением *ad hoc* и не объясняет описанных выше ограничений и модификаций, в частности меню форм на дефолтную в примерах типа (13). Поиски альтернативного кандидата могут привести к результату, который связан с анализом семантики фраземы. Поскольку эти фраземы употребляются как реакция на некоторый императив, просьбу, запрет и т. д., или, говоря вообще, на ситуацию, ограничивающую возможности говорящего, они содержат сильный модальный компонент (грубо говоря, выражают согласие в необходимости). Указанная причина позволяет реконструировать в исходной модели модальный компонент на поверхностном уровне, который, вероятно, выражался конкретными модальными лексемами, однако впоследствии был эlimинирован. Таким образом, если возвращать фразему ...*X так X* к условному предложению *Если X, так X*, то последнее реализовывалось как двухклаузное предложение с модальной лексемой в вершине первого компонента и, вероятно, естественным анафорическим эллипсисом вершины во второй клаузе:

¹⁷ Благодарим А. Летучего за это наблюдение.

*Если надо в школу, так Ø в школу*¹⁸. Таким образом, пропуская возможные промежуточные этапы, историю развития этого типа можно представить так:

(43) Если ‘надо’ X, так Ø X → X так X.

При этом модальный компонент значения сохраняется во фраземе и после сокращения поверхностной структуры¹⁹.

Такое объяснение, хотя и не лишенное определенной гипотетичности, позволяет объяснить целый ряд особенностей фраземы ...X *tak X*.

1. Ограничение на употребление императива и сослагательного наклонения. При употреблении этих форм в условном предложении возникает запрещенное наложение модальных семантических компонентов: **Если должен уходи, так уходи*. Соответственно, в производной фраземе наследуется это семантическое ограничение: **Уходи, так уходи*.

2. Ограничение на употребление модальных лексем на месте переменной X. Это ограничение не является абсолютным. Так, модальные предикаты со значением долженствования (*Hy, надо так надо*) хорошо занимают позицию переменной именно потому, что в исходном полном предложении занимали положение вершины: *Если надо Y, так надо Y*. С другой стороны, модальные предикаты со значением возможности гораздо хуже подходят на роль заполнителей X как раз потому, что в русском языке затруднено создание групп с вершиной и зависимым, выраженным модальными лексемами: **Если должен мочь, так мочь* (и соответственно **Мочь так мочь*).

3. Как кажется, меня морфологической формы переменной X на дефолтную объясняется тем фактом, что в современном русском языке при употреблении этой фраземы память об исходной модели управления стирается (если уже нестерлась), и язык по необходимости выбирает нейтральные формы.

4. Сложнее объяснить использование спрягаемых форм глагола, которые достаточно свободно используются в качестве переменной X. Учитывая, что в русском языке запрещены группы вида *надо пойдем, можно привести два объяснения естественности фразем типа *Hy, пойдем так пойдем*. Первое состоит в том, что фраземы оторвались от исходной двухклаузной модели, и список переменных X постепенно расширяется. Другое объяснение выглядит менее убедительным и состоит в том, что исходная структура имела вид “Если надо, что X [машину угонят], так пусть [машину угонят]”, она впоследствии пережила тот же процесс языкового сокращения.

Таким образом, признание в качестве исторически исходной для фраземы ...X *tak X* двухклаузной структуры с модальной единицей в качестве вершин позволяет объяснить многие особенности современного поведения этой фраземы. При этом необходимо отметить, что модальный семантический компонент, перешедший “по наследству” от исходного предложения к производной фраземе, имеет гораздо более сильное влияние, чем “память” о моделях управления, которая постепенно стирается, позволяя фраземе включать переменные, запрещенные в исходной структуре.

¹⁸ Такого рода анафорический пропуск хорошо описан на материале английского языка и носит название gapping (см. [28]).

¹⁹ По-видимому, невозможно точно указать, какие конкретно модальные лексемы могли использоваться в предложениях такого рода. Вероятнее всего, это был целый ряд лексем с компонентом ‘надо’.

2.2. Гипотеза образования *X так X!*

Фразема *X так X!*, с одной стороны, обладает достаточно жестким набором ограничений на переменную, однако с другой, – она свободна от контекста.

Напомним, что в качестве переменной *X* могут употребляться начальные формы и спрягаемые формы глагола, а все остальные формы оказываются менее употребительными. Возможное объяснение может быть связано с тем, что именно эти формы тяготеют к синтаксическому центру предложения, т. е. к таким морфологическим формам, которые естественно занимают позицию склоняемого (вершинную позицию в структуре предложения). Другими словами, *X* – ситуация, которая:

- задает (в норме) однозначную интерпретацию;
- поддается некоторой оценке, поэтому использование оценочного оператора *Magn* по отношению к ней выглядит естественным.

Именно по этой причине глаголы естественно заполняют переменную *X* и имеют (при условии однозначности самой лексемы) однозначную интерпретацию: ‘полная реализация прототипической ситуации или признака’. Этим же объясняется и естественное использование прилагательных и предикатных имен типа “сволочь”, “молодец”.

Однако термы также могут использоваться в качестве переменных данной конструкции, потому что объекты, ими обозначаемые, принимают участие в ситуации и могут быть оценены в рамках конкретной ситуации. И именно на этом основана многозначность интерпретации предложений типа “Вот уж *нос так нос!*”: оценивается не сам “нос”, а некоторый его параметр, и

только знание ситуаций (опора на контекст) может помочь в выборе правильного прочтения фраземы. Нам представляется, что возможные этапы развития указанной фраземы можно представить следующим образом.

1. *X так X!* употребляется только для обозначения ситуации или признака, т. е. с предикатными единицами, и в этом смысле исторически связана с полной двухпредикатной структурой “Если *X*, так *X Magn*²⁰”, в которой условие максимального проявления ситуации или признака задается эксплицитно²¹. Как показывает материал многих языков, результаты эллипсиса конкретных элементов (союза или лексемы со значением *Magn*) могут различаться, однако ядро конструкции сохраняется. С течением времени элемент *Magn* становится факультативным, а позже устраняется совсем, передавая семантику конструкции. Поддерживается идиоматизация и повторением элементов (которое, вообще говоря, составляет основу семантической деформации во многих тавтологических выражениях). При этом устранение условного союза также выглядит естественным: условная семантика в производной фраземе становится периферийной, в то же время легко восстанавливаясь из контекста.

2. Дальнейшая экспансия *X* приводит к тому, что появляется возможность заполнить переменную не только предикатной лексемой, но и термовой. Однако он должен иметь, во-первых, неуникальный референт, а во-вторых, обозначать объект, обладающий набором прототипических функций или признаков.

3. Постепенно список переменных *X* расширяется, однако обязательным ус-

²⁰ Понятно, что в древнерусском языке союз и лексема со значением ‘*Magn*’ могли варьироваться.

²¹ Строго говоря, у нас нет никаких фактических оснований утверждать, что *Magn* являлся обязательным и исторически первичным элементом такого рода предложений. Известно, что во

ловием является наличие некоторых атрибутов в прототипическом представлении об объекте или же приписывание этих атрибутов в контексте. Так появляется возможность использовать переменные типа “дети” (в прототипическом объекте хорошо заданы только внешние атрибуты: маленькие, непоседливые и т.д.). На месте X может появляться имя собственное “Вот *Masha tak Masha!*”, однако оно интерпретируется не как “настоящая Маша, соответствующая прототипическому представлению о Маше”, а как интенсивное проявление ясного из контекста признака: “настоящий боец”. Однако запрет на употребление служебных частей речи, наречий и числительных сохраняется, поскольку они не могут быть интерпретированы как ситуации и в большинстве своем не

4. допускают оценки Magn. В то же время, как показывают наши наблюдения, дальнейшее развитие этих фразем идет в сторону расширения списка переменных, если это не противоречит указанным выше семантическим условиям. Так, большинство наших информантов признают корректными предложения типа (44):

- (44) – А где живет этот твой приятель?
– Ну в какой-то Тымутаракани.

многих современных языках тавтологические высказывания строятся по моделям, не предполагающим обязательного уточняющего компонента. Однако неясно, является ли это более поздним поверхностным эллипсисом глубинной семантической категории или же тавтологичные конструкции изначально употреблялись без него (Ср. “дети есть дети”, где “реконструкция” поверхности единицы для смысла ‘типичные, обычновенные’ выглядит натяжкой). Кажется, для всех случаев тавтологии такого рода (назовем ее предикатной в отличие от атрибутивной типа “этот прекрасный прекрасный мир”, которая имеет гораздо большее отношение к морфологии см. [29]) можно сформулировать следующее правило: тавтологические высказывания, как и любые другие, должны содержать не больше, но и не меньше информации, чтобы быть осмысленными (первый постулат П. Грайса). Осмысление тавтологии возможно на оппозиции концептного и референтного элементов значения, при этом концептная зона значения, естественным образом реализуясь в предикате, осмыслиается как соответствующая/несоответствующая референту. Говоря другими словами, любое тавтологическое высказывание по-разному решает один вопрос: насколько данный референт соответствует прототипическому представлению о классе. Таких решений может быть всего два: либо референт соответствует идеальному (=среднему) представлению о классе, либо он соответствует некоторому предельно допустимому (отрицательному или положительному) воплощению.

Вот уж в *Тымутаракани так в Тымутаракани*, ни на одной машине не прокатить.

ВЫВОДЫ

1. В современном русском языке существует два типа синтаксических фразем, омонимичных в некоторых презентациях, однако обладающих разной семантикой и pragmatikoy, различными правилами заполнения переменных и разной, хотя и близкой историей развития.

2. Описанные синтаксические фраземы *X tak X!* и ...*X tak X* являются глубинными синтаксическими структурами, которые обладают порождающим потенциалом, сопоставимым со “свободными” моделями. Другими словами, указанные модели позволяют создавать бесконечное количество правильных русских предложений. В этом смысле они являются частью русского глубинного синтаксиса и заслуживают не меньшего внимания лингвистов, чем любые другие синтаксические модели.

3. Отсутствие прямых доказательств существования *X tak X!* и ...*X tak X* в древнерусском языке не позволяет точно описать их происхождение. В письменных источниках они появляются только в начале XVIII века. Однако

типовидные данные говорят в пользу того, что обе конструкции *X так X* восходят к условной конструкции с союзом *если* (или его синонимами). Важным является то обстоятельство, что обе фраземы образуются схожим образом – путем устранения элементов поверхностной структуры. Однако исходные двухклаузные предложения для обоих фразем представляли собой единицы с принципиально различным лексическим наполнением: одна серия предложений содержала лексему со значением *Magn* и служила основой для образования фраземы *X так X!*, тогда как вторая содержала модальный компонент и служила, соответственно, основой для образования фраземы ...*X так X*. Учитывая эти обстоятельства трудно признать, что обе фраземы являются производными друг друга, их развитие – скорее параллельный процесс. Важно отметить, что эллипсис элементов поверхностной структуры и связь фразем с материнской структурой – процессы, исторически завершившиеся. В современном русском языке обе фраземы не являются ни трансформацией “Если X, так X”, ни поверхностным эллиптическим представлением общей глубинной модели, хотя обе и обладают некоторыми идиоматическими ограничениями, хорошо объяснимыми с точки зрения истории языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве заключения осмелимся предложить несколько более общих размышлений о природе синтаксической идиоматизации, которые можно сформулировать в виде ряда принципов. Предложенный ниже список далеко не исчерпывающий, а сами принципы не являются ни

системно упорядоченными, ни строго обязательными. Скорее список представляет собой первый набросок еще не созданного исследования, посвященного принципам синтаксической идиоматизации.

1. Наш материал подтверждает вывод, сформулированный в работе [18]:

Не существует определенного момента, на который можно указать, говоря: “Вот где конструкция входит в грамматика”. Скорее длительный процесс локальных модификаций по аналогии ведет вариативность идиоматического использования к постепенному росту продуктивности вплоть до их фиксации на уровне синтаксических правил²². [18, с. 228]

Важно отметить, что фраземы в своем развитии опираются на узус, что предполагает конкретное лексическое наполнение. Так, для возникновения фразем *X так X!* серия лексем со значением *Magn* в исходной условной конструкции обеспечила переход значения от лексемы (ставшей факультативной) к синтаксической конструкции. Перефразируя и объединяя два объяснения (Production Principle и Comprehension Principle), выдвинутых в [18, с. 229], можно сформулировать следующий *принцип узульного сходства*:

Синтаксическая фразема может сформироваться на основе поверхностных реализаций материнской структуры, объединенных общим списком лексических переменных, путем постепенной модификации условий употребления этих переменных.

2. Второй принцип синтаксической идиоматизации может быть сформулирован как *принцип кристаллизации*²³. Суть его состоит в том, что синтаксические фраземы часто содержат в своем

²² There is no single moment we can point to and say, “This is where the construction entered the grammar.” Rather, a long process of local analogical extensions led a variety of idiomatic usages to gradually gain in productive strength even as they settled into a rigid syntax.

²³ Термин заимствован из выступления С. Кеммер на конференции *“Interdisciplinary Themes in Cognitive Language Research”* (Хельсинки, 2005; см. близкую формулировку в [19]).

составе конкретную лексему, обычно служебную²⁴. Примерами английских конструкций такого рода могут быть известные обороты с *let alone* или *there*, хорошо описанные исследователями, работающими в рамках Грамматики конструкций и идеологически близких направлений ([3, 6]). Исследованные в нашей статье русские фраземы являются примером такого же рода кристаллизации, суть которой сводится к следующему:

синтаксическая фразема может возникнуть на основе кристаллизации синтаксических структур вокруг (служебной) лексической единицы, часто употребляемой в смещенном значении. Эта лексема входит в состав глубинной синтаксической структуры.

По-видимому, указанные два принципа коррелируют друг с другом в том плане, что серия близких по семантике полнозначных лексем в исходной структуре создает условия для возникновения ограничений на переменные в результирующей фраземе, а служебная лексема выполняет роль своеобразной синтаксической “оси”, на которую “насаживаются” эти переменные.

3. Наконец, последний из предлагаемых принципов может быть назван *принципом периферийности*. Как было показано в настоящей статье, одной из причин исторического развития исследованных фразем стало то обстоятельство, что обе формировались на базе эллиптических реализаций исходной структуры (таких, как эллипсис модификатора Magn). Периферийная трансформация такого рода формирует поверхностную единицу, которая может быть достаточно далека от центральной,

прототипичной манифестации. При определенных условиях этот процесс может привести к отрыву от исходной модели и появлению фраземы, которая со временем закрепляется в языке: в Грамматике, если эти ограничения, (как в случае с фраземами X так X! и ...X так X) определяют достаточно широкий список переменных, или в Словаре, если ограничения сводятся к закрытому списку лексем (так происходит с близкой к рассмотренным лексической фраземой “Умирать так с музыкой” (см. [13])). Таким образом, *принцип периферийности* состоит в том, что:

нецентральная реализация глубинной структуры может оформиться в самостоятельную фразему; чем более частотной и невариативной она является, тем больше вероятность ее фиксации в Словаре (лексическая фразема), чем она менее частотна и более вариативна, тем больше вероятность ее фиксации в Грамматике (синтаксическая фразема).

Мы далеки от мысли, что этот список хоть насколько-то близок к полноте, но надеемся, что дальнейшие исследования в области синтаксической идиоматики позволят его уточнить и расширить. Однако языковой опыт, зафиксированный в исследованных фраземах, позволяет предположить, что завершенность в этой сфере вряд ли достижима: *Изучить так изучить!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mel'čuk, I. A., 1995: Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics. / M. Everaert, E J. van der Linden, A. Schenk, and R. Schreuder // Idioms: Structural and Psychological Perspectives. Hillsdale, New Jersey, Hove, UK: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 167–232.
2. Mel'čuk, I. A., 1995a: Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe mod-

²⁴ Это обстоятельство, вообще говоря, позволяет использовать альтернативный способ их описания, представляя их как особую (связанную) сочетаемость служебных лексем и, соответственно, помещать описание в словарь. Такой подход выглядит более приемлемым, например, при компьютерной обработке текста.

- erne. // Русский язык в модели Смысл – текст. Vienna/Moscow: Wiener Slawistischer Almanach/Škola Jazyki russkoj kultury, pp. 325–346.
3. Fillmore, Ch., Kay, P., & OConnor, M., 1988: Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let alone. // Language, 64/3: pp. 501–538.
 4. Goldberg, A., 1995: Constructions. A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press.
 5. Kay, P., Fillmore, Ch., 1999: Grammatical Constructions and Linguistic Generalizations: The Whats X doing Y? Construction. // Language, 75/1, pp. 1–33.
 6. Lakoff, G., 1987: Women, Fire, and Dangerous Things: what Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press.
 7. Langacker, R. 1988-1991: Foundations of Cognitive Grammar. V. 1–2. Stanford: Stanford University Press.
 8. Kemmer, S. & Barlow M. 2000: A Usage-based Conception of Language. LAUD, Series B, № 295.
 9. Шведова, Н. Ю. 1960: Очерки по русскому разговорному синтаксису. Москва.
 10. Фразеология и синтаксис. 1982, Казань.
 11. Величко, А.В. 1996: Синтаксическая фразеология. Москва.
 12. Всеволодова, М.В., Лим Су Ён 2002: Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов. Москва.
 13. Коротов, М. 2005: ГУЛЯТЬ ТАК ГУЛЯТЬ: Between Grammar and Dictionary. // East West Encounter. Second International Conference on Meaning–Text Theory., Moscow, pp. 225–236.
 14. Мельчук, И. А. 1998: Курс общей морфологии. Т. II., Москва–Вена: Языки русской культуры.
 15. Chvany, C. V. 1996: Hierarchies in the Russian Case System: for N–A–G–L–D–I, against N–G–D–A–I–L. // Selected Essays. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, pp. 175–189.
 16. Богданов, В.В. 1980: Семантико-grammaticheskiy status infinítiva. Opyt tipologicheskogo analiza. // Исследования по семантике, Вып. 6. Уфа, с. 164–182
 17. Мельчук, И. А 1974: Опыт теории лингвистических моделей "Смысл – текст". М., Наука.
 18. Israel, M. 1996: The Way Constructions Grow. // Conceptual Structure, Discourse and Language. / Adele Goldberg, (ed.). Stanford: CSLI. pp. 217–230.
 19. Kemmer, S. 1994: Pattern crystallization in syntactic change. // Paper presented at the Symposium on Synchronic and Diachronic Aspects of Grammaticalization. Sophienberg Slot, Rungsted, Denmark, October 9–11, 1994.
 20. Croft, W. 2000: Explaining language change: an evolutionary approach. London: Longman.
 21. Haspelmath, M. 2004: Coordinating Constructions. Coordinating Constructions. Amsterdam – Philadelphia, pp. 3–40.
 22. Тестелец, Я.Г. 2001: Введение в общий синтаксис. Москва.
 23. Зализняк, А.А. 2004: Древнерусский диалект. Москва.
 24. Лавров, Б. В. 1941: Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. Москва, Ленинград.
 25. Структура предложения 1983: Структура предложения в древнерусском языке. Москва.
 26. Мещерский, Н.А. 1995: К изучению языка и стиля новгородских грамот. // Мещерский Н.А., Избранные статьи. Санкт–Петербург, с. 108–147.
 27. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. 1979, Москва.
 28. Jackendoff, R. 1971: Gapping and related rules. // Linguistic Inquiry 2 (1), pp. 21–36.
 29. Lindström, Jan 1999: Vackert, vackert! Syntaktisk reduplikation i svenska [Beautiful, beautiful. Syntactic reduplication in Swedish.] (Studier i nordisk filologi 77.) Svenska litteratur-sällskapet i Finland, Helsingfors.

Материал принят к опубликованию 16.11.06

ВЫВОДЫ / SUMMARY

...мы продолжили эти <...> дороги. Дороги – это, может быть, слишком громко, но тропы – безусловно (И. Бродский)

Частные выводы

Итак, в статьях, включенных в диссертацию, представлены в динамическом развитии несколько синтаксических конструкций. Их объединяет то, что все они являются полными предложениями в современном русском или финском языках и в то же время обладают уникальными свойствами, позволяющими рассматривать их с точки зрения идиоматизации синтаксиса. Не все исследованные конструкции являются фраземами в современном языке, но и в диахронической перспективе все они таковыми, безусловно, были. В работе описаны восемь синтаксических конструкций, у некоторых из них выделены и описаны разновидности, обладающие определенным своеобразием.

Русские:

- Фразема полноты признака (X так $X!$): *Гулять так гулять!*;
- Фразема неконтролируемого выбора (... X так X): *(Ну,) гулять так гулять...*;
- Бессвязочные предложения (\emptyset cop constr): *Окно сломано*;
- Предложения с нулевым глаголом *быть* (\emptyset be constr): *Мама здесь*;
- Предложения с пропуском других полнозначных глаголов (\emptyset v constr): *Татьяна в лес*.

Финские:

- Бессвязочные предложения (\emptyset cop constr): *Ikkuna rikkki* ('окно сломано');
- Предложения с нулевым глаголом *быть* (\emptyset be constr): *Äiti täällä* ('мама здесь');
- Предложения с пропуском других полнозначных глаголов (\emptyset v constr): *Kaikki tuumälöihin!* ('все в магазин').

Ниже кратко повторяются те частные выводы, которые были сделаны в итоговых частях соответствующих статей.

1. В современном русском языке можно выделить два типа синтаксических фразем вида X так X , омонимичных в некоторых репрезентациях, однако обладающих разной семантикой и прагматикой, различными правилами заполнения переменных и разной, хотя и близкой историей развития.

	...X так X	X так X!
Структура:	X – переменная (любая самостоятельная лексема, предлог), имеющая семантического антецедента в предшествующем контексте и принимающая морфологическую форму антецедента, дефолтную форму или – реже – являющаяся синонимом антецедента.	X – переменная, на месте которой может стоять номинатив (редко косвенный падеж) прилагательного или нарицательного (редко собственного) существительного, финитная форма глагола или инфинитив.
Просодический контур:	безударная частица, падение тона на конец фразы.	безударная частица, может сопровождаться большим чем обычно удлинением ударных гласных.
Значение:	‘неконтролируемый выбор’, а именно: вынужденное согласие, отсутствие выбора, бесполезность выбора.	‘наибольшее проявление признака’.
Прагматика:	обязательный контекст	контекстно-свободные

Обе фраземы восходят к условной конструкции с союзом *если* (или его синонимами) и образуются схожим образом – путем устранения элементов поверхностной структуры с принципиально различным лексическим наполнением: одна серия предложений содержала лексему со значением *Magn* и служила основой для образования фраземы *X так X!*, тогда как вторая содержала модальный компонент и служила, соответственно, основой для образования фраземы *...X так X*.

2. Русские и финские предложения, не имеющие глагола в поверхностной структуре, демонстрируют разные условия употребления, разную степень идиоматизации и разную историю. Следующая таблица обобщенно представляет степень идиоматизации конструкций в современных языках (от свободных до в высшей степени идиоматизированных конструкций).

	Семантические ограничение	Прагматические ограничение
русские <i>Ø</i> соп-	—	—
русские <i>Ø</i> бе-	+	—

русские Øv-	+	+
финские Øсор-	+	+
финские Øбе-	+	+
финские Øv-	+	+

Несмотря на высказанную в научной литературе гипотезу о взаимовлиянии финского и русского языков в этой области, собранный исторический материал демонстрирует скорее разные и независимые друг от друга процессы развития.

- Русские предложения развиваются путем постепенного многовекового расширения списка глаголов, допускающих эллипсис: от Øсор- к Øбе- и далее к Øv-конструкциям. В итоге развития в современном русском языке представлены несколько типов синтаксических единиц в разной степени идиоматизированных, в которых элиминации подверглись глагольные классы, представленные связкой *быть*, полнозначным глаголом *быть* ‘иметься, находиться’ и глаголами движения.
- Финские безглагольные фраземы с трудом поддаются однозначной диахронной интерпретации. При известной ограниченности исторических данных можно говорить лишь о более раннем возникновении бессвязочных предложений. В то же время большинство финских фразем хорошо укладываются в рамки pragматической ситуации, в которой реципиент мотивируется делать (или не делать) что-нибудь («фрейм мотивации»). Грубо говоря, почти все финские безглагольные фраземы используются в ситуации запрета или разрешения.

При очевидной разнице в хронологии и внутреннем сюжете развития конструкций в двух языках можно сформулировать общий когнитивный механизм возникновения такого типа фразем. Они могут возникнуть, если исходно употреблялся глагол с размытым значением, семантика которого перекрывалась более специфичной семантикой комплемента (неблизайшего актанта или сиррконстанта¹), при этом pragmaticкие факторы поддерживали конденсированную форму выражения.

Общие выводы: принципы синтаксической идиоматизации

Главной целью настоящей работы является формулировка общих принципов идиоматизации, которые вызывают развитие синтаксических фразем в языке. Продолжая метафору тропы, предложенную Р. Келлером, можно сказать, что в процессе употребления языка часть синтаксических фразем превращается в торные дороги, регулируемые «правилами синтаксического движения»; другие неизвестны чужестранцам, но позволяют аборигену

¹ Ср. с иерархией выбора акцентоносителя, предложенной Т. Янко (Янко 2007): предикат > сиррконстанты > актанты.

«срезать угол»; третьи же так и остаются глухими тропками окказионального употребления.

Объектом настоящего исследования стали только «предикативные» фраземы, безусловно обладающие своеобразием (коммуникативная автономность, законченный интонационный контур и др.). Поэтому трудно сказать, насколько принципы, представленные ниже, могут быть экстраполированы на другие языковые единицы (напр., словосочетания). Трудно даже сказать, насколько они регулярны и в какой степени взаимозависимы. Каждый из этих принципов может действовать автономно и приводить к разным результатам. Принципы синтаксической идиоматизации еще предстоит изучить. Предлагаемый ниже список – лишь первый шаг в этом направлении.

Принцип конструтикона

Не существует границы между грамматикой и словарем. Устойчивое выражение или клише, зафиксированное в словаре, может послужить толчком для развития синтаксической фраземы путем расширения списка лексических переменных и, в конечном итоге, может стать основой для формирования полноценной синтаксической модели, организованной по определенным правилам порождения.

Принцип кристаллизации

Синтаксическая фразема может возникнуть на основе кристаллизации синтаксических структур вокруг (служебной) лексической единицы, часто употребляемой в смещенном значении. Эта лексема становится неотъемлемой частью конструкции.

Принцип структурной периферийности

Некентральная, периферийная реализация предложения может оформиться в самостоятельную фразему; чем более частотной и невариативной она является, тем больше вероятность ее фиксации в Словаре (клише, лексическая фразема), чем она менее частотна и более вариативна, тем больше вероятность ее фиксации в Грамматике (синтаксическая фразема).

Принцип узуального сходства поверхностных структур

Синтаксическая фразема может сформироваться на основе поверхностных реализаций материнской структуры, объединенных общим списком лексических переменных, путем постепенной модификации условий употребления этих переменных.

Принцип приоритета pragmatики

Прагматические свойства фраземы являются не периферийными, а основными для языковых изменений. Прагматические ограничения могут стать первым шагом на пути формирования новой синтаксической единицы.

Принцип старения

Степень идиоматизации есть проекция временного промежутка, в течение которого единица существует в языке. Определенные факторы могут замедлять или ускорять этот процесс, но в целом, чем дольше синтаксическая единица существует в языке, тем с большей вероятностью она станет неидиоматизированной, и тем больший список переменных она будет способна принимать.

Принцип сохранения значения

Общий объем информации, выражаемый самостоятельной синтаксической единицей, стремится оставаться постоянным, хотя форма выражения может меняться. Так, изначально композициональное содержание высказывания, эксплицитно представленное синтаксически связанными лексемами, в результате эллипсиса может быть частично делегировано всей конструкции, превращая последнюю в синтаксическую фразему.

СПИСОК РУССКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕМ / A LIST OF RUSSIAN SYNTACTIC PHRASEMES

Список составлен на основе литературы, указанной в Предисловии, не претендует на полноту и содержит очевидные противоречия, связанные с разными исследовательскими стратегиями. Он включает синтаксические фраземы, близкие к изучаемым по следующим параметрам: схемы соответствуют простым предложениям, которые свободно употребляются в современном русском языке без сильной контекстной поддержки. Задача этого списка состоит лишь в том, чтобы обозначить материал для будущих исследований и обобщений.

1. Что за + N (Что за прелест!)
2. Вот + N/Adj/Adv/V. (Вот дурак!)
3. Вот так + (соп) + N, Adj, Adv, V. (Вот так история!)
4. Вот + N/Adj/Adv/V + так + + N/Adj/Adv/V. (Вот дурак так дурак!)
5. Вот это+ N/Adj/Adv/V + так + N/Adj/Adv/V. (Вот это дурак так дурак!)
6. Вот (тебе) и + N/Adj/V. (Вот тебе сбежали! Вот тебе и друзья!)
7. Ну и N (Ну и молодец! Ну и люди...)
8. Какой он (это) + N (Какая это музыка!)
9. Всем N N (Всем пирогам пирог)
10. Ай да N (Ай да Таня)
11. Чем не N (Чем не подарок)
12. N – это N (Розы – это цветы!) (= 'Розы всем цветам цветы')
13. Тоже мне + N/Adj/Adv/V. (Тоже мне помог)
14. Ax (ox) + Pro + N (Ax ты молодец!)
15. Ох уж этот (мне) + N (Ох уж этот Петя)
16. Из N.gen N.nom (Из хитрецов хитрец)
17. N как N (Лес как лес)
18. N и N (Лес и лес) (= 'Лес как лес')
19. (А) почему бы (и) не + N/Adj/Adv/Inf (Почему бы и не выпить)
20. То/это ли не + N/V. (Это ли не счастье)
21. Pro + ли не + N/V. (Я ли не любила)
22. (А) что + Pro, N + N (А что ему работы)
23. Где, куда, какой, какое + там, тут + N/Adj/Adv/V. (Какое там успел)
24. Куда, с кем, что, где, как... + же + Inf (Когда же было написать)
25. Pro, N + не до + N (Ему не до сна)
26. До + N + ли + Pro, N (До сна ли ему)
27. N не в N (Праздник не в праздник)
28. N есть N (Лес есть лес)
29. Как не + Inf (Как не согласиться)
30. Pro, N + ли + не + (Inf) (Ему ли не согласится)
31. Нет (что) бы + Inf (Нет (что) бы подождать)
32. Хоть + Imp (хоть уезжай)
33. Не + Inf + же (не сидеть же здесь)
34. Pro, N + ли + Inf (Ему ли знать)
35. Не так (ой) чтобы + Inf (Не так чтобы купить)

36. Где, куда + N., Pro + Inf (Где тебе знать)
 37. Я тебе дам озорничать!
 38. Не так (ой) + Adj/N/Adv + чтобы Inf (Не такой богатый, чтобы купить)
 39. Чтобы + Pro, N + V (Чтобы она когда опоздала)
 40. Только и + N, V + что (Только и разговоров, что...)
 41. N_{praed}, что P (Дурак/молодец, что...)
 42. Adv + ... + (только) то + что ... (Хорошо здесь только то, что...)
 43. Pro, N + бы + только + Inf (Ей бы только развлекаться)
 44. Чего, когда, с кем, о чем, чем, каких...+ только + не + ... (Чего только не случается)
 45. ...что ни, то... (Что ни дом, то музей)
 46. Бывают, есть + N + и + N (бывают встречи и встречи)
 47. Уж + Pro +, а... (Уж кто-кто, а она ...)
 48. Не Pro-нибудь +, а + ... (Не кто-нибудь, а ...)
 49. (уж) на что +, (а) и + тот (Уж на что октябрь, а и то тепло)
 50. Pro + так это (Когда я совсем не могу работать, так это по воскресеньям)
 51. Pro + как не + Pro, N + ... (Кто как не Петя поможет)
 52. Стоит (-ло) + Pro, N + Inf +, как... (стоило ему узнать, как...)
 53. N + N +, а/но... (Работа работой, а...)
 54. V_{inf} (то) + V_{fin} +, а/но/да... (Приехать то он приехал, а...)
 55. V_{inf} не + V_{fin} +, а/но/да... (Нашуметь нашумели, а...)
 56. ..., но V_{inf} + V_{fin} (Ничего не обещаю, но попытаться попытаюсь)
 57. ..., а/но V_{inf} не + V_{fin} (Замахнется палкой, но бить не бьет)
 58. N (то) + N, а/но/да (Мастер то он мастер, а...)
 59. V + не + V, а, но... (Хочешь не хочешь, а ...)
 60. Добро бы... +, а то... (Добро бы сделал, а то...)
 61. Не N +, а N (Не жизнь, а каторга)
 62. Какой + N (Какой певец!?)
 63. Какой + N/pro + N? (Какой он работник?)
 64. ..., да что там за N, за N... Это работу за год, да что там за год, за десяток лет не сделаешь.
 65. ПРИ-Verb + N.acc + K +N.dat (Он ПРИ-(нес/вез/вел) ребенка.acc К бабушке.dat)
 66. Imp + еще + (у меня) (Поговори еще у меня!?)
 67. А еще N называется! (А еще друг называется!?)
 68. До чего + Adj (До чего ловок!?)
 69. Какой N.nom (Какая его жизнь!?)
 70. Особый интонационный рисунок: Mnóго ты понимаешь! Очень ты мне нужна! Стáну я читать!
 71. Как V/N/Adj (Kák улетать?! Kák Петя?!)
 72. Не N.nom, а N.nom (Не жизнь, а каторга!?)
 73. comp + V/N/Adj, чем V/N/Adj (Лучше поехать на поезде, чем лететь самолетом)
 74. То ли дело + N (То ли дело Петя)
 75. N.nom + N.dat + N (Гусь свинье не товарищ).

- 76. N.nom + из N.gen + Adj (Учитель из Петрова плохой)
- 77. N.nom + за N.inst (Слово за президентом)
- 78. Hy + Inf (Hy кричать)
- 79. не Pcond + не Qimper (Не умеешь, не берись)